Лидер «Ташкент»

Василий Николаевич Ерошенко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Внимание! Голубой крейсер идет в Севастополь!» Такие донесения часто передавали весной и летом 1942 года на свои аэродромы фашистские самолеты-разведчики. И десятки «юнкерсов» поднимались в воздух, чтобы перехватить советский корабль. На его курс заранее выходили вражеские торпедоносцы и катера. Но ничто не могло помешать кораблю вновь и вновь прорываться в осажденный город. «Голубой крейсер» — это лидер эскадренных миноносцев «Ташкент», корабль, ставший на Черном море почти легендарным. Во всех боях лидером командовал капитан 3 ранга Василий Николаевич Ерошенко, ныне контр-адмирал в отставке. В его воспоминаниях рассказывается о боевых походах славного корабля, о героическом экипаже «Ташкента», подвиги которого навсегда вошли в историю Советского Военно-Морского Флота.

- Василий Николаевич Ерошенко
  - Глава 1. Тревожная весна
  - Путь к командирскому мостику
  - Новый корабль и старые знакомые
  - «Будьте готовы!..»
  - Глава 2. В строй эскадры
  - По военным фарватерам
  - Севастопольский рейд
  - Глава 3. Курс — Одесса
  - В море бывает всякое
  - Два августовских дня
  - Война проверяет, война учит
  - Глава 4. Навстречу новым боям
  - Эсминец «Фрунзе»
  - Возвращение в строй
  - Глава 5. Кавказские базы
  - «Через перевал»
  - Сквозь штормы и огонь
  - Раздумья под новый год
  - Глава 6. Между Севастополем и Большой землей
  - Двое с «Москвы»
  - Евпаторийская ночь
  - «Летучий голландец»
  - Глава 7. Прорывая кольцо блокады
  - Памятный Феолент
  - Камышевая бухта

- С сибиряками не пропадешь
- Неожиданный пассажир
- Прощай, «Безупречный»!
- Один за двоих
- Глава 8. Родной наш корабль
- Подвиг котельных машинистов
- «Турбинам работать до последней возможности!»
- И все-таки дошли
- «Достоин гвардейского звания»
- В полдень 2 июля…
- Оставляя частицу души
- Вместо заключительной главы
- Приложение

Василий Николаевич Ерошенко

Лидер «Ташкент»

Глава 1. Тревожная весна

Голубой красавец

В конце сорокового — начале сорок первого года многие черноморцы заглядывались на новый корабль, показывавшийся то в одном, то в другом порту. Само по себе появление у нас на Черном море еще одной «боевой единицы» стало уже делом обычным — флот рос и планомерно пополнялся кораблями различных классов. Но этот корабль привлекал особое внимание. Им нельзя было не любоваться.

Слегка откинутые назад мачты и трубы, первая из которых как бы срослась с крыльями мостика и обтекаемой рубкой, острый форштевень и «зализанные» обводы высокого полубака — все это словно подчеркивало стремительность корабля, говорило о большой скорости его хода. А возвышавшиеся над палубой орудийные башни и торпедные аппараты давали представление об его ударной мощи, свидетельствовали, что он создан для активного морского боя.

Словом, это было выразительное сочетание быстроты и силы. И с общим обликом корабля удивительно гармонировала не совсем обычная окраска его бортов и палубных надстроек — не просто серо-стальная, «шаровая», как у других, а с голубоватым оттенком. Она придавала кораблю нарядный, несколько щеголеватый вид, который всегда радует глаз моряка.

«Голубой красавец» — так прозвали новый корабль, будто сговорившись, военные моряки в Севастополе, Одессе, Батуми. А гражданские люди, не особенно сведущие в тонкостях корабельной классификации, стали называть его «голубым крейсером». Они были, впрочем, не так уж далеки от истины. И по вооружению, и по водоизмещению (почти четыре тысячи тонн) лидер эскадренных миноносцев «Ташкент» — таково было официальное наименование голубого красавца — представлял собою нечто среднее между обыкновенным эсминцем и легким крейсером.

Уместно сказать несколько слов о самом понятии «лидер эсминцев», поскольку этот термин встречается теперь уже редко. Он появился на том этапе развития военно-морского искусства, когда эскадренные миноносцы, ставшие потом почти универсальными боевыми кораблями, предназначались еще главным образом для торпедных атак. Теоретики этого класса

кораблей считали тогда, что во главе ударных групп эсминцев должны идти «ведущие», или «лидеры», — корабли несколько больших размеров, с усиленным вооружением, с особенно высокой маневренностью.

Вторая мировая война существенно изменила взгляды на назначение эсминцев. Использование их для торпедных атак в новых условиях свелось к единичным случаям. Вместо этого эсминцам пришлось решать множество других боевых задач. Лидеры же, как сильнейшие среди эсминцев, послужили прообразом новых серий эскадренных миноносцев, а значение особого «подкласса» постепенно утратили. И термин «лидер» стал исчезать из флотского обихода, сделавшись достоянием военно-морской истории, подобно тому, как это, в силу других причин, произошло с термином «линкор».

Но четверть века назад мы еще жили «классическими» представлениями о морском бое, опиравшимися на опыт первой мировой войны. Новый лидер означал для нас прежде всего то, что у Черноморского флота появился еще один корабль, способный возглавить стремительную атаку легких надводных сил против крупных неприятельских кораблей. Действительные боевые задачи наших лидеров и эсминцев оказались, быть может, не такими романтическими, но не менее трудными. Впрочем, не буду забегать вперед.

В те предвоенные месяцы, о которых идет сейчас речь, «Ташкент» проходил интенсивные ходовые испытания. Поэтому его и можно было встретить сегодня на Севастопольском рейде, завтра — в какой-нибудь из кавказских баз, а через день — снова в Севастополе или Одессе.

Командиром «Ташкента» был мой старый товарищ капитан 3 ранга Евгений Николаевич Жуков. А я командовал «Москвой» — другим лидером, находившимся в строю уже три года. Естественно, я не упустил возможности побывать на «Ташкенте», как только оба корабля встретились в одной базе. Я уже знал, что новый лидер показал отменные мореходные и маневренные качества. Скорость его при работе турбин на полную мощность достигала 44 узлов, что соответствует в переводе на сухопутные меры примерно 80 километрам в час. Такая скорость являлась рекордной не только в масштабах нашего Черноморского флота.

Жуков водил меня по лидеру, не скрывая гордости за свой корабль. Он действительно производил отличное впечатление. Разумеется, я не увидел чего-то необыкновенного, но по сравнению с «Москвой» на «Ташкенте» было немало нового.

Понравились мне и ходовой мостик, и очень удобная рубка, и протянувшийся вдоль всего корабля закрытый штормовой

коридор, по которому можно попасть из любого внутреннего помещения в любое другое, не выходя на верхнюю палубу. Непривычно просторными показались машинные отделения, где часть вспомогательных механизмов разместилась под съемным настилом. Ну и, конечно, покрепче корпус, посолиднее вооружение. Как-никак настоящая башенная артиллерия! До того ее имели на нашем флоте только крейсера да линкор.

Я еще не сказал, что лидер унаследовал свое название от корабля, известного по гражданской войне. Правда, тот «Ташкент», входивший в состав Волжской военной флотилии, был просто вооруженным пароходом. Но его имя прославлено подвигами экипажа, сформированного из революционных балтийцев, и стоит во флотской истории рядом со знаменитым «Ваней-Коммунистом». Зная об этом, черноморские «ташкентцы» еще больше гордились своим лидером. Нельзя было не заметить в них какой-то особой подтянутости. Наверное, все краснофлотцы, назначенные на новейший корабль, считали, что им оказана честь.

Еще большая честь — командовать таким кораблем. И, прощаясь в тот раз с Евгением Николаевичем Жуковым, я немножко ему завидовал.

Не думал я, что скоро приду на «голубой красавец» уже не в качестве гостя и что с этим кораблём будет связано самое памятное во всей моей флотской службе, да и во всей жизни.

В конце зимы, кажется в феврале, я неожиданно получил приказание явиться к командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф.С. Октябрьскому.

Надо сказать, что Филипп Сергеевич Октябрьский очень хорошо знал командиров кораблей, хотя их и становилось на флоте все больше. Он всегда был в курсе того, как идут у каждого из нас дела, имел собственное, не только по аттестациям, представление о наших личных качествах, часто выходил то на одном, то на другом корабле в море.

Словом, встречаться с командующим мне приходилось нередко. Но обычно это происходило если не на корабле, то на каких-нибудь совещаниях. Весь стиль работы адмирала Октябрьского приучил нас, командиров, смотреть на персональный вызов к нему в штаб флота как на нечто такое, для чего должны быть совершенно особые причины. Я даже не мог вспомнить, был ли хоть раз в кабинете комфлота с тех пор, как получил там приказание сдать другому командиру эсминец «Шаумян», а самому принять «Москву».

И поскольку серьезных провинностей я за собой не знал, оставалось предположить, что меня снова ожидают какие-то

перемены в службе.

Вхожу в кабинет несколько взволнованный. Представляюсь, называя себя еще непривычным, только что присвоенным мне званием — капитан третьего ранга…

Командующий идет мне навстречу от письменного стола. А может быть, он и не сидел перед этим за столом. Филипп Сергеевич всегда отличался подвижностью, непоседливостью, выдававшими кипящую в нем энергию. Рассказывали, что, обдумывая что-нибудь, он обычно шагает по кабинету, поглядывая на бухты и рейд, которые хорошо видны из его окон, на Корабельную сторону с Малаховым курганом. Должно быть, из-за нелюбви к сидению за столом командующий и завел у себя высокую конторку с наклонной доской, у которой можно работать стоя. Среди остальной довольно торжественной обстановки, полагавшейся в кабинете «по штату», эта конторка выделялась своей простотой.

Поздоровавшись со мною, командующий без всяких предисловий объявил:

— Товарищ Ерошенко, Военный совет флота имеет в виду перевести вас командиром на «Ташкент». Как смотрите на это?

— О таком корабле можно только мечтать! — выпалил я, не будучи в состоянии скрыть свою радость, да и не заботясь об этом.

— Я так и думал, что уговаривать не придется, — весело сказал Филипп Сергеевич. И, отбросив официальность, перешел на «ты»: — Корабль получаешь отличный, с отборным экипажем. И сам ты, хоть человек еще молодой, а моряк уже старый, опытный. В общем, справишься.

Мы сели. Командующий сообщил, что Жуков назначается с повышением на другую должность, а «Москву» примет у меня капитан-лейтенант Тухов. Затем Филипп Сергеевич заговорил о моих практических задачах на новом корабле.

«Ташкент» находился в это время на заводе. По завершении цикла ходовых испытаний он пришел на завод для установки недоставшего еще на лидере вооружения и некоторой другой техники. Предстояло, кроме того, произвести кое-какие корпусные работы, требовавшие постановки корабля в док. Во всех работах в целях ускорения их участвовал и личный состав лидера. Одновременно отрабатывалась организация службы — экипаж осваивал свои обязанности по корабельным расписаниям, отшлифовывал навыки действий на боевых постах.

— Самое главное, — энергично подчеркнул командующий, — быстрее наладить боевую организацию, сплотить экипаж, в кратчайший срок сделать «Ташкент» по-настоящему готовым к

бою. Филипп Сергеевич не сказал ничего такого, что выходило бы за рамки привычных для меня задач и понятий. Время было мирное, но боевая подготовка являлась основным нашим занятием, повышение боевой готовности — постоянной заботой. И все же эти слова командующего прозвучали как-то особенно значительно. Может быть, потому, что в тот знаменательный день вообще все воспринималось мною необычайно глубоко и сильно.

Окрыленный оказанным мне доверием, я испытывал огромный душевный подъем. Жалел, что нельзя отправиться на «Ташкент» немедленно. Командующий предупредил: я должен не просто передать «Москву» новому командиру, но и помочь Тухову освоиться, немного поплавать вместе с ним.

Путь к командирскому мостику

Прошло недели три, прежде чем я смог отбыть к новому месту службы. Сев в Симферополе в шестиместный самолетик, я наконец ощутил происходящую в моей жизни перемену. И, ощутив ее, забеспокоился: как-то пойдут у меня на «Ташкенте» дела? Сколько ни служи, а перевод командиром на другой корабль, пусть даже самый желанный перевод, заставляет о многом задуматься.

Я летел в тряском самолетике, почти не замечая подробностей пути. Нахлынули воспоминания — и о недавнем, и о далеком. Перед глазами проходила вся моя флотская биография.

Как это сказал командующий? «Хоть человек еще молодой, а моряк уже старый…» Может быть, и в самом деле еще молодой — мне тридцать три года. А морскую форму, если считать и курсантскую, ношу пятнадцатый год. Но мысленно зачислил себя в моряки гораздо раньше.

Трудно объяснить, как это получается, что море вдруг потянет к себе, потянет властно, неудержимо того, кто и в роду не имел моряков, и сам не у моря вырос. Одно могу сказать — так бывает. Так было и со мной.

Мой отец, железнодорожный служащий, связанный всею своей долгой трудовой жизнью со станцией Екатеринодар, а потом Краснодар, надеялся, кажется, что и я выберу себе профессию, причастную, так или иначе, к сухопутному транспорту. Поначалу к этому и шло. После школы я учился в дорожно-строительном техникуме, летом работал на ремонте путей. Вокруг были кубанские долины и зеленые предгорья. А мне все виделось море, на которое довелось взглянуть в Новороссийске еще в детстве, не давали покоя качающиеся на нем корабли…

В техникуме нашлись еще два заядлых «моряка» — Ваня Кузьмин и Сережа Шипулин. Как-то мы вместе наведались в горком комсомола узнать про путевки в военно-морское училище. Путевок нам не обещали: почему-то их не присылали в наш город. Но мы уже раззадорились и решили не отступать. Нет путевок — поедем так, благо проезд по железной дороге нам бесплатный!

В каком месяце бывает прием в морские училища, мы точно не знали. Чтобы не опоздать, отправились в путь весной, как только окончились занятия в техникуме. Запаслись характеристиками от комсомольской ячейки — и махнули прямо в Ленинград. Там выяснилось, что мы чересчур поторопились:

прием осенью. Но это нас не очень огорчило. О том, чтобы вернуться и пожить до конца лета дома, не было и мысли. Через неделю мы уже работали малярами на экскаваторном заводе. А когда настал срок, выхлопотали себе заветные путевки.

Получали их в Смольном, в Ленинградском губкоме комсомола. Шли оттуда по городу, еще недавно совсем чужому, а теперь уже немножко знакомому, и казалось нам, трем восемнадцатилетним парням из Краснодара, что счастливее нас нет никого на свете. Ведь исполнялась наша общая мечта, та, что и сдружила нас.

Но исполнилась она не у всех троих. Ване Кузьмину не помогла и комсомольская путевка: медицинская комиссия не допустила его к экзаменам по состоянию здоровья. Мы с Сергеем Шипулиным очень переживали за приятеля. Нам-то повезло до конца. Осенью 1926 года мы стали курсантами Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе.

Учиться было нелегко, давала себя знать недостаточная общеобразовательная подготовка. К тем, кто пришел с комсомольской путевкой, как и к поступавшим в училище краснофлотцам, экзаменаторы приемной комиссии относились снисходительно. Рассчитывали, очевидно, на то, что сознательное отношение к учебе, большое желание стать командирами Красного флота помогут нам одолеть «гранит науки», как принято было тогда говорить.

Мы действительно вгрызались в этот «гранит», не щадя себя. Нередко сидели над учебниками и по ночам. И все-таки не раз брало сомнение: постигнем ли всю премудрость, входившую в программы? Училище имени М.В. Фрунзе официально стало считаться высшим несколько позже, но фактически уже тогда давало знания в объеме высшего военно-морского учебного заведения.

И это несмотря на то, что многое в оборудовании классов и кабинетов относилось ко вчерашнему дню военно-морской техники. Смешно вспомнить: не было даже гирокомпаса — только магнитный. Состояние училища в двадцатых годах не могло не отражать технической отсталости и бедности страны, только-только оправившейся от хозяйственной разрухи и лишь начавшей набирать силы для могучего рывка вперед.

Но если бедновато было с техникой, то подлинное богатство училища составляли его преподавательские кадры. Здесь собрались опытнейшие моряки и видные ученые, люди большой культуры, представители лучшей части старого флотского офицерства. Гордясь славной морской историей России, они беззаветно любили флот, корабельную службу. Наверное, любовь

к флоту и помогла им, в большинстве выходцам из дворян, найти свое место в новом, советском обществе.

Помню откровенный рассказ одного из старейших преподавателей Леонида Григорьевича Гроссмана о том, как он после революции ушел было с флота, но затосковал без любимого дела. Он нашел в себе силы вернуться и стал наставником советских морских командиров. Именно наставником, а не просто учителем, потому что Гроссман не только великолепно знал свой предмет, но и умел увлечь им молодежь, поддержать и развить у нас интерес к будущей профессии.

Мы чувствовали у наших педагогов горячее желание сделать нас образованными военными моряками, энтузиастами флотской службы. На всю жизнь я сохранил глубокую благодарность преподавателю мореходной астрономии М.В. Никитину, девиатору С.И. Фролову, математикам М.Ф. Ляскоронскому и Р.А. Холодецкому и другим моим учителям. Им я обязан и тем, что, несмотря на существенные пробелы в школьной подготовке, вышел из училища с достаточными для службы знаниями, и тем, что окончательно утвердился в своем морском призвании. Большое влияние имел на всех нас и начальник училища Юрий Федорович Ралль, потомственный моряк, участник боев с белогвардейцами и интервентами на Балтике, а в дальнейшем — известный советский адмирал. Он был очень близок к курсантам, проводил много времени со своими питомцами.

Особое место занимал среди наших учителей преподаватель морской практики Никита Дементьевич Харин. Бывший корабельный боцман, он приводил нас в восхищение уже своей колоритной внешностью морского волка — богатырский рост, могучие грудь и плечи, широкое обветренное лицо с никогда не проходящим темным загаром. На уроках Харина мы как бы приобщались к настоящей морской жизни. Он учил нас вязать замысловатые узлы, плести маты и кранцы, грести, управлять парусом, был нашим флагманом, нашим адмиралом в первых шлюпочных походах. Никита Дементьевич изумительно чувствовал ветер и волну, знал множество поучительных морских историй. Некоторыми его советами я пользовался, будучи уже командиром корабля.

Весной 1930 года мы прощались с училищем. Каждому, конечно, не терпелось узнать, где ему предстоит служить. Это решалось в конце апреля, после государственных экзаменов.

Порядок распределения выпускников по флотам и флотилиям был довольно своеобразный. Один человек — «первый по списку», то есть тот, кто кончал училище с самыми лучшими показателями, — имел право «свободного выбора моря». Судьбу

остальных определяла жеребьевка.

Мы по очереди подходили к столу, за которым сидела комиссия, возглавляемая начальником строевого отдела училища Николаем Брониславовичем Павловичем. Маленькая девочка, дочка кого-то из лаборантов, вращала стеклянную урну со свернутыми в трубочку билетами. На них было написано: Балтика, Черное море, Каспий, Север, Дальний Восток… Если в скобках стояло «гидроавиация», это означало, что вытянувший билет станет, пройдя дополнительные курсы, штурманом морской авиации, которых тогда называли летнабами. Такой жребий достался моему земляку Сереже Шипулину.

Больше всего попадалось, конечно, «балтийских» и «черноморских» билетов: в то время у нашей страны было только два настоящих флота. На Севере и на Тихом океане имелась лишь морпогранохрана, а на Каспии и на Амуре — сравнительно небольшие флотилии.

Предъявлять комиссии вытянутый билет разрешалось не сразу: до утра следующего дня мы имели право «меняться морями». Мне это право не понадобилось. На моем билете значилось: «Черное море». То самое, которое довелось мне увидеть первым из всех морей! То, на которое все время тянуло. И то, которого я, в сущности, совсем еще не знал, потому что летнюю практику мы проходили на Балтике.

О Черном море и службе на нем судят порой превратно. Иной раз встретишь человека, который знает его по отпускам, проведенным на крымских или кавказских пляжах, и соответственно представляет себе жизнь черноморцев. Случается, что и свой брат — военный моряк из Кронштадта или Владивостока считает черноморца «курортником»…

Слов нет, море наше летом теплое, и солнце над ним жаркое. Такое жаркое, что накалившаяся за день корабельная сталь не остывает и ночью. В кубриках и каютах душно, особенно если по тревоге задраены иллюминаторы. Интендант, и коки, бывало, никак не найдут на корабле места, где можно подольше сберечь свежее мясо, — холодильники появились уже потом. Что же до пляжей и прочих курортных благ юга, то они меньше всего касаются военных моряков. Прослужив в Крыму одиннадцать лет, я так и не успел побывать в Ялте, в Алупке…

Оканчивая училище, я не задумывался ни об особенностях черноморской службы, ни об ее преимуществах. Не знал и того, что экипажи Черноморского флота славятся — и по праву! — своей сплоченностью, дружбой. Влечение на этот флот, на это море было у меня безотчетным. Немалую роль, вероятно, играло в этом чувстве то, что на моей родной Кубани моряка всегда

представляли черноморцем.

Официальное торжество выпуска совпало с первомайским праздником. Мы в последний раз собрались в. Зале Революции, где в 1917 году выступал Ленин и где училище отмечало все знаменательные даты. Ю.Ф. Ралль зачитал приказ, и все мы, вчерашние курсанты, стали помощниками вахтенного начальника, что соответствовало еще не существовавшему тогда лейтенантскому званию.

Первого мая — выпуск. А второго поезд увозил меня и других «черноморцев» в Севастополь. Тут нас расписали по кораблям. Я надеялся попасть на подводную лодку или торпедный катер, но таких вакансий было мало. Послали на флагманский корабль флота — линкор «Парижская коммуна».

Он принадлежал к знаменитой серии балтийских дредноутов, вступивших в строй еще в 1914 году и модернизированных в советское время. На Черное море линкор пришел в январе того же, 1930 года вместе с крейсером «Профинтерн». Экипаж еще жил впечатлениями двухмесячного плавания вокруг Европы, воспоминаниями о страшном шторме в Бискайском заливе, после которого пришлось ремонтироваться в Бресте, о стоянке в Неаполе, о встрече с Максимом Горьким. В судовой лавочке не перевелись еще итальянские сигареты. Народ на «Парижской коммуне» был с гордецой: кое-что, мол, повидали…

Помощник вахтенного начальника — это командир еще без определенной специальности. Он мог стать артиллеристом или минером, связистом или штурманом. Мне хотелось специализироваться по штурманской части. И потом, я учился в штурманском классе курсов усовершенствования комсостава. Но на линкоре попал в распоряжение старшего артиллериста Федора Ивановича Челпанова, который определил мне быть дальномерным специалистом.

Ф.И. Челпанова помнят многие черноморцы. На «Парижской коммуне» он пользовался особым авторитетом и поистине виртуозно управлял огнем двенадцатидюймовых орудий. Известна была его строгость. Но, не прощая никакой небрежности, халатности, Федор Иванович предоставлял подчиненным большую самостоятельность. И немало опытных артиллеристов гордятся, что были его учениками.

Артиллерия не стала моей специальностью на всю службу. Однако полтора года, проведенные под началом Челпанова, научили многому такому, что нужно не только артиллеристу. И прежде всего по-настоящему, по-командирски отвечать за порученное тебе дело.

После линкора я был штурманом, а затем помощником

командира на канонерской лодке «Красный Аджаристан». На ней впервые испытал ни с чем не сравнимую радость и гордость самостоятельного управления кораблем. Правда, там я лишь временно исполнял командирские обязанности. Но довольно скоро, в 1935 году, был назначен командиром строившегося в Севастополе тральщика «Груз».

Командиром корабля мысленно видит себя каждый курсант военно-морского училища. А когда училище уже позади, отчетливо сознаешь, как далеко тебе до заветного командирского мостика. Чтобы мечта о нем обрела какую-то реальность, нужно не просто многому научиться, но и заслужить то особое, доверие, которым облечен командир хотя бы самого маленького корабля. Ведь в открытом море возможны любые неожиданности, а старшие начальники далеко. Недаром за командиром корабля всегда признавалось право в случаях, не предусмотренных уставом и приказами, действовать по своему усмотрению, соблюдая интересы и достоинство Советского государства.

На «Грузе» я понял, что такое командирская ответственность. Я вводил этот тральщик в строй, формировал и сколачивал его экипаж, поднимал на нем флаг… И это был первый в моей службе совершенно новый корабль. Пусть небольшой, но вполне современный, он резко отличался — и внешним видом, и всем своим оснащением — от судов постройки начала века, доставшихся нам в наследство от старого флота. Радостно было сознавать, что наш быстроходный дизельный тральщик — один из первенцев флота нового, который создавала Страна Советов для защиты своих морских рубежей.

С середины тридцатых годов рост флота становился все заметнее. Ускорялось и продвижение по службе командных кадров. Поплавав на «Грузе» около года, я вступил в командование новым сторожевым кораблем «Шторм». Но и на нем долго не задержался — перевели на эсминец «Шаумян». Потом принял «Москву»… Так что до «Ташкента» я, если даже не считать канлодки, командовал уже четырьмя кораблями.

Однако назначение на новейший лидер означало нечто большее, чем просто очередное служебное повышение. И меня все сильнее охватывало нетерпеливое беспокойство.

Очень жалел, что не застану на «Ташкенте» Евгения Николаевича Жукова: он уже отбыл к новому месту службы, временно сдав лидер старпому. Если я чем-то помог Тухову на «Москве», то и для меня были бы полезны советы моего предшественника. Тем более, что с Жуковым мы знакомы давно — с тех пор как вместе плавали на линкоре. Еще тогда я многому у него учился: он был старше и по службе, и годами. А потом

именно от Евгения Николаевича я принимал эсминец «Шаумян». Теперь он же передавал мне еще один корабль, правда, на этот раз заочно.

С аэродрома я поспешил прямо на завод. Получил пропуск, оставил в проходной чемодан. И невольно ускорил шаг, увидев за корпусами цехов характерную, чуть наклоненную назад, фок-мачту «Ташкента».

У трапа меня встретил высокий, худощавый старший лейтенант. Я знал его в лицо, как и всех командиров, давно служивших на черноморской эскадре. Это был Иван Иванович Орловский, отныне мой старший помощник.

Новый корабль и старые знакомые

Должно быть, вся корабельная обстановка, где не только служба, но и общий быт тесно связывают людей незримыми нитями, способствует тому, что флотский человек быстро осваивается на новом для него корабле. А для меня это облегчалось на «Ташкенте» еще тем, что среди трехсот с небольшим членов экипажа набралось, не считая комсостава, по крайней мере тридцать — сорок краснофлотцев и старшин, в какой-то степени мне знакомых.

На новый лидер списывали со всех эсминцев лучших специалистов, активистов, а такие люди всегда известны не только на том корабле, где они служат. И все же я не ожидал, обходя в первый раз строй экипажа, увидеть столько знакомых лиц. Одни запомнились по собраниям партийного актива, других встречал на совещаниях передовиков боевой и политической подготовки. А с некоторыми «ташкентцами», особенно из числа старшин-сверхсрочников, уже приходилось вместе плавать.

Вот стоит во главе боцманской команды мичман-богатырь Сергей Филиппович Тараненко — мой сослуживец и по «Шторму», и по «Шаумяну». Приятно, что мы с ним снова на одном корабле. Тараненко — опытнейший моряк и авторитетный коммунист, не раз возглавлявший корабельные партийные организации. Кажется, доволен нашей встречей здесь и Сергей Филиппович. Держится он с подобающей случаю официальностью, но под пышными усами прячется приветливая улыбка. Природа наделила Тараненко истинно боцманской внешностью и внушительным басом. Однако грозный вид боцмана обманчив: человек он добродушный, очень любит детей. Своих у него — трое.

— Как сыновья, боцман?

— Растут моряки, товарищ командир! — и Сергей Филиппович больше уже не прячет доброй улыбки, которая расходится из-под усов по всему его широкому лицу.

Не требуется мне знакомиться и со статным главстаршиной Петром Попко, возглавляющим на лидере группу электриков, с дальномерщиком Григорием Подгорным и комендором Василием Донцом, с веселым и находчивым мичманом Федором Сапьяновым — главой трюмных машинистов, с командиром отделения пулеметчиков Василием Мамонтовым… Все они не первый и не второй год на эскадре. Это умелые и мужественные люди, с которыми ничто в море не страшно. Такие моряки должны стать крепким костяком экипажа, примером для младших

товарищей.

Но, конечно, особенно важно узнать командный состав, Здесь это большой коллектив — не то, что на тральщике или на нашей старой канлодке. где, за стол кают-компании садилось вместе с командиром корабля пять человек. На лидере только командиров-артиллеристов — семеро, инженер-механиков — четверо. А всех командиров подразделений по штату более двадцати. И хочется побыстрее составить о каждом определенное представление — насколько подготовлен, каков характером, как понимает свои задачи… Не зная всего этого, трудно уверенно управлять кораблем.

Особенно заинтересованно присматриваюсь к старпому. В лицо и по фамилии я знал Орловского давно, слышал, что он коренной севастополец. Однако близко соприкасаться с ним раньше не приходилось. Оказывается, он из семьи кадрового рабочего Морзавода. А я представлял себе Ивана Ивановича сыном старого учителя или врача: у Орловского тонкое, немного нервное лицо интеллигента.

Первые впечатления о деловых качествах старпома радуют: распорядителен, энергичен, постоянно в курсе всего, что делается на корабле. Вот только, пожалуй, чересчур беспокойного характера. Главное — каков он будет в походах, в море?

Что касается заместителя по политической части батальонного комиссара Сергеева, то тут я не задаю себе никаких вопросов. Шесть лет назад Александр Васильевич Сергеев разделял: со мною первые мои командирские тревоги и радости. Ведь это мы с ним, тогда политруком по званию и военкомом корабля по должности, вводили в строй тральщик «Груз».

Александр Васильевич старше меня на несколько лет, а на военной службе еще с гражданской войны. Политработник он боевой, не из тех, кто делает главным местом встреч с людьми свою каюту. В каюте, особенно в море, его, бывало, и не застанешь. Если комиссар не на мостике, значит, ищи его в машине, в радиорубке или у минеров на юте.

Сергеев в первый же день рассказал, что на «Ташкенте» крепкая и довольно большая парторганизация — свыше тридцати коммунистов. А комсомольцев больше двухсот, то есть две трети экипажа. Замполит познакомил меня со своими помощниками — политруками БЧ-II и БЧ-V (артиллерийской и электромеханической боевых частей).

Политрук БЧ-V Василий Иванович Смирнов, он же секретарь партийной организации, сразу произвел на меня впечатление человека спокойного, скромного и обстоятельного, каким и оказался на самом деле. Политработником БЧ-II был младший

политрук Григорий Беркаль, которого в кают-компании почти все звали просто Гришей. Юношески худощавый, очень живой и подвижной, он выглядел еще моложе своих двадцати с небольшим лет, что, однако, не мешало Беркалю пользоваться уважением не у одних артиллеристов, а и во всем экипаже.

На корабле, где предусмотрена должность старпома, бывает еще помощник командира. На «Ташкенте» эту должность занимал старший лейтенант Сергей Константинович Фрозе — смуглый, с выразительным лицом молдаванин, темпераментный и даже несколько экспансивный, но зато — в этом я скоро убедился — не унывающий ни при каких обстоятельствах. Фрозе я знал до сих пор лишь «издали», как сослуживца по эскадре. А на «Ташкенте» нашел в нем не только хорошего помощника, но и чудесного товарища.

Здесь же надо сказать и о командирах основных подразделений лидера, которым принадлежит важная роль в дальнейших событиях. Из них наиболее хорошо был мне известен командир БЧ-V, или старший инженер-механик Павел Петрович Сурин, мой сослуживец по «Шаумяну».

Про флотских механиков иногда говорят, что у них-де слаба строевая жилка и складываются порой слишком «производственные» отношения с подчиненными. Работа у корабельных котлов и машин в спокойной обстановке действительно несколько похожа на заводскую, и это накладывает известный отпечаток на привычки людей, их манеру держаться. А из-за шума механизмов словесные команды тут нередко заменяются условными знаками, жестами. Но что касается требовательности к личному составу, то, сколько я знал Сурина, это командирское качество всегда было присуще ему в наивысшей степени.

Многим Павел Петрович казался сухим и мелочным педантом. Он и впрямь был способен месяцами помнить про оплошность машиниста или трюмного, не вовремя перекрывшего на тренировке какой-нибудь клапан. А учет всех расходных материалов вплоть до протирочной ветоши вел лично. Он вообще постоянно что-то записывал в блокнот, с которым никогда не расставался, и это тоже не всем нравилось. Однако никто не стал бы оспаривать, что Сурин не просто знаток своего дела, но и самозабвенно ему предан. И еще на «Шаумяне» я имел случай убедиться, какой это смелый и решительный человек.

Нет нужды разбирать тут, почему тогда вспыхнула бочка с бензином, находившаяся на палубе в двух метрах от торпед. А корабль стоял у топливной пристани, куда подошел для приема горючего… Услышав неожиданный сигнал тревоги, я выскочил

наверх и застал такую картину: вблизи торпедного аппарата ярко горит какой-то предмет, а механик сидит на нем верхом с огнетушителем в руках. Именно сидит верхом — так мне это в первый момент представилось…

Сурин отнюдь не был виновником случившегося. Но, понимая, какая опасность грозит кораблю, он стремглав бросился с «минимаксом» к месту происшествия, опередив всех, кто находился ближе. И так разбежался по скользкой палубе, что на какое-то мгновение пылающая бочка оказалась у него между ног — как раз в этот момент я и появился наверху. Все обошлось благополучно. Но опасность была быстро ликвидирована в значительной мере благодаря молниеносной реакции Сурина, его самоотверженности.

На «Ташкенте» военинженер 3 ранга Сурин предстал предо мною в обычном виде корабельного механика, только что оторвавшегося от своих дел в скрытых под верхней палубой «низах»: рабочий китель забрызган не то маслом, не то мазутом, во всем остальном тоже ничего похожего на внешний лоск. Но в машинных отделениях, куда он меня повел, царил прямо-таки сверкающий порядок. И это при стоянке у заводской стенки, когда на корабле производились различные работы!

Обходя укрытую металлическим кожухом турбину, я нечаянно перехватил укоризненный взгляд механика, которым тот безмолвно указал находившемуся здесь старшине на какое-то упущение. Старшина поспешно шагнул к столику у переборки и поправил раскрытый вахтенный журнал турбины. Вот, оказывается, в чем было дело: журнал лежал неровно, сдвинулся на край столика…

Я мысленно улыбнулся: Павел Петрович оставался самим собою. И значит, на «Ташкенте», как и всюду, где он служил, действовала в полную силу «суринская школа», приучающая людей к сознанию, что в корабельной службе, а уж тем паче в электромеханической' боевой части, нет и не может быть мелочей.

Человеком иного склада был командир штурманской боевой части лейтенант Александр Матвеевич Еремеев, оказавшийся, между прочим, моим земляком-кубанцем — бывшим железнодорожником со станции Кавказская. Веселый острослов, он мог показаться несколько самонадеянным и даже беспечным. Но я не забыл, как при первом моем посещении «Ташкента» Евгений Николаевич Жуков по-дружески похвастал: «Штурман у меня такой, что не отдам никому!» Отзыв прежнего командира корабля был, как показало дальнейшее, вполне обоснованным.

Артиллерийскую боевую часть возглавлял старший лейтенант

Николай Спиридонович Новик, минно-торпедную — лейтенант Леонид Соломонович Фельдман. Оба были известны мне как отличные специалисты. Командира боевой части связи и наблюдения к тому-времени еще не назначили. Позже пришли на лидер и некоторые другие из моих новых сослуживцев. С ними читатель еще познакомится.

Чем ближе я узнавал командиров подразделений, старшин, краснофлотцев, тем яснее видел, какой хороший подобрался на «Ташкенте» экипаж. Правда, в море я с ним еще не выходил. Но проверяла людей уже та напряженная подготовка к походам, которой были заняты все на корабле.

Военный моряк учится, совершенствуется всю свою службу. Однако, когда вводится в строй корабль, где все для всех новое, учиться приходится особенно настойчиво. Нельзя было не оценить по достоинству то, чего уже достигли «ташкентцы» до моего прихода на лидер. Большинство моряков чувствовало себя на своих боевых постах по-хозяйски. Это проявлялось и в их деловых, конкретных претензиях к заводу по части различных доделок. А командный состав успел не только многому научить подчиненных, но и сплотить экипаж. Моряков, лишь недавно познакомившихся друг с другом, объединяло уже помимо корабельных списков общее чувство ответственности за добрую славу «Ташкента». На молодом корабле начинали складываться свои традиции.

Незаметно пролетели первые недели моей службы на новом лидере. Хлопот, забот, трудностей было немало, но работы успешно продвигались вперед. Впрочем, нас пока не особенно торопили. Срок выхода «Ташкента» с завода назывался лишь ориентировочно. Крутой перелом в темпах работ произошел после того, как на заводе побывал командующий флотом.

«Будьте готовы!..»

Вице-адмирал Октябрьский прилетел неожиданно. И сразу же командиры всех кораблей, которые достраивались или ремонтировались на заводе, были собраны в салоне крейсера, стоявшего по соседству с «Ташкентом».

— Военному совету флота, — начал командующий, — необходимо иметь ясное представление о состоянии каждого корабля. Прошу всех кратко доложить: что сделано, что осталось сделать для приведения корабля в полную боевую готовность, сколько на это требуется времени…

Мы стали по очереди докладывать. Филипп Сергеевич слушал очень внимательно и не позволял вдаваться в малосущественные детали. Все его вопросы касались только самого основного — того, что определяет готовность выйти в море и решать свойственные данному кораблю задачи. Весь тон совещания наводил на мысль, что это не просто очередная проверка положения дел на кораблях, находящихся в отрыве от главной базы. Выслушав командиров, Ф.С. Октябрьский сказал:

— О задачах по отдельным кораблям будет, с кем следует, дополнительный разговор. Но всех без исключения касается вот что: работы надо всемерно форсировать. И боевую подготовку тоже. — Он окинул нас быстрым взглядом и, как бы отвечая на никем еще не выраженную просьбу пояснить сказанное, продолжал: Люди вы зрелые и вдобавок военные. За развитием событий в Европе следите. Значит, должны понимать, куда клонится дело. А для ориентировки могу сообщить: Германия, как это установлено, сосредоточила много своих войск вблизи нашей западной границы. Обстановка чревата серьезными осложнениями. Нужно быть готовыми ко всему. Потому и требуется сжать, как только можно, сроки оставшихся работ. Завод сделает все, что в его силах…

Такое прямое предупреждение о возможности близкой войны с Германией я услышал впервые. И, наверное, не у одного меня возник недоуменный вопрос, которого, впрочем, никто Ф.С. Октябрьскому не задал: «А как же договор о ненападении?..»

Конечно, мы знали, что представляет собою немецкий фашизм. Видели, как разрастается в Европе гитлеровская агрессия. Кто же не понимал: когда-нибудь предстоит и нам принять бой с Гитлером! И все-таки фактам вопреки верилось, что непосредственной опасности нападения Германии на нашу страну еще нет.

Ведь не только в печати, но и в докладах о международном

положении в закрытой командирской аудитории не допускалось даже намека на возможность нарушения Германией договора о ненападении. Наоборот, часто подчеркивалось, что государственные отношения с нею развиваются нормально. В наших портах спокойно отстаивались немецкие торговые суда, которым обстановка на Средиземном море не позволяла выйти за проливы. А в газетах помещалась сперва берлинская сводка о ходе военных действий в Европе, а уже за ней — лондонская. Все это, казалось, подтверждало, что вооруженный конфликт с Германией Советскому Союзу пока не угрожает.

Вот почему слова командующего произвели такое впечатление. Вернувшись на «Ташкент», я прошел прямо к Сергееву, испытывая потребность немедленно поделиться с ним тревожными новостями. Только одному замполиту я и был вправе пересказать все услышанное от адмирала Октябрьского.

В тот же день мы провели собрание командного состава корабля. О том, что приказано всеми силами ускорить подготовку к выходу в море, я сказал прямо, А о том, чем вызывается такая необходимость, — в общих чертах. Предавать огласке информацию о сосредоточении германских войск у советских границ разрешено не было.

Общей напряженностью международной обстановки без упоминания о Германии объясняли мы и всему экипажу поставленные перед ним новые задачи. Но моряки прекрасно поняли, о чем идет речь. Если и раньше краснофлотцы неутомимо помогали заводским специалистам, то теперь все готовы были работать хоть вовсе без отдыха.

Никто не отменял увольнения в город, но оно прекратилось как-то само собой. Завод вел работы на корабле в две смены, и моряки считали своим долгом все время быть рядом с рабочими. А до их прихода на борт, в ранние утренние часы, проводились тренировки на боевых постах, корабельные учения.

Дни пошли горячие, загруженные до предела. Но ни от кого я не слышал жалоб на усталость. Краснофлотцы не раз спрашивали, нельзя ли добиться, чтобы работы шли в третью смену, ночью. Однако завод и так делал максимум того, что мог. Почти ежедневно бывая у директора А.В. Самарина, я видел, как этот хмурый, неразговорчивый человек мобилизует все свои ресурсы. Занятые у нас на корабле рабочие бригады трудились поистине самоотверженно. За первую половину июня они закончили монтаж вооружения, на что при обычных темпах, вероятно, потребовалось бы еще месяц.

До нас не доходило больше никаких сведений об обстановке у западных границ. В газетах появилось сообщение ТАСС, где

говорилось, что, по мнению советских кругов, Германия соблюдает условия пакта о ненападении так же неуклонно, как и Советский Союз, и назывались провокационными распространяемые за рубежом слухи, будто она готовится на нас напасть. Перечитывая это сообщение, я старался понять, какие цели оно преследует. Чувствовалось: рассчитано это на кого-то за пределами нашей страны. Во всяком случае, я не допускал мысли, что командующий передал командирам кораблей просто какие-то слухи. Да и штаб флота, видимо, не без оснований держал с тех пор работы, на «Ташкенте», как и. на других кораблях, под усиленным контролем.

На душе часто бывало тревожно. Обходя по вечерам корабль, проверяя сделанное за день, я мысленно спрашивал себя; успеем ли, будем ли вовремя готовы?

За электромеханическую и штурманскую, боевые части беспокоиться не приходилось — лидер уже плавал. Хуже обстояло дело с артиллерийской и минно-торпедной, личный состав которых, по существу, не приступал к практической огневой подготовке.

Вооружение «Ташкента» выглядело внушительно, особенно главный калибр. Спаренные 130 — мм орудия, установленные в трех наших башнях, — новинка отечественной морской артиллерии. Они обеспечивают поражение целей на дистанции до 20 миль (37 километров). Полигонные испытания подтвердили высокую скорострельность и другие достоинства этой системы. Но лишь командир БЧ-II Новик и восемь комендоров, выезжавших на артполигон вместе с ним, стреляли из этих орудий. Будет ли у нас время, чтобы все артиллеристы прошли нормальный курс учебных стрельб? Не провел лидер и ни одной учебной торпедной атаки.

В середине июня «Ташкент» поставили в плавучий док для проверки подводной арматуры и покраски корпуса. Теперь можно было увидеть корабль до самого киля. Он и в доке оставался удивительно красивым. Внушали уважение огромные гребные винты с блестящими бронзовыми лопастями. Моряки осматривали поднявшееся из воды стальное тело корабля с тем невольным почтением, которое вызывает вид всего крепкого, надежного, сильного. Их взгляды словно говорили: вот ты какой у нас здоровяк!

Докованием завершался план заводских работ. Считанные дни оставались до выхода в море. Наступила суббота 21 июня…

День выдался солнечный, знойный. Все в природе напоминало о том, что уже вошло в свои права лето. Даже на завод доносились с раскинувшихся за городом полей медвяные

запахи цветов и трав. Широкий Буг, искрясь под солнцем, лениво катил к морю свои зеленоватые воды.

В такой день особенно жарко в железной коробке дока. К полудню корпус корабля накалился, словно натопленная печь. Лица и спины работающих людей мокры от пота. Но они будто и не замечают этого. Спускаясь с палубы вниз, все время слышу вокруг песни.

Подошли Сергеев и Фрозе. Помощник докладывает, что, по его расчетам, за вечер и ночь доковые работы будут закончены. Значит, завтра, в воскресенье, как и намечалось, спускаем корабль на воду. Это еще не объявлено экипажу, но люди и сами видят, что дела осталось немного. Потому и настроение у всех сегодня такое боевое.

Раздается сигнал на обеденный перерыв. Моряки поднимаются из глубин дока на корабельную палубу. На полубаке все шумно приветствуют только что появившегося на борту электрика Григория Шульженко. «Качать его!» — задорно требует чей-то звонкий голос. Мгновение — и увесистый Шульженко взлетает над полубаком, подкинутый в воздух дружным усилием матросских рук.

А в стороне стоит зардевшаяся от смущения чернобровая дивчина в рабочем комбинезоне. Это Галя из малярного цеха. Она пришла сейчас на корабль вместе с Григорием и, видно, не ожидала, что появление их обоих на палубе привлечет общее внимание.

Но могло ли быть иначе, если всем на корабле известно: вчера Григорий и Галя справили свадьбу. Их наперебой поздравляют все, кто не успел раньше. А сорок «ташкентцев» были накануне на их свадьбе. Праздновали ее в пригородном селе над Бугом — родном селе и моряка, и девушки. До села недалеко, и я заранее обещал жениху с невестой отпустить всех, кого они пригласят. В последнее время краснофлотцы ходили на берег только по делам, но тут случай особый. Часто ли так бывает, что матрос женится в родном краю, а его корабль, полный друзей-товарищей, стоит рядом!

В числе гостей был на свадьбе и я. Столы, расставленные в садочке возле хаты родителей невесты, ломились от угощений. Отец Гали оказался работником судостроительного завода, а по фамилии — тоже Шульженко, как и большинство его односельчан. Оба «батьки Шульженки» — Гришин и Галин отцы, — обнявшись и притопывая каблуками, дуэтом выводили задорные шуточные прибаутки. Им вторил, звонкоголосый дуэт молодых.

А потом все притихли, заслушались, когда «ташкентцы»

запели хором старинную матросскую «Раскинулось море широко…». В этом селе, давшем заводу не одно поколение корабельных мастеров, а флоту многих моряков, должно быть, издавна любили все, что связано с морем.

Свадебное веселье было еще в полном разгаре, когда мы с Фрозе возвращались на корабельном катере на завод. За этот вечер, проведенный в чудесном украинском селе у привольного Буга среди простых и сердечных людей, мы отдохнули душой от забот и треволнений последних напряженных недель. И как-то улеглись тревоги, не хотелось думать ни о чем плохом. Могли ли мы знать, что это последняя мирная ночь, а в следующую разразится военная гроза!

В пятом часу утра 22 июня меня разбудил телефонный звонок. Дежурный но штабу базы взволнованно сообщил: Германия начала войну, только что был налет на Севастополь…

Несколько часов спустя на верхней палубе «Ташкента», уже выведенного из дока, состоялся общий митинг экипажа и обслуживавших корабль рабочих. Выступил батальонный комиссар Сергеев. Потом брали слово старшины, краснофлотцы, заводские мастера. Это был один из бесчисленных митингов, на которых в тот день армия, флот и вся страна выражали гневное возмущение подлым нападением фашистов, решимость разгромить коварного врага.

Закрывая митинг, я поблагодарил товарищей с завода за все, что они сделали для быстрейшего ввода «Ташкента» в строй. А экипажу объявил: корабль отныне на военном положении, сейчас начнем принимать боезапас, топливо и продукты, чтобы в полной готовности ждать боевого приказа командования.

Глава 2. В строй эскадры

Шквал на Буге

На «Ташкенте» почему-то все были уверены, что нас немедленно вызовут в Севастополь — главную базу черноморцев, где находились другие корабли эскадры и ее штаб. Это отражало общее стремление экипажа скорее стать в строй действующего флота, принять участие в его боевых делах.

Однако нам приказали оставаться пока на заводе. Было понятно, что все корабли не могут понадобиться на войне сразу, а рассредоточение, их по портам — разумная мера защиты от налетов неприятельской авиации. И все же бездействие тяготило команду.

Это бездействие, конечно, не означало безделья. Экипаж напряженно занимался боевой подготовкой, нес вахты, караульную службу. Продолжалось устранение мелких недоделок и дефектов, которые неизбежно обнаруживаются в корабельном хозяйстве после длительных заводских работ. Командиры и старшины придирчиво контролировали все действия подчиненных. Даже Сурин, и раньше исключительно строгий, сумел стать еще требовательнее. С первых дней войны наш механик постоянно, где бы ни находился, носил на брючном ремне кобуру с наганом. Не потому, конечно, что оружие могло ему практически понадобиться, а, наверное, из стремления всем своим видом подчеркнуть суровость обстановки.

Краснофлотцы трудились, не покладая рук. Однако привычное сознание важности их будничных, «мирных» занятий уже не приносило морякам прежнего удовлетворения. Экипаж хотел воевать, а терпеливо ждать своего часа еще не умел. Людей мучило, что орудия нашего корабля молчат и сам он стоит у причала, в то время как враг продвигается все дальше в глубь страны.

Мы в то время не особенно много знали о том, как развертываются боевые действия флота. Самым значительным событием первых дней войны, о котором кратко сообщило и Совинформбюро, был набег черноморских надводных кораблей на порт Констанца — основную военно-морскую базу противника. Сведения, поступившие по флотским каналам, подтверждали, что смелый набег причинил врагу существенный урон: артиллерийский огонь кораблей вызвал пожары в

нефтехранилищах, повредил портовые сооружения и железную дорогу, прервал сообщение между Констанцей и Бухарестом.

Все это сделали утром 26 июня два лидера — «Харьков» и «Москва». Но для «Москвы» ее первый бой стал и последним: лидер погиб у неприятельских берегов. Сперва, когда до нас не дошло еще никаких подробностей, и в штабе базы знали лишь о самом факте гибели лидера, мне не хотелось верить, что это правда.

Потеря, тяжелая для всего Черноморского флота, была для меня большим личным горем. Я долго командовал «Москвой», знал на ней каждого краснофлотца. Прошло каких-нибудь три месяца с тех пор, как этот корабль принял у меня капитан-лейтенант Тухов… Представить, что его нет в живых, мне было трудно.

Мы познакомились с Александром Борисовичем еще в училище, вся его флотская служба прошла на моих глазах. Человек глубокий и вдумчивый, строгий к себе и взыскательный к товарищам, он не со всяким шел на дружбу. Но если уж подружился, то навек. А к кораблям, на которых служил, привязывался так, что и в самые спокойные дни стоянки редко уходил домой.

В командование «Москвой» Тухов вступил уверенно, и я не сомневался, что передаю корабль в надежные руки. Но только время и походы могли выработать то полное взаимопонимание между новым командиром и экипажем, которое так много значит в бою. Меня угнетала мысль: не вызвала ли трагический исход первого боя «Москвы» какая-нибудь роковая оплошность, связанная с молодостью командира? И может быть, все кончилось бы иначе, останься на корабле я? Три года готовил я экипаж «Москвы» к боевым действиям. Там бы мне и воевать.

Невольно приходило на ум, что на «Ташкенте» я пока в еще более трудном положении, чем был Тухов на «Москве»: встретил войну командиром корабля, на котором ни разу не выходил в море. От таких мыслей стоянка в порту делалась еще тягостнее.

Долгожданный приказ — следовать в Севастополь — пришел в середине июля. На лидере необычайное оживление. Не дожидаясь команды об изготовлении корабля к бою и походу, моряки еще и еще раз проверяют свои заведования. Мне не приходится почти ни о чем напоминать командирам подразделений — у них все продумано, предусмотрено.

— Разрешите орудийным расчетам находиться на боевых постах непрерывно? спрашивает командир БЧ-II старший лейтенант Новик.

Даю на это «добро» — на переходе не помешает иметь в

максимальной готовности все огневые средства. Новик спросил о расчетах башен главного калибра. Что касается зенитчиков, то они уже вообще переселились к своим орудиям.

Основные зенитные средства лидера — батарея 37-миллиметровых автоматов. Расположена она на специальной площадке у второй трубы. Как-то, обходя ночью корабль, я поднялся на эту площадку и обнаружил краснофлотцев, отдыхающих около пушек. Некоторые еще не спали и встали при моем появлении.

— Значит, вы и ночуете здесь? — спросил я, несколько удивленный.

— Так нам спокойнее, товарищ командир, — ответил за всех комсорг батареи старшина 2-й статьи Григорий Гутник. — Если тревога, мы уже на месте…

Фашистская авиация еще не бомбила завод, но моряки знали про налеты на Севастополь и другие приморские города, и в инициативе зенитчиков был резон. Вскоре они окончательно обжили свою площадку, стали тут и обедать, и ужинать.

Выход в Севастополь назначили с таким расчетом, чтобы засветло спуститься по реке в лиман и дойти до рейда, а морской переход совершать в темное время. Выдержать этот график, однако, не удалось.

Сама река в нижнем течении широка. Но ширина глубоководного корабельного фарватера не превышала 80 — 100 метров. Это почти вдвое меньше длины корпуса такого корабля, как «Ташкент», о чем все время надо помнить. Впрочем, если хорошо видны створные знаки и буи и нет сильного ветра, проводка корабля по реке не представляет сложности, а в день нашего перехода прогноз погоды никаких неприятностей не предвещал.

Мы отошли от причала, развернулись, легли на первый речной створ… Наконец-то я получил возможность почувствовать корабль на ходу, посмотреть, как он ведет себя на циркуляциях, как слушается руля и машин и в конечном счете — командира.

«Ташкент» слушался меня отлично. Уже после первых поворотов мне стало хорошо и спокойно, появилось знакомое, всегда радостное ощущение собственной слитности с кораблем. Строгая тишина мостика, нарушаемая лишь ровным гулом турбовентиляторов, помогала настроиться на походный лад.

Вопреки благоприятному прогнозу вскоре небо начали заволакивать иссиня-черные тучи. Воздух над рекой словно застыл в душной истоме. Штурман Еремеев, выглянув из своей рубки, доложил, что атмосферное давление резко падает.

На Черном море известен тропическими ливнями район

Батуми. Не все знают, что ливни, не уступающие по силе батумским, но в отличие от них сопровождаемые обычно шквалистым ветром, бывают порой и здесь, в районе лиманов. Кажется, такой ливень и собирался обрушиться на нас. Это не беспокоило бы меня, будь мы уже в море или хотя бы в лимане. Но попасть под непроглядный ливень, да еще с ветром на узком речном фарватере — перспектива не из приятных.

— Товарищ командир, похоже, идет шквал… — озабоченно произнес, будто подслушав мои мысли, вахтенный рулевой старшина 2-й статьи Андрей Ковалев. Это бывалый, опытный моряк, до военной службы плавал на черноморских танкерах.

Мы со штурманом, настороженно следим за горизонтом. Если уж шквал тут захватит, важно, заранее знать, с какого румба он нагрянет. Хорошо бы встретить его прямо по курсу. При всех прочих вариантах корму легко может занести в сторону от фарватера. Вот был бы скандал: едва успев отойти от заводской стенки, посадить корабль на мель. А такое здесь, на реке, кое с кем случалось…

— Товарищ командир! По-моему, шквал налетит с правого борта.

Это опять Ковалев. И он прав. Вот уже справа потянул свежий ветер. По тихой до этого поверхности реки загуляли вдруг белые барашки. Увеличиваем ход: надо успеть выйти на следующий створ. Там, за поворотом реки, наш курс, кажется, совпадет с определившимся направлением ветра.

«Право руля!» Лидер послушно ложится на новый створ. В ту же минуту все окружающее скрывает завеса воды, шумно хлынувшей с небес. Не видно уже ни берегов, ни реки. Дальше идти немыслимо — мы не в море… Чтобы быстрее остановить корабль, ставлю стрелки машинного телеграфа сперва на «средний назад». Одновременно приказываю отдать якорь. Такая возможность была предусмотрена. Главный боцман Тараненко стоял со своими людьми наготове.

Грохочет якорьцепь…

«Якорь забрал хорошо!» — кричит боцман в мегафон с полубака. Мы со штурманом, промокшие до нитки, не сводим глаз с картушки компаса. Картушка успокаивает: корабль удержался на курсе, а значит и на фарватере.

Минут через пятнадцать вокруг начало светлеть. Еще немного, и дождь прекращается. Стих и ветер. Шквал унесся куда-то дальше. Теперь, когда снова видны берега и створные знаки, можно в полной мере оценить, насколько удачно стали мы на якорь. Только просто ли в удаче дело? Маневр корабля обеспечили искусный рулевой, умелая боцманская команда,

отлично натренированные строгим Суриным турбинисты, которые с такой быстротой реагировали на сигналы машинного телеграфа.

За несколько минут я узнал о выучке экипажа то, чего не узнаешь за недели стоянки у причала. Пусть это был не бой, а лишь вводная, которую дала нам природа. Стихия сродни бою тем, что так же требует от моряков мгновенной реакции на внезапные изменения обстановки, на неожиданные команды. И при столкновении со стихией, как и в бою, корабль запросто может попасть в беду из-за того, что один человек сделает что-нибудь неправильно или не вовремя. Шквал на реке никого у нас врасплох не застал, и это кое-что значило.

Уже в сумерках проходим лиман. За ним — черноморские просторы. Впереди показался силуэт эсминца, замигал узким лучиком сигнальный фонарь. Принимаем семафор: «Стою на якоре, засолена котельная вода». Эсминец оказался заводским — накануне вышел на ходовые испытания и вот застрял на рейде…

Задерживаться здесь не входило в наши планы. Однако не выручить товарищей нельзя, тем более что котельной воды у нас много. Подходим к борту эсминца. Трюмные вооружают шланги. О своих действиях доношу по радио в Севастополь.

Непредвиденная стоянка на морском рейде кончилась тем, что зенитчики «Ташкента» провели здесь первую боевую стрельбу. Было уже за полночь, когда в темном небе послышался гул самолетов. Батареи на берегу открыли заградительный огонь. И наши автоматы присоединились к ним, выбросив ввысь наперерез врагу сноп светящихся трасс.

Стрельба длилась минуты три-четыре. Фашистские самолеты сбросили бомбы где-то в стороне и скрылись. После отбоя я поздравил зенитчиков с боевым крещением, похвалил за инициативные действия.

По военным фарватерам

Уйти с рейда мы смогли лишь под утро. В переход вклинилась еще одна неожиданность. «Перехвативший» нас катер высадил на борт старшего лейтенанта, который оказался чем-то вроде лоцмана военного времени. Представившись, он доложил:

— Имею указание провести вас до Севастополя по военным фарватерам.

Из пояснений старшего лейтенанта следовало, что нам надлежит идти дальше совсем не так, как намечали мы с Еремеевым, тщательно сделавшим предварительную прокладку.

Оказывается, в этом районе моря нашим флотом поставлены минные заграждения. Где их поставили, военному лоцману знать не полагалось. На его карте были обозначены лишь границы безопасных фарватеров, от которых кораблям ни под каким видом не разрешалось уклоняться.

Это было нечто совершенно новое, и я чуть не вспылил: казалось странным, что о таких существенных изменениях обстановки нас не известили заблаговременно. Но «отводить душу» на ни в чем не повинном старшем лейтенанте глупо, и я заставляю себя спокойно принять к сведению его информацию. Еремеев принимается за новую прокладку.

В соответствии с указаниями «Ташкент» идет от рейда с парованами. Они существенно снижают скорость хода. Защитить же могут лишь от якорных мин, присутствие которых здесь, а тем более на фарватерах, прикрытых своими минными полями, кажется весьма маловероятным.

Чем дальше, тем сильнее дают себя знать новые условия плавания. Временами идем всего-навсего 16 — узловым ходом. Больше не дашь — предписанный фарватер прижимает нас к прибрежной отмели, а у лидера шесть с лишком метров осадка…

Миновали остров Березань — памятное место, где в девятьсот шестом году царские палачи расстреляли лейтенанта Шмидта и его товарищей. Поднимающееся солнце рассеивает дымку, становится отчетливо виден берег. В сиянии безоблачного июльского утра он выглядит обманчиво спокойно и мирно. Но война напоминает о себе: справа на большой высоте появляется самолет. Он идет на пересечку нашего курса. По таблице определяем — «хейнкель».

Сыграна тревога. Зенитчики открывают огонь, и впереди самолета возникают кучные хлопья разрывов. Наши снаряды явно не долетают до цели, но самолет все же отворачивает в сторону. Краснофлотцы довольны: «У фашиста кишка тонка!».

— Будем считать эту стрельбу еще одной тренировкой, — говорю я Николаю Спиридоновичу Новику.

Получаем радиограмму о новых изменениях маршрута: приказано выйти к Севастополю по другому створу, которым корабли пользовались редко, и лишь потом повернуть на привычный.

Очевидно, это связано с тем, что на подступах к главной базе продолжает ставить мины неприятельская авиация. Там уже подорвался эсминец «Быстрый». У входа в севастопольские бухты затонул плавучий кран.

На «Ташкенте» известно об этих печальных случаях, но с приближением к опасной зоне не замечаю на доступных моему наблюдению постах ни малейшей нервозности. Люди настороже, однако, вполне спокойны. Сергеев, обошедший машинные и котельные отделения говорит, что и там народ держится как нельзя лучше.

К повороту на Инкерманский створ подошли в темноте. И вдруг минер, наблюдавший за параванами, тревожно доложил на мостик:

— В левом параване мина!…

Надо же так — прямо у Севастополя! А я еще сомневался, действительно ли необходимы параваны. Через две минуты нужно поворачивать на девяносто градусов, причем как раз влево. Поворот с застрявшей в параване миной — дело рискованное. Да и вообще не тащить же ее в бухту!

Командир БЧ-III лейтенант Фельдман, мгновенно оказавшийся около меня, предлагает застопорить ход и освободиться от мины, осторожно подтянув ее к борту, а затем обрубив минреп — трос, соединяющий мину с ее якорем. Это тоже сопряжено с известным риском, но иного выхода не вижу. А мы уже у точки поворота. Приказываю остановить машины.

С крыла мостика мне почти не видно, что делается на полубаке, где минеры под руководством командира боевой части начали выбирать параван. Фельдман мог бы оставаться на мостике, но предпочел быть у параванбалки, ближе к своим людям.

В тревожной тишине, охватившей корабль, слышу отрывистые команды Леонида Соломоновича:

— Выбирай! Осторожно! Отталкивай шестом! Зубило готово?

Минута очень напряженная. Аварийные партий стоят по своим местам, готовые первыми броситься куда потребуется, если у полубака раздастся взрыв…

Разрядка приходит довольно неожиданная. С полубака кричат:

— Никакой мины нет! В параване фарватерная веха!

Не спешу принимать это на веру — мало ли что может померещиться впотьмах. Приказываю Фельдману еще раз все проверить, не ослабляя мер предосторожности. Через минуту поступает повторный доклад: все точно, действительно веха.

Большая и тяжелая фарватерная веха стояла на якоре. Как ее подцепил параван, вахта в темноте не углядела. А дальше уже нетрудно было принять ее за застрявшую в параване мину. Что ж, еще одна вводная. Вновь проверялись и выучка людей, и их выдержка.

Ввожу лидер в Северную бухту. Вот мы и в Севастополе… Переход от завода, в мирное время такой короткий и простой, что о нем, пожалуй, нечего было бы сказать, растянулся на целые сутки и был полон разных осложнений. Очевидно, надо привыкать к тому, что теперь все будет не так, как прежде, даже если корабль и не ведет боя,

В севастопольских бухтах, насколько их можно рассмотреть в темноте, нет особых перемен. Линкор и крейсера — на своих постоянных местах на рейде, и это как-то сразу всех успокаивает. Не заметно пока и следов вражеских налетов на берегу, в городе. Ново, необычно в знакомой картине лишь полное затемнение. В центре и на Корабельной стороне, на Северной и на рейде — ни единого огонька. Таким мы не видели Севастополь даже в дни больших флотских учений. Тогда тоже, бывало, его затемняли, но далеко не так тщательно.

Когда «Ташкент» подошел к швартовой бочке и на корабле все смолкло, мы обратили внимание и на другое: вокруг, в бухтах и в городе, царит непривычная тишина. Она казалась чуткой и настороженной.

К борту «Ташкента» подходит катер. На лидер поднимаются командующий эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский и командир 2 — го дивизиона миноносцев капитан 2 ранга Б. А. Пермский. Встречая своих начальников, ловлю себя на ощущении, будто не видел их давно-давно. А дело, наверное, не во времени далеким успело стать все, что было до: войны…

Лев Анатольевич Владимирский поздравляет с благополучным прибытием в главную базу. Кратко докладываю ему об обстоятельствах перехода. Командующий эскадрой тут же объясняет, почему нас направили на другой створ: накануне противник вновь ставил с воздуха мины вдоль Инкерманского створа, и подход к Севастополю с запада пока закрыт.

Командующий разрешает объявить готовность номер два. Я приглашаю прибывших к себе в каюту. Туда же идут Сергеев и Орловский. Нам приятно, что старшие товарищи, несмотря на

поздний час, не спешат уйти с лидера: очень хочется побольше узнать о войне.

Контр-адмирал Владимирский рассказывает главным образом о делах флотских, вводит нас в курс обстановки в Севастополе и вообще на Черном море. Крупных морских сил у противника на этом театре пока нет, и вряд ли они могут в ближайшее время появиться. Для нашего флота все отчетливее определяется как главное направление боевой деятельности активное содействие сухопутному фронту, поддержка его приморского фланга. Гитлеровцы понимают возможности Черноморского флота и, видимо, не оставят попыток запереть его в базах минами, вывести корабли из строя ударами с воздуха. Противовоздушная оборона, как и противоминная, — это то, что все время будет требовать особого внимания.

«Ташкенту», сообщает командующий, предстоит, базируясь на Севастополь, готовиться к будущим операциям. Значит, пока опять только боевая подготовка… На лидер завтра перенесет свой брейд-вымпел командир дивизиона.

— Серьезно займитесь отработкой главного калибра, — говорит контр-адмирал, обращаясь и к Пермскому, и ко мне. — Ну, а у зенитчиков, — добавляет он, практики, очевидно, и так будет достаточно. «Гости» нас навещают теперь иногда и днем, а уж ночью, обязательно. Надо полагать, прилетят и сегодня….

Спрашиваю Льва Анатольевича об обстоятельствах гибели прежнего моего корабля. Владимирский мрачнеет — наверное, ему тяжело вновь к этому возвращаться. Но от рассказа не уклоняется.

Мы узнаем, что лидер «Москва» подорвался на мине в тринадцати милях от Констанцы, когда, обстреливаемый тяжелой береговой батареей противника, отходил уже с огневой позиции. Разломившись от взрыва надвое, корабль стал быстро погружаться. Экипаж держался героически. Орудийные расчеты до последней минуты вели огонь по добивавшим тонущий корабль самолетам. Носовая часть лидера уже скрылась под водой, а корма еще оставалась на плаву, и даже в эти мгновения продолжало стрелять зенитное орудие на юте.

Все это видели моряки «Харькова», но спасти никого из товарищей они не могли. Вздумай командир «Харькова» застопорить ход, и второй наш корабль неизбежно был бы потоплен береговой батареей или самолетами. Он и так имел уже повреждения. Возвращение лидера в базу обеспечили его мужественные котельные машинисты, которые влезли в горячие поврежденные котлы и сумели ввести их в строй.

Проводив командующего и комдива, я обошел корабль,

поднялся на площадку к зенитчикам, заглянул в кубрики. Почти все, кому это позволяла объявленная готовность, уже спали. Мне спать не хотелось, хотя и был на ногах вторые сутки. Рассказ Владимирского о последних минутах лидера «Москва» разбередил у меня тягостное чувство какой-то невольной вины перед старыми сослуживцами, с которыми я не был вместе в тот грозный час.

Снова встал перед глазами Александр Борисович Тухов — сдержанный, немного медлительный в движениях, скуповатый на улыбку, но полный внутреннего обаяния для всех, кто узнавал его поближе. Вспоминаю то замполита Георгия Терентьевича Плющенко — спокойного и вдумчивого под стать командиру, то нашего веселого минера лейтенанта Холодного, вокруг которого собиралась, бывало вся кают-компания, когда он садился за пианино или начинал читать вслух любимые главы из романов Ильфа и Петрова. Вижу знакомые лица старшин, матросов… Где вы, мои друзья, что с вами? Ведь не может же так быть, чтобы с большого корабля, затонувшего вблизи берега, пусть неприятельского, никого-никого не осталось в живых…

Много лет спустя я узнал, что в то время, о котором идет сейчас речь, был жив еще и Тухов. Тяжело контуженный и сброшенный взрывом с мостика, он был подобран из воды и оказался в плену, из которого трижды бежал. Два побега были неудачными, и Александр Борисович снова попадал в лагеря и тюрьмы. В третий раз, преодолев много препятствий, он выбрался из Румынии и нашел в северных районах Одессщины советских партизан. Капитан-лейтенант Тухов погиб в бою с гитлеровцами в 1944 году, будучи начальником разведки партизанского отряда «Буревестник». Ныне, когда пишется эта книга, в рядах Краснознаменного Черноморского флота служит пошедший по стопам отца сын Александра Тухова Борис, которого помню совсем маленьким мальчонкой.

После войны стали известны мне подробности гибели военкома «Москвы» батальонного комиссара Плющенко. Во время боя он находился на верхней палубе, воодушевляя своим мужеством бивших по врагу артиллеристов. Взрыв мины застал Плющенко вблизи того места, где корабль переломился, и политработник погиб вместе с кораблем, разделив участь большей части экипажа.

А с двумя краснофлотцами с «Москвы» мне предстояло встретиться очень скоро. Но об этом — в свое время.

В ту нашу первую военную ночь на Севастопольском рейде я так еще и не заснул, когда раздались выстрелы зениток и сразу же загремели корабельные колокола громкого боя, вызывая

экипаж на боевые посты.

Выбежав на мостик, я увидел непривычную еще для меня картину: по небу шарит множество прожекторов, и некоторые из них уже поймали своим голубым лучом вражеские самолеты. С берега и с кораблей вовсю бьют зенитки.

Орловский, осмотревшись, стал комментировать обстановку:

— Бомбардировщики над городом — это, наверно, для отвлечения внимания… Главные, пожалуй, те, что над морем. Они и идут пониже… Должно быть, опять с минами…

Если так, то маневр фашистов разгадан — на пути этой группы самолетов встала завеса заградительного огня, К ней присоединила свои очереди и наша зенитная батарея. Большинство самолетов отворачивает от светящихся трасс. Эти если и сбросят мины, то где попало. Но некоторые пытаются прорваться через завесу.

Один из них у нас на глазах упал в море где-то за входными бонами.

По радио поступает команда: «Всем прекратить огонь, в воздухе наши истребители». И мы уже видим, как к освещенному прожекторами «юнкерсу» протянулись из темноты пулеметные трассы «ястребков». Похоже, и этому фашисту не уйти…

Скоро вокруг опять становится тихо и темно. Вряд ли налет что-нибудь дал гитлеровцам, а потери они понесли. Противовоздушная оборона Севастополя, когда увидишь ее в действии, производит отрадное впечатление. Наша главная база оказывает врагу ощутимый отпор.

Севастопольский рейд

На «Ташкент» прибывают недостававшие по штату командиры подразделений. Командиром боевой части наблюдения и связи назначен лейтенант Николай Яковлевич Балмасов. Он служил в такой же должности на эсминце «Быстрый», подорвавшемся вблизи Севастополя на магнитной мине. Связисту повезло жив-здоров и снова в строю. Только багровый, едва успевший затянуться шрам на приятном широколобом лице Балмасова напоминает «ташкентцам», что их новый товарищ изведал уже на войне больше, чем они.

Из Ленинграда приехал военинженер 3 ранга Алексей Павлович Латышев, адъюнкт Военно-морской академии. Человек с задатками ученого, он не усидел, однако, в кабинете, когда началась воина. Попросив направить его на действующий флот, Латышев с радостью встретил назначение командиром электромоторной группы лидера.

С его приходом электромеханическая боевая часть Сурина укомплектовалась командным составом полностью. Машинную группу в ней возглавляет военинженер 3 ранга Александр Иванович Кутолин, а трюмно-котельную — воентехник 1 ранта Иван Васильевич Колягин.

Что касается Латышева, то на этого способного и деятельного флотского инженера помимо общих обязанностей командира электромоторной группы вскоре были возложены основные заботы о новом противоминном защитном устройстве.

Немецкие магнитные мины явились одним из неприятных сюрпризов войны. Мы я говорю о корабельных офицерах — мало знали об этом оружии противника, о том, как оно действует. Помню, в начале войны приходилось слышать и такие суждения, будто магнитная мина, когда над ней проходит корабль, подвсплывает и ударяется об его днище. К борьбе с этими минами мы заблаговременно не подготовились, Обычные же средства противоминной защиты, которым у нас всегда уделялось много внимания, тут помочь не могли.

Первые подрывы кораблей на магнитных минах заставили принимать срочные меры. На кораблях начали монтировать специальные устройства, призванные уничтожать или хотя бы ослаблять магнитное поле, образуемое стальным корабельным корпусом и приводящее в действие механизм мины.

Основу таких устройств, на первых порах довольно примитивных, составляла обнесенная вокруг всего корпуса обмотка, по которой пропускался электрический ток. При

изменении курса корабля силу тока требовалось также изменять, руководствуясь особой таблицей. На некоторых кораблях обмотку прилаживали на скобах, приваренных к борту. У нас проложили ее вдоль ватервейсов — желобов, предназначенных для стока воды с палубы.

Для обслуживания нового вида корабельной техники выделили группу краснофлотцев-электриков, которых и возглавил Латышев. Он с головой ушел в освоение этого своего заведования, а затем с увлечением занялся его совершенствованием. Но вряд ли Алексею Павловичу, могла тогда прийти в голову, что в будущем ему суждено стать большим специалистом в области размагничивания кораблей.

Первые наши средства защиты от магнитных, мин, конечно, оставляли желать лучшего. Однако что-то давали и они. Корабли стали увереннее плавать в тех районах, где предполагалось присутствие магнитных мин. А флотские минеры тем временем самоотверженно раскрывали секреты нового морского оружия. Их героический труд — исследование мин неизвестных ранее видов было делом опасным и не обходилось без жертв — позволил найти в дальнейшем вполне эффективные способы противодействия также и этому боевому средству врага. Ставка фашистских стратегов на магнитную мину как на оружие, способное уничтожить наш флот или запереть его в базах, была бита.

«Ташкент» начал выходить из Севастополя в непродолжительные и недалекие учебные походы. Они посвящались отработке конкретных задач курса боевой подготовки и проверке тактико-технических данных корабля. Значение этих выходов заключалось и в том, что экипаж привыкал к военным условиям плавания, требовавшим особой бдительности. И сама учеба теперь могла в любую минуту перейти в бой.

Нельзя было не оценить организаторские способности командира БЧ-II Новика. Его подчиненные — командиры орудийных башен Константин Алексеев, Вениамин Макухин и Михаил Татаринов — были самыми молодыми из командиров подразделений «Ташкента». Все три лейтенанта только что окончили училище. К тому же им досталась совершенно новая техника. Николай Спиридонович Новик очень быстро поставил на ноги молодых артиллеристов, приучил к необходимой самостоятельности. Бесспорна заслуга его и в том, что орудийные расчеты, составленные из моряков с разных кораблей, за короткий срок приобрели хорошую слаженность. Это отметил и командующий эскадрой, когда в его присутствии «Ташкент»

стрелял на Севастопольском рейде.

Но пройти нормальный курс огневой подготовки комендоры лидера все же не смогли. И их умение использовать свое оружие предстояло проверять не на учениях, а в бою.

Следует сказать, что уже первые недели войны существенно изменили представления корабельных артиллеристов, да и командиров кораблей о том, как будет выглядеть наш конкретный противник. Ведь раньше мы исходили из того, что вести огонь придется прежде всего по чисто морским целям — неприятельским кораблям. Стрельбы по берегу тоже включались в планы боевой подготовки, однако не считались главными. Но война на Черноморском театре складывалась так, что потребовалось в первую очередь готовиться к стрельбам именно по береговым целям. Из морских же стрельб оставалось весьма актуальным отражение атак торпедных катеров. И предметом все большей заботы становилась подготовка зенитчиков.

Приходилось признать, что довоенные методы их обучения кое в чем отстали от требований современного боя. Корабельные зенитчики учились стрелять по целям, летящим на сравнительно небольшой высоте и с не ахти какой скоростью. Самолеты реального противника летали и гораздо выше, и намного быстрее. А как мы судили до войны о результатах учебных стрельб? Если разрывы проектировались на буксируемом самолетом рукаве, стрельба уже получала положительную оценку. Если же потом в рукаве обнаруживали дырочку — пробоинку, было уже совсем хорошо. Но ведь, пожалуй, и тогда в принципе было известно, что современный самолет может получить много пробоин и все-таки продолжать полет, оставаться боеспособным.

Дело было, однако, не только в качестве учебных стрельб и их оценках. Наши 37 — миллиметровые автоматы (а некоторые корабли еще не получили их и имели на вооружении совсем старые, лендеровские зенитные пушки) оказались недостаточно сильным оружием против новейших самолетов. Об этом и до войны заходила иногда речь в товарищеском командирском кругу. Но слишком громко выражать сомнения в совершенстве какого-либо вида нашего оружия было, так сказать, не в духе того времени. И приходилось успокаивать себя тем, что высшему начальству, наверное, виднее.

Иллюзии относительно возможностей наших наличных зенитных средств держались у некоторых товарищей еще долго. Помню, уже в августе мы, идя к Одессе, заставили своим огнем отвернуть встретившийся немецкий бомбардировщик. И один находившийся на «Ташкенте» работник политотдела сказал мне с восхищением: «Твой корабль совершенно неуязвим с воздуха!..».

Разубеждать его я не стал. Но для меня, как и для Сергеева, Орловского или Новика, уже давно было ясно: отпугивать самолеты противника нашими автоматами можно, а вот сбивать — труднее.

До самолетов, идущих на высоте более двух с половиной тысяч метров, нам вообще было не достать. А когда они шли пониже, «юнкерс» или «хейнкель», казалось прямо прошитый автоматной очередью, совершенно не обязательно после этого падал.

«Что хорошо у нас, то хорошо! — говорили мы друг другу, вспоминая про главный калибр, нашу гордость. — Но как бы нам, раздобыть посильнее зенитки?» Дальше я расскажу, как мы их потом получили.

Вскоре после нашего прихода в Севастополь изменилось служебное положение батальонного комиссара Сергеева. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР о введении в армии института военных Комиссаров мой заместитель по политической части сделался военкомом «Ташкента», отвечающим за все на корабле наравне с командиром. Права Сергеева весьма расширились, из какого-либо подчинения мне он вышел.

Однако особых перемен в наших отношениях с Александром Васильевичем Сергеевым не произошло. «Тебе-то с комиссаром повезло», — слышал я иногда от командиров, у которых — бывало ведь и так — возникали те или иные разногласия со вчерашними замполитами, получившими комиссарские права.

Что я мог на это сказать? Что мы с Сергеевым в свое время на тральщике «Груз» уже работали вместе как командир и комиссар и что к этому нам, следовательно, не привыкать? Но ведь и в последнее время, когда комиссаров не было, а были замполиты, формально находившиеся у командиров в подчинении, мне не приходило в голову «командовать» корабельным политработником. Для меня было само собой разумеющимся, что он вправе, да и обязан без обиняков, по-партийному сказать мне о любой моей ошибке или промахе, что он может о чем угодно со мной спорить и, если надо, хоть в ночь-полночь прийти ко мне в каюту. Мнение политработника, его советы всегда очень много для меня значили. И я испытывал глубокое удовлетворение, если видел, что мы одинаково смотрим на вопросы, которые предстояло решать.

На «Ташкенте», как и раньше на «Грузе», я шел к Сергееву поделиться всем, что меня заботило или тревожило. Его каюта по правому борту под полубаком такая же просторная, как старпомовская, расположенная напротив. Но кажется, что у

политработника каюта теснее. Кроме обычных дивана и кресла тут стоят еще несколько стульев: на диване не помещаются активисты — участники разных совещаний. Много места занимают книги, журналы, рулоны старых стенгазет. Порядка здесь меньше, чем у старпома, стол постоянно завален бумагами… Зато у каюты свое лицо — сразу видно, кто в ней живет.

Придешь к Сергееву иной раз чем-нибудь взбудораженный, а уходишь уже совсем в другом настроении. Александр Васильевич всегда расскажет что-то примечательное о людях. Спокойный характер, житейский и служебный опыт помогают ему не слишком принимать к сердцу разные мелочи. А такое свойство человека всегда на пользу и тем, кто с ним рядом.

С началом войны на корабли стало поступать множество всяких распоряжений и указаний, в том числе и по совсем несущественным вопросам. Иные указания не поймешь от кого и исходили. Было, например, такое поветрие — уничтожать или куда-то сдавать все, что может гореть. Избавлялись от картин, каютных штор и занавесей, от «лишних» книг и тетрадей… Как будто такие вещи представляли главную пожарную опасность на корабле, где находятся сотни тонн мазута и боеприпасов, от которых избавиться все равно нельзя! С Сергеевым и в таких случаях было легко. Мы по возможности не делали того, что обоим казалось неразумным. Взяв грех на душу, не сдали береговым интендантам ни шторы, ни даже палубный тент, и раскаиваться в этом не пришлось.

Забот хватало и, настоящих, не выдуманных. Беспокоило, например, то, что при контрольных ходовых испытаниях никак не удавалось развить самый полный ход: каждый раз начинал угрожающе нагреваться главный упорный подшипник второй машины.

Причины неисправности долго оставались неясными. Не удавалось выявить их даже Павлу Петровичу Сурину, который мучился этим и сделался очень раздражительным. Всем, кто имел к подшипнику какое-либо отношение, начиная от командира машинной группы Кутолина и кончая вахтенными у масляного насоса, заранее доставалось от старшего механика за предполагаемый недосмотр.

Все оказалось и проще, и серьезнее, чем мы могли предположить. Когда подшипник наконец вскрыли, там неожиданно обнаружили куски картона, а из масляной магистрали извлекли целый картонный лист, свернутый в трубку. Засунул картон в магистраль кто-то на заводе. В славный рабочий коллектив, не жалевший сил, чтобы лучше подготовить наш

корабль к боям с врагом, проник негодяй, попытавшийся учинить на «Ташкенте» диверсию.

Расчет у предателя был довольно тонкий: при малых и средних ходах, когда расход масла невелик, трубка передвигаться в магистрали не будет. А когда потребуется выжать из машин все, что они способны дать, напор масла пропихнет картон к подшипнику и выведет его из строя. Авария могла произойти еще на переходе с завода. Ведь столкнись мы где-нибудь с противником и потребуйся для боевого маневра «самый полный», я вряд ли посчитался бы с предупреждением машинной вахты о том, что греется подшипник…

Поисками диверсанта предстояло заняться соответствующим органам. А на лидере прошли во всех подразделениях специальные собрания личного состава. Командиры и политработники призывали моряков быть бдительными, помнить, что враг коварен и борьба с ним идет не только на фронте. История с подшипником, окончившаяся, к счастью, благополучно, послужила для нас памятным уроком.

К августу обстановка на сухопутных фронтах стала еще более грозной. Из сводок Совинформбюро явствовало, что бои идут под Ленинградом, в районе Смоленска, под Киевом…

8 августа было объявлено осадное положение в Одессе. Командиры кораблей знали требование Верховного Главнокомандования: Одессу оборонять до последней возможности. Впрочем, это для черноморцев само собой разумелось — ведь речь шла о городе, самом дорогом и близком для нас после Севастополя.

Одессу обороняла на суше Отдельная Приморская армия. В помощь ей на флоте формировался из добровольцев 1 — й Морской полк.

Уже и до этого некоторые наши краснофлотцы спрашивали командиров боевых частей, комиссара Сергеева, а при случае и меня, нельзя ли временно списаться с корабля, чтобы бить врага на берегу. Доводы у всех были одинаковые: лидер, мол, все равно пока по-настоящему не воюет, только от самолетов отбивается, а там на берегу дела, видно, горячие и люди нужны. Когда же в экипаже прослышали про морской полк, ко мне так и посыпались рапорты — десятки краснофлотцев и старшин просили отпустить их защищать Одессу. То же происходило и на других кораблях.

Я понимал чувства и стремления моряков, рвавшихся на фронт. Эти люди любили флот, любили свой корабль. Но в трудные для Родины дни они хотели быть там, где настала большая боевая страда, еще не дошедшая до нас. Каждый рапорт был проникнут высокими патриотическими чувствами, и я очень

сожалею, что у меня не сохранились эти волнующие документы, заслуживающие того, чтобы привести их здесь. Но отпустить с лидера, не снижая его боеспособности, можно было лишь немногих: на корабле каждый человек на счету.

Комиссар или я вызывали моряков, подавших рапорты, чтобы объяснить причины отказа. Мы повторяли то, что говорилось уже не раз: предстоят и «Ташкенту» боевые дела, ждать их теперь, очевидно, недолго… Краснофлотцы выслушивали это невесело. Они завидовали двенадцати своим товарищам, которых было решено отпустить в морскую пехоту.

Эти двенадцать «ташкентцев» представляли почти все корабельные подразделения. Из артиллерийской боевой части уходили, например, краснофлотцы Педай и Письменный. Были среди уходящих и машинисты, минеры, строевые…

Для проводов наших добровольцев экипаж построился на верхней палубе по большому сбору. Напутствия были короткими — у борта уже ждал катер. На крейсерах, стоявших дальше на рейде, заиграли оркестры — там провожали своих.

Черноморская эскадра посылала сражаться на суше первый, пока еще небольшой отряд своих бойцов. И все, кто оставался на кораблях, были в этот час душой и сердцем с ними. Наверное, многим вспоминались рассказы о гражданской войне, когда вот так же уходили на сухопутные фронты матросы, про которых сложились потом песни и легенды.

Через несколько дней после этого капитан 2 ранга Пермский, по-прежнему державший свой брейд-вымпел на «Ташкенте», вернувшись из штаба, вызвал к себе командиров кораблей.

— Товарищи командиры! — начал комдив торжественно и многозначительно. Нам приказано изготовиться к боевому походу. Командование флота поручает эсминцам оказать огневую поддержку войскам, обороняющим Одессу…

Глава 3. Курс — Одесса

Главный калибр открывает огонь

Ночной переход дивизиона эсминцев прошел спокойно, и ясное августовское утро застает нас в Одессе. «Ташкент» ошвартован у причала портового холодильника. С мостика открывается панорама знакомых гаваней крупнейшего приморского города нашего юга.

В порту оживленно. Стоят под разгрузкой транспорты, пыхтят буксиры, передвигаются куда-то плавучие краны. По гаваням рассредоточены военные корабли. Виднеются характерные, узкие и высокие, трубы крейсера «Коминтерн», напоминающего своими очертаниями «Варяга» или «Аврору». Тут же и дивизион канонерских лодок — тоже черноморские ветераны. Среди них «Красный Аджаристан», корабль, на котором я служил несколько лет назад. Дальше эсминцы «Незаможник» и «Шаумян»… Все эти корабли входят в так называемый Отряд поддержки Северо-Западного района, возглавляемый контр-адмиралом Д. Д. Вдовиченко. В оперативное подчинение ему поступает с прибытием сюда и наш дивизион.

Отдаю себе отчет, что почти обычная на первый взгляд картина порта, вероятно, очень обманчива. Знаю — положение в Одессе напряженное. Потерпев неудачу в первых своих попытках овладеть городом, враг подтягивает свежие силы.

С суши Одесса окружена. От переднего края нашей обороны до центра города максимум 35–40 километров. И большей частью это безлесная приморская равнина, более удобная для наступления, нежели для обороны. Под Одессой сосредоточено более десятка вражеских дивизий. Наших сил гораздо меньше, особенно мало танков и авиации.

Несколько дней назад по решению Верховного Главнокомандования все армейские и флотские части, защищающие город, объединены в Одесский оборонительный район (ООР), который подчинен Военному совету Черноморского флота. Командующий районом — бывший командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Г. В. Жуков, старый моряк, участник гражданской войны и недавних боев в Испании.

Наше первое боевое задание — поддержать артиллерийским огнем армейские подразделения в районе Дофиновки, пригородного селения к востоку от Одессы. Задача вообще-то не

из сложных. Но для «Ташкента» это, в сущности, первая практическая стрельба главным калибром, если не считать того случая, когда наши башни выпустили по нескольку снарядов на Севастопольском внешнем рейде. И потому понятно, что артиллеристы волнуются, а с ними и весь экипаж.

Стрелять предстоит с высадкой на берег собственного корректировочного поста. Корпост возглавляет лейтенант Григорий Борисенко, командир группы управления артиллерийской боевой части.

Это добродушный, несколько флегматичный толстяк, никогда не обижающийся на товарищеские шутки в кают-компании, которые вызывает, во-первых, невероятный аппетит Борисенко, а во-вторых, общепризнанное его внешнее сходство с Наполеоном. Наш «Наполеон», выглядит в своей новой роли довольно внушительно он в каске, при нагане, на поясе гранаты. Гранаты и каски, а также винтовки получили и входящие в состав корпоста радисты Фишич и Скворцов, Краснофлотец Чащин, назначенный для их охраны, снабжен ручным пулеметом Дегтярева.

Корректировщики со своей рацией и солидным сухим пайком (о нем Борисенко проявил особую заботу) еще ночью отправились к назначенной им точке побережья на корабельном барказе. «Ташкентцы» сердечно их напутствовали. Как-никак люди пошли на передний край, а это и необычно, и заманчиво для моряков, которым редко выпадает случай увидеть врага вблизи.

К Дофиновке с нами идет один эсминец, два других поворачивают к западу — у них своя позиция. Идти нам недалеко, всего несколько миль. Башни уже развернуты в сторону берега.

С нетерпением ждем исходных данных от Борисенко. Общее возбуждение захватило и комдива. Он не может устоять на месте и начинает шагать взад и вперед по мостику. Пермский старше меня, наверное, лет на шесть-семь, но и для него это первый настоящий, не учебный, бой, как и для всех на «Ташкенте».

Связист Балмасов появляется с бланком в руке — координаты цели! Новик и Еремеев быстро производят расчеты. В башнях — все на «товсь».

— Через минуту будем в точке залпа! — объявляет штурман.

Итак, начинаем… Николай Спиридонович Новик подает со своего КДП командно-дальномерного поста — первую боевую команду в башни.

Гремит залп, отдаваясь легкой дрожью во всем корабельном корпусе. Голосок у новых «стотридцаток» как будто ничего, посолиднее, чем был у орудий на всех кораблях, которыми я командовал прежде. Но пошел ли наш первый залп куда надо?

На тренировках по управлению огнем бывает такая команда:

«Время остановить». Там это — привычная условность, необходимая, чтобы проверить правильность расчетов. А сейчас кажется, будто время в самом деле остановило свой бег — так долго ничего не сообщают корректировщики. Потом едва поверилось, что после залпа прошло всего полторы минуты.

Сколько успели передумать и Новик, и Еремеев, и я. Как ни будь натренирован в расчетах на открытие огня, а первый залп — это первый залп, и если он производится из новых для тебя орудий по цели, от которой близки наши позиции, — тут придет в голову всякое. Страшное это дело даже в мыслях ударить по своим…

Тревоги и сомнения разом снимает Балмасов, прильнувший к переговорной трубе с центральной радиорубкой:

— Товарищ командир! Корректировочный пост передает: залп упал в расположении противника!

Военком Сергеев мгновенно оказывается у микрофона боевой трансляции. Он сообщает артиллеристам в башнях, машинистам у турбин, всему экипажу, стоящему на своих постах:

— Товарищи! Наш первый залп попал в цель! Снаряды «Ташкента» бьют по врагу!

Получаем от Борисенко корректировку. Даем второй залп, третий, переходим на поражение… Вслед за нами открыл огонь миноносец.

Борисенко доносит, что нашим огнем уничтожено шесть автомашин, и, давая новую корректуру, просит ударить шрапнелью по кукурузному полю, где засели вражеские автоматчики. Они, оказывается, обнаружили и обстреливают корпост. «Мешают работе», — поясняет Борисенко.

— А снаряды-то летят с персональными адресами! — говорит Сергеев, уже наведавшийся во вторую башню и вернувшийся снова на мостик. Он рассказывает, что строевой Борищук, расписанный на подаче снарядов, успевает перед погрузкой в элеватор надписывать мелом: «Гитлеру», «Антонеску»…

«Хорошо стреляете! Видим бегущих фашистов!» — передают корректировщики. Комиссар повторяет их донесение по трансляции.

Ко мне торопливо подходит Балмасов. Он чем-то взбудоражен, шрам на лице от волнения побагровел еще сильнее. Стараясь перекричать грохочущие залпы, связист объясняет: в наши переговоры с корпостом влез чужой радист, который пытается давать ложную корректировку.

Пока соображаем, как быть, наш Фишич, тоже услышавший вражеского радиолазутчика, сам находит выход. «Действительны только сообщения с фамилиями своих радистов», —

предупреждает он. И каждая корректура предваряется изменяющимся все время паролем: «Королеву… Мухину… Козленке… Айзину…» Исчерпав фамилии своих товарищей на корабле, радисты корпоста пускают в ход собственные: «Фишичу… Скворцову…» А вражеский радист уж замолчал — понял, что его перехитрили.

Огонь ведем на малом ходу, делая вдоль берега короткие галсы. Зенитчики наготове у своих автоматов и пулеметов, во все глаза смотрят распределенные по секторам наблюдатели. Однако, несмотря на ясную погоду, немецкой авиации в воздухе сегодня нет. Может быть, услали ее куда-нибудь, не ожидая здесь наших кораблей?

Внезапно недалеко от борта разрывается с резким противным треском довольно крупный снаряд. Над водой поплыл желтоватый дымок. Второй снаряд упал еще ближе. Осколки пронеслись чуть не прямо над мостиком, и кто-то инстинктивно пригнулся.

Новик классифицирует: снаряды бризантного действия, калибр дюйма четыре-пять. Откуда вдруг взялась эта батарея?..

— По кораблю стреляют из лесопосадки, что под холмами! — докладывают Новику из второй башни.

Возможно, это полевая батарея, только что выдвинутая на новую позицию. Жаль, нашим корректировщикам не видна лесопосадка, где она укрывается.

Сбивая пристрелку противника изменением хода, ведем огонь по прежним целям. А фашистские бомбардировщики появились в этот день, лишь когда корабли, выполнив задачу, возвращались в гавань.

После швартовки обходим с комиссаром кубрики и боевые посты. Матросы воодушевились. Это надо понять: столько ждали, когда же наконец сможем ударить по врагу, который топчет родную землю…

— А как бы, товарищ командир, пощупать ту батарею, что прячется в лесочке? — обращается ко мне визирщик второй башни Николай Бобров. — Если подойти к бережку чуть поближе, мы бы ее разглядели!

Этот Бобров первым и заметил, что по кораблю стреляют из лесопосадки. Обещаю выяснить, когда буду вечером в штабе, нельзя ли, в самом деле, несколько приблизиться к берегу, если пошлют завтра на ту же позицию.

— Тогда уж дадим ей прикурить! — заверяют краснофлотцы.

Вернулись корректировщики. Их окружают на палубе таким плотным живым кольцом, что опоздавшим уже трудно пробиться к героям дня. А каждому хочется поговорить с теми, кто сегодня

собственными глазами видел фашистов и даже был обстрелян засевшими в кукурузе автоматчиками.

Личный состав корпоста горд вниманием товарищей. Только Борисенко флегматичен и невозмутим, как обычно. Вступив на корабельную палубу, он первым делом осведомляется, не забыли ли заявить для его команды расход на ужин…

Поздно вечером идем с комдивом в штаб базы уточнить обстановку и получить задание на следующий день. Улицы затемненного города безлюдны, движения почти нет. Гнетущее впечатление производят скелеты больших жилых домов, разбитых бомбами, — это я вижу впервые. Местами на нашем пути встречаются груды камня и не засыпанные еще воронки. Очевидно, это последствия сегодняшнего налета. Какими веселыми, многолюдными были совсем недавно улицы этого прекрасного города! Едва верится, что это та самая Одесса — так изменила ее лицо война.

В оперативном отделе штаба кратко докладываю о действиях «Ташкента». Будь наша первая практическая стрельба не боевой, а учебной, Новик и его помощники не один день просидели бы над составлением отчетов и вычерчиванием графиков, которых сейчас никто не требует.

Получаю задание на завтра, аналогичное сегодняшнему. Попутно спрашиваю, не заняться ли батареей, обнаруженной в лесопосадке. На это дают «добро». Пермский решает, что пойдет завтра не с нами, а на одном из эсминцев.

На войне быстро привыкаешь к тому, что недавно было необычным, новым. Вторая стрельба по берегу прошла уже гораздо спокойнее: меньше переживаний, больше уверенности в своих действиях. Основным событием нового боевого дня явилось подавление вражеской полевой батареи, скрывавшейся в молодом лесочке. Приблизительное место батареи было нам уже известно.

— Пусть только себя покажет, тут мы ее и накроем! — пообещал Николай Спиридонович Новик.

Свое обещание командир БЧ-II выполнил. Завязавшаяся артиллерийская дуэль длилась недолго. После нескольких залпов наших башен батарея замолчала. Дальномерщики, которым в этот раз удалось хорошо ее рассмотреть, доложили, что две вражеские пушки уничтожены, а две другие, по-видимому, повреждены.

Старпом торжественно огласил по трансляции составленный прямо на мостике приказ с объявлением благодарности артиллеристам, достигшим пусть скромного, но бесспорного боевого успеха. А Балмасов и его радисты уже вели переговоры с корпостом, и несколько минут спустя орудийные башни ударили по указанным с берега новым целям.

Около полудня мы приняли радиограмму с приказанием следовать в Севастополь для конвоирования отправляющихся в Одессу транспортов. На курсе отхода дали еще парочку залпов всеми башнями — пусть подольше помнят гитлеровцы черноморский корабельный огонек! Корпосту я приказал ждать нашего возвращения на крейсере «Коминтерн».

И в этот день нам повезло: пока были на огневой позиции, самолеты противника не показывались. Мы тогда не знали, что фашистское командование отвечает на появление под Одессой быстроходных артиллерийских кораблей переброской сюда со Средиземного моря пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс — 87» с экипажами, имеющими опыт атак по морским целям.

Повторяю, первые наши боевые стрельбы были в общем простыми. Но это не мешало мне, подводя мысленно им итог, испытывать чувство удовлетворения. Скороспелая и далеко не завершенная огневая подготовка экипажа давала все-таки неплохие результаты. Воевать корабль мог — это факт. А учиться воевать лучше и лучше придется всю войну.

В море бывает всякое

«Ташкент» идет головным, миноносцы у нас в кильватере. Слева уже показался Тендровский маяк, за ним видна узкая, поросшая мелким кустарником песчаная коса.

Эти места хорошо знакомы черноморцам. В горячую пору летней учебы эскадра, бывало, надолго приходила из Севастополя на уединенный Тендровский рейд. Тут стояли и крейсера, и линкор, и множество кораблей поменьше. С рассветом на рейде начиналось оживленное движение: одни корабли снимаются с якоря, другие возвращаются после выполнения ночных учебных задач. Из морской дали доносится гул орудий… А в воскресные дни по рейду скользили десятки шлюпок под парусами. Весело проходили вечера. Летом на косе постоянно находились бригады рыболовецких колхозов, и молодые рыбачки любили потанцевать, попеть с краснофлотцами.

Теперь рейд пустынен, а на косе развернут Тендровский боевой участок береговой обороны, прикрывающий морскую дорогу между Крымом и осажденной Одессой.

В море пока спокойно. Но сама возможность спокойных, без помех со стороны противника, переходов, особенно днем, кажется, еще не укладывается в сознании многих членов нашего экипажа. Люди, настроенные на высокую бдительность, внутренне убеждены, что противник вот-вот должен появиться, если не в воздухе, так на воде. И если противник не появляется, его все равно обнаруживают.

— Перископ справа, курсовой сорок, дистанция три кабельтова!

— Перископ слева, курсовой сто двадцать, два кабельтова!

За час поступает три-четыре таких доклада, а то и больше. Каждый доклад заставляет менять курс, уклоняться от предполагаемой подводной лодки соответствующим маневром, который повторяют корабли, идущие за нами. А их наблюдатели в свою очередь обнаруживают другие «подводные лодки».

Что только не принимается за перископ! Плавающая консервная банка, кусок намокшего дерева, оторвавшийся поплавок рыбацкой сети… Или просто мелькнет что-то неясное под гребешком волны — и на мостик идет очередной доклад. А командиру некогда выяснять его достоверность: если уж отворачивать, то немедленно.

Как же быть с этим? Ругать чересчур усердных наблюдателей, не принимать их доклады во внимание? Но ведь вражеские подводные лодки на Черном море существуют. Потопление одной

из них нашими катерами-охотниками уже подтвердилось, еще две или три потоплены предположительно. Атака из-под воды всегда возможна, и своевременное обнаружение действительного перископа вопрос жизни или смерти для корабля и всех нас. Однако нужно как-то сократить число ложных докладов, нервирующих ходовую вахту.

Пока не происходит никаких особых событий, поочередно вызываю на мостик командиров боевых частей. Осведомляюсь о состоянии техники, о замечаниях по вахте, о том, как вообще держатся и несут службу наши люди. И поскольку от всех подразделений выделяются дополнительные наблюдатели, говорим с каждым командиром и о претензиях к ним.

Потом на якорной стоянке наблюдателей специально собирал и вразумлял комиссар корабля. Линию по отношению к ним мы взяли такую: пусть каждый не только учится распознавать разные плавающие предметы, которых в море всегда хватает, но и возьмет на себя больше ответственности за свои доклады, а не бьет тревогу, когда и сам чувствует, что ему просто что-то померещилось в волнах.

А старпому не дает покоя новое противоминное защитное устройство. После того как на циркуляции палубу чуть-чуть захлестнуло волной, обмотка, в который уж раз, заискрила и дала дымок. Пришлось, конечно, отключать питание. Латышев и электрики «приводят в чувство» свое капризное заведование.

— А что будет, когда начнутся осенние штормы? — ворчит Иван Иванович Орловский. — Не нравится мне, товарищ командир, это хозяйство.

Мне тоже не нравится — с размагничивающим устройством действительно много мороки. Но что поделаешь, если лучшего пока нет! Решаем при первой же возможности переделать кожух над ватервейсами, чтобы он более надежно защищал обмотку от воды.

Разговор об обмотке прерывает доклад с КДП. Дальномерщик Григорий Подгорный обнаружил справа по курсу в полумиле от корабля плывущего человека. Скоро его рассмотрели и сигнальщики в стереотрубу. Человек плывет к кораблям, машет рукой.

Уменьшаю ход и подворачиваю навстречу пловцу. Миноносцы, на которых еще не знают, в чем дело, повторяют маневр «Ташкента». Еремеев настороженно следит за моими действиями. Мы со штурманом уже научились понимать друг друга без лишних слов. Знаю: если подойдем слишком близко к кромке военного фарватера, он вовремя предупредит.

Вдруг прямо по носу появляется немецкий бомбардировщик.

Он летит встречным курсом очень низко, почти на бреющем. Наши зенитные автоматы открыли огонь, застрочили и пулеметы. Самолет несется вдоль строя кораблей, весь окруженный разрывами снарядов. Потом пытается отвернуть, но уже поздно. «Юнкерс» плюхается в воду, отскакивает от нее, как на пружинах, и плюхается снова, теперь уже окончательно. Мгновение — и он скрывается под водой.

Сразу вспоминаю про плывущего человека, о котором совсем было забыл в горячке этой минуты. До него уже не больше ста метров. Чтобы не задеть пловца винтами, приходится дать задний ход. Фрозе командует спуском барказа.

А несколько минут спустя, когда барказ с подобранным из воды человеком уже подходил под тали, у борта неожиданно раздались револьверные выстрелы и какой-то шум, быстро утихший. Затем Фрозе появился на мостике, ведя под руку незнакомца в мокром разорванном комбинезоне. По щеке человека струилась кровь.

— Вот, товарищ командир, подобрали, а он еще стреляет! — выкрикнул возбужденный Сергей Константинович, протягивая мне отобранный у спасенного пистолет. — Смахивает на фашиста…

Пистолет, однако, советский — ТТ. О комбинезоне ничего не скажешь — такой может быть и нашим, и чужим. А человек стоит и молчит, он явно не в себе. Но глаза его мне понравились. Честные глаза, хорошие.

— Отведите в лазарет, пусть доктор перевяжет. Потом разберемся, — сказал я помощнику.

И тут незнакомец, будто проглотив какой-то комок, наконец заговорил:

— Подождите, товарищ командир, сейчас все расскажу… Я старший лейтенант Данилко. Спасибо, что спасли!.. Еще больше спасибо, что сбили эту сволочь! Он тут носился над водой, чтоб меня прикончить…

Спасенный оказался командиром звена флотской истребительной эскадрильи, базирующейся под Одессой. Увлекшись воздушным боем, он погнался за группой отбомбившихся вражеских самолетов. Над Тендрой сбил один из шестерки бомбардировщиков, которых держал в поле зрения. Тут же обнаружил, что горючее на исходе, а боезапас кончился. Хотел идти на таран, но бомбардировщики пушечным огнем повредили мотор. Истребитель кое-как спланировал на воду, и летчик, будучи уже ранен, успел выбраться из кабины прежде, чем самолет затонул. А фашистский бомбардировщик — он один здесь остался, остальные скрылись из виду — принялся летать

взад и вперед над морем, обстреливая плывущего летчика из пулеметов. Этого фашиста мы и отправили на дно. Должно быть, ослепленный звериной яростью, он видел только человека на воде и не сразу заметил приближавшиеся корабли.

Плавая на спасательном поясе, летчик все время держал в руке пистолет. Когда фашистский самолет проносился над ним, он, не имея другого оружия, отвечал на пулеметные очереди «юнкерса» выстрелами из ТТ по его кабине. Затем понял, что это бесполезно, и решил поберечь последние патроны. Когда летчика подняли на барказ, он разрядил пистолет в воду, чего наши моряки, понятно, никак не ожидали. Это была непроизвольная реакция человека, испытавшего крайнее нервное напряжение, — действие, которому потом и сам он не находил объяснений.

По приходе в Севастополь летчика отправили в Морской госпиталь. А через некоторое время на одном из совещаний в штабе ко мне подошел командующий военно-воздушными силами Черноморского флота генерал-майор авиации Н.А. Остряков.

— Вы командир «Ташкента»? — спросил он. — Отличного истребителя вы нам сохранили! Данилко снова в строю и воюет геройски.

В очередной переход Севастополь — Одесса отправляюсь не только командиром корабля, но и начальником конвоя. В его составе теплоход «Абхазия», ставший военным транспортом, и другие суда. У них на борту новые, только что сформированные подразделения морской пехоты и грузы для осажденного города: военная техника, боеприпасы, медикаменты. Кроме «Ташкента» с транспортами идут четыре катера-охотника. Главная их задача — уберечь суда от атак подводных лодок.

Конвоирование грузовых судов с Гражданскими экипажами — новая функция легких сил флота. Вообще-то она не так уж нова. И в первую мировую войну проводкой конвоев на морских коммуникациях было занято много боевых кораблей различных стран. Но о том, что нам придется заниматься этим на Черном море, мы как-то не думали. Правда, особой подготовки конвоирование почти не потребовало. А капитаны транспортов — люди бывалые, прекрасные моряки.

Невдалеке от мыса Тарханкут на конвой налетела группа бомбардировщиков, коварно зашедших со стороны нашего берега. Но в этом районе конвой еще прикрывался истребителями с крымских аэродромов. Они смело ринулись на фашистов, превосходивших их числом, и завязали воздушный бой. Строй бомбардировщиков рассыпался, бомбы были беспорядочно сброшены в море. Никаких повреждений транспорты не имели.

До выхода, в Севастополе, с корабельными зенитчиками

обсуждались практические вопросы, поставленные в порядок дня опытом последних столкновений с неприятельской авиацией. Зенитчики уже привыкли, не мешкая, открывать огонь без команды, дорожить каждой секундой. Но нужно также научиться вовремя переносить огонь с одной цели на другую. Это особенно важно в связи с тем, что самолеты иногда атакуют корабль одновременно с разных направлений.

На батарее зенитных автоматов очень дружный, почти полностью комсомольский боевой коллектив. Тут несколько больше, чем в других подразделениях, молодых краснофлотцев, но зато отличаются солидностью, флотской опытностью командиры расчетов — старшины 2-й статьи Григорий Гутник, Евдоким Пироженко, Павел Филенко, Василий Панов, Михаил Вавилов, Игнат Потарыкин. Они серьезно, самокритично разбирают свою боевую работу после каждой стрельбы. И не разуверяются в своем оружии, когда обнаруживают в нем «слабины», о которых раньше не подозревали.

Однако их, конечно, беспокоит разрыв между потолком действительного огня наших автоматов и потолком фашистских бомбардировщиков. Поднимешься на площадку к зенитчикам, спросишь, как настроение, и кто-нибудь обязательно скажет:

— Настроение, товарищ командир, нормальное, только вот никак не достаем до тех самолетов, что летят повыше…

На крыльях ходового мостика установлены крупнокалиберные пулеметы ДШК. Тут расписан и командир отделения пулеметчиков старшина 2-й статьи Василий Мамонтов, секретарь комсомольской организации БЧ-II. Посты пулеметчиков у меня под рукой, и нередко при отражении воздушных атак я сам направляю их огонь.

Мы условились с пулеметчиками так: если во время стрельбы дам свисток (звук свистка слышен и сквозь трескотню пулеметов), значит, надо оглянуться, и я рукой покажу новую цель. Однако уговор помогает не всегда. До боя про условный сигнал помнят. Но когда фашистский самолет взят на мушку, иной пулеметчик, «вцепившись» в него, ничего больше не воспринимает, никакого свистка не слышит. Не замечает он и другого самолета, который уже ближе и опаснее для корабля. Чтобы добиться перенесения огня на новую цель, мне приходится хватать такого пулеметчика за руку.

После отражения налета на транспорты вновь объясняю Мамонтову, к чему все это может привести. Комсорг дает слово, что в его отделении будет порядок. Люди ведут себя самоотверженно, ради победы в каждом бою готовы на все. Но война требует и большого умения, и определенных привычек,

навыков. Вырабатывать их надо быстрее, нельзя ждать, пока они сложатся сами собой.

Идет к концу август. Стоят погожие дни, на море штиль. Только ход корабля создает легкий ветерок, от которого так легко дышится на мостике. Сейчас самая золотая пора черноморского лета, но нынче ее едва замечаешь.

День начинается и кончается сводкой Совинформбюро. Ее слушают в кубриках и кают-компании в настороженной тишине, слушают с тревогой и надеждой — должен же когда-то начаться на фронте перелом…

Пока обстановка продолжает осложняться. Немцы прорвались к Днепру и уже реально угрожают Крыму. Под Одессой враг вновь потеснил наши части. Усилились бомбежки и артиллерийский обстрел города, растет число жертв среди населения. Когда мы приходили в Одессу в прошлый раз, я отпускал на берег краснофлотца Фесенко: у него там родители и сестры. Вернувшись на корабль, Фесенко рассказал, как трудно приходится одесситам. Плохо у них с водой — враг захватил основной приемник водопровода на Днестре. Но город держится стойко, и помощь ему усиливается, в том числе со стороны флота. Нам известно, что в Одессу идут крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», лидер «Харьков».

На одесской земле сражается Первый морской полк, в рядах которого двенадцать посланцев нашего экипажа. Мы получили через политотдел краткую, без подробностей, весточку о том, что все они живы и воюют отлично. Комиссар рассказал об этом на политинформации, и сразу же посыпались новые рапорты.

В первый раз за долгое время мы с Сергеевым не пришли к единому мнению: он считал, что еще человек двадцать отпустить можно, а я возражал и настоял на своем. Но чувствую, посылать матросов в морскую пехоту еще будем.

Два августовских дня

Тридцатое августа… Вчера мы снова пришли с транспортами в Одессу, и у нас был здесь горячий и успешный боевой день. «Ташкент» подавил вражескую дальнобойную батарею, которая в последнее время держала под обстрелом порт, а накануне потопила буксир, нанесла повреждения эсминцу «Фрунзе».

В штабе базы я встретил командира «Фрунзе» капитан-лейтенанта П. А. Бобровникова. Китель на нем внакидку, под кителем видны бинты. Оказывается, Бобровникова задело осколком, пролетавшим через мостик. Его хотели прямо из штаба отправить в госпиталь, но капитан-лейтенант решительно воспротивился: «На мостике ранило, на мостике и вылечусь. Разве сейчас до госпиталей!».

Глядя на него, я вспомнил, как и у нас над мостиком пронеслись осколки, когда разорвался у воды бризантный снаряд, и как я подавил тогда инстинктивное желание нагнуться. Небось и Бобровников так. А ведь, пожалуй, нагнуться в подобном случае не так уж зазорно…

Вот эту батарею нам и поручили вчера привести к молчанию. Перед самой съемкой со швартовов к лидеру подошел меднотрубый катерок крейсера «Коминтерн», и на борт к нам поднялся контр-адмирал Д. Д. Вдовиченко: «Хочу поглядеть, как стреляете!» «Ташкент» вышел из гавани под флагом командира Отряда поддержки Северо-Западного района.

Батарея первой открыла огонь по кораблю — сразу, как только мы миновали боновые ворота порта. Сперва у нее получались недолеты, а следующие снаряды легли в кабельтове-двух за кормой лидера. Батарея закончила пристрелку, переходит на поражение. Нам же ее не видно — ни одной вспышки орудийных выстрелов на берегу заметить не удалось…

Артиллерийским зигзагом вывожу корабль из зоны обстрела. По вызову контр-адмирала Вдовиченко из гавани — она совсем близко — идут стоявшие наготове эсминец «Смышленый» и два катера-охотника. Они прикрывают «Ташкент» дымовой завесой.

Все это отнюдь не означало выхода из боя. Когда батарея умолкла, лидер снова начал приближаться к ней. С дистанции 80 кабельтов наши башни открыли огонь по площади предположительного места батареи. Она ответила нам и опять довольно быстро пристрелялась. Пришлось снова прибегнуть к зигзагу и отойти подальше. И еще раз командир «Смышленого» капитан 3 ранга В. Тихомиров-Шегула, смело маневрируя под обстрелом, поставил для нас завесу.

Задача оказалась куда труднее прежних, но отступаться мы не собирались. Немного выждав, делаем еще один, третий, заход. Подойдя на милю ближе, чем в прошлый раз, возобновляем обстрел того же квадрата. Первые ответные залпы противника ложатся с недолетом… И не успевает батарея пристреляться, как дальномерщик Подгорный (тот, что недавно первым разглядел в море сбитого летчика) засекает легкий оранжевый отсвет, скользнувший в складках берегового склона.

Так мы узнали, где скрыта батарея. Вспышки следующего ее залпа увидел и Николай Спиридонович Новик. Стрельба, начатая по площади, продолжалась уже по наблюдаемой цели. Ведя огонь, мы приближались к берегу — теперь это было оправдано.

Когда дистанция сократилась до 54 кабельтов, батарея замолчала. Уже несколько минут за нею наблюдал не видевший ее раньше корабельный корпост. «Противник в панике, солдаты бегут от разбитых орудий», — передал по радио лейтенант Борисенко. Но Новику довелось взглянуть на результаты своей работы собственными глазами: и накрытие цели, и то, как разбегались уцелевшие фашистские артиллеристы, было хорошо видно нашим дальномерщикам и управляющему огнем.

На девяносто седьмом снаряде (считая и те, что выпустили по площади) стрельба была окончена. Еще в районе огневой позиции контр-адмирал Вдовиченко объявил экипажу лидера благодарность за отличное выполнение боевой задачи.

Когда мы входили в порт, по кораблям, стоявшим в Одессе, передавался лестный для нас семафор командира Отряда поддержки: «Учитесь стрелять и вести себя под огнем у моряков лидера» Ташкент «.

Так закончился этот памятный августовский день. А нашим корректировщикам, прежде чем они вернулись на корабль, пришлось выдержать бой с группой фашистских автоматчиков. Был момент, когда гитлеровцы почти окружили корпост, но моряки отбились — выручил пулемет Чащина.

Сегодня тоже стреляем с корпостом. В паузы между залпами наших башен доносится орудийный гул с другой огневой позиции — от Большого фонтана.

— Это «Красный Крым»! — улыбается Балмасов и тут же докладывает: — Корпост просит перенести огонь на новую цель. Координаты у штурмана…

Захожу на минуту в рубку к Еремееву. Штурман склонился над картой, рассчитывает точку залпа. Я тоже нагибаюсь к карте. И в этот момент слышу голос сигнальщика Гордиенко:

— Самолеты противника в зените!

Выскочил из штурманской рубки, командую: «Право на борт!»

Сам подбежал к машинному телеграфу, чего обычно не делаю, и дал обеим машинам «самый полный вперед». Набирая ход, корабль начинает крутую циркуляцию. Пытаюсь разглядеть самолеты, но вижу в небе лишь сплошные разрывы снарядов — наши зенитчики ведут шквальный огонь. А самолеты, должно быть, очень высоко. Может, просто летят куда-нибудь через нашу позицию?

Но тут засвистели бомбы. Справа и слева поднялись огромные, выше мостика, водяные столбы. Успел заметить, что самым близким был столб воды, взметнувшийся с правого борта у кормы. Оттуда и пришел вместе с грохотом взрывов принятый всем корпусом корабля страшной силы гидравлический удар. Такой, что «Ташкент» словно подпрыгнул.

Но машины продолжают работать. Сильного крена или дифферента не ощущаю. Первая мысль: ничего катастрофического не произошло, прямого попадания нет. Однако в корме все-таки неладно…

— Командир, я туда! — крикнул Сергеев, метнувшись к трапу.

Из энергопоста — командного пункта Сурина — поступает первый доклад:

— Пробоина по правому борту в районе сто двадцать пятого шпангоута. Пятый кубрик затоплен. Вода поступает в четвертый. Прошу сбавить ход!..

По радиотрансляции передано приказание: «Личному составу проверить помещения в районе своих боевых постов». Повреждений, кроме уже известных, во внутренних помещениях не обнаруживается. Только рулевой доложил, что корабль стал хуже слушаться руля.

Ход уменьшен до малого. Самолеты нас больше не бомбят. Аварийная партия во главе с воентехником 1 ранга Колягиным отстаивает четвертый кубрик, укрепляя подпорами переборку, отделяющую его от затопленного пятого. Сурин, который также в корме, сгоряча попробовал было осушать пятый кубрик, но это оказалось безнадежным делом — пробоина слишком велика. Уточнены наши потери: убиты машинисты-турбинисты Степан Пирогов и Яков Лысенко, бесследно исчез краснофлотец Василий Лаушкин, тоже машинист-турбинист. Несколько человек ранено.

Такова обстановка через четыре-пять минут после обрушившегося на корабль удара. «Ташкент» поврежден, но сохранил ход. Невредимы и наши машины, и оружие. Экипаж стоит по боевым постам.

Приоткрыв броневую дверцу КДП, Николай Спиридонович Новик спокойно и деловито спросил:

— Товарищ командир, разрешите продолжать огонь?

Да, мы можем продолжать бой. Корабль на огневой позиции, корректировщики указали новую цель, точка залпа рассчитана. Подавив все сомнения, приказываю возобновить стрельбу. Отплатим врагу за сегодняшние бомбы, за наших погибших товарищей! И пусть залпы башен ободрят всех, кто сейчас с тревогой ждет, что же будет дальше. Раз корабль стреляет — уже хорошо!

И снова гремят наши орудия. Борисенко передает очередные поправки. Корректировщики еще не подозревают, чем вызвана задержка с перенесением огня на новую цель.

А на корабле постепенно выясняется, что повреждения есть не только там, где пробоина. На полубаке появился поперечный гофр: сталь собралась в складки, когда корму подкинуло взрывом. С этим шутки плохи — гофр таит в себе угрозу надлома корпуса.

Что касается руля, то поврежден, очевидно, гидравлический привод. Пока перешли на запасное управление с кормового мостика. В районе пробоины положение стабильно: большой пятый кубрик, пересекающий корабль от борта к борту, полностью затоплен, но угрозу затопления четвертого аварийная партия предотвратила. Жизнь всех раненых вне опасности. Нигде не могут найти пропавшего Лаушкина. В затопленном кубрике его нет.

Сурин прибежал с кормы на мостик, чтобы лично объяснить, почему нельзя давать ход больше двенадцати узлов. Механик опасается за кронштейны гребных валов: нельзя ручаться, что там нет трещин или других повреждений, а выяснится это лишь при детальном осмотре корпуса в базе.

Мы заканчиваем галс, и Новик командует в башни: «Дробь! Орудия разрядить!».

Штаб базы, уже получивший радиограмму о наших делах, приказывает немедленно возвращаться. На сердце невыразимо тяжело. Отвоевались? Конечно же нет! Но почему-то это обидное слово вертится на языке, и заранее неприятно, что кто-нибудь тебе его скажет.

У Воронцовского маяка встречают портовые буксиры. Первый еще издали семафорит: «Прошу застопорить ход, будем вводить в гавань».

Наш ответный семафор гласит: «Благодарю. Входить буду сам. На всякий случай держитесь поблизости».

Знаю, что Павел Петрович Сурин это не одобрит. Он, кстати, заранее потребовал обойтись при швартовке без заднего хода. Об этом я помню, но очень уж не хочется, чтобы полгорода видело,

что наш красавец лидер тяжело ранен. Пусть и враг не догадывается, насколько серьезно он поврежден.

Ходовая вахта постаралась, и «Ташкент», благополучно подходит к стенке без посторонней помощи. На причале уже ждут базовые инженеры. Подходит водолазный бот, спускают водолазов… Повреждений в подводной части корпуса нигде, кроме кормы, они не находят. Но корме досталось крепко. Диаметр пробоины чуть не шесть метров. Кронштейны осели на гребные валы… Базовые специалисты заглянули с Суриным в корабельные чертежи и уехали в штаб.

На юте «Ташкента» лежат Яков Лысенко и Степан Пирогов, накрытые корабельным флагом, под которым они верно служили Родине. Два черноморца четвертого года службы, два комсомольца, первыми из нашего экипажа павшие в борьбе с врагом…

Обстановка не позволяет «ташкентцам» проводить погибших товарищей до кладбища. За их телами пришла машина одесского госпиталя, и на юте возникает сам собою короткий траурный митинг. Выступают политрук Смирнов, старшина 2 — й статьи Якимов из команды машинистов-турбинистов. От имени всего экипажа они дают слово отомстить врагу за боевых друзей.

— У нас с комиссаром уже решено посмертно представить Лысенко и Пирогова к награде.

Мне пора в штаб, но сперва хочется заглянуть хоть на минутку в санчасть к раненым. Особенно тяжелых среди них нет, и у всех одна просьба — не отправлять с корабля: «Мы тут скорее вылечимся вместе с «Ташкентом»!»

— Что на это сказать? Еще неизвестно, где и как будут «лечить» наш корабль…

Идя в штаб, заранее волнуюсь: что-то решат там о ремонте? Ведь «Ташкенту» необходим док.

В штабе приглашают к командиру базы контр-адмиралу И. Д. Кулешову. Доложив об обстоятельствах атаки бомбардировщиков и состоянии корабля, я высказываю мнение, что «Ташкент» способен своим ходом следовать в главную базу для ремонта на севастопольском Морзаводе. Выслушав меня, командир базы говорит, что ему уже все известно от специалистов штаба.

— А в Севастополе вам делать нечего! — неожиданно заканчивает он. — Решено ремонтировать «Ташкент» в Одессе. Здесь это будет сделано за несколько дней.

Можно было ожидать чего угодно, только не такого решения, явно непродуманного, да и просто невыполнимого, если учесть объем работ и обстановку в Одессе. Но я понял, что говорить сейчас больше не о чем, и лишь попросил командира базы

доложить мое мнение командующему флотом.

На пути в порт меня застала бомбежка. На темной улице какая-то женщина с повязкой схватила за рукав, потянула к убежищу: «Вы что, с ума сошли? Надо переждать!» Я с досадой вырвался и пошел дальше. Где-то рвались бомбы. Щелкали о мостовую мелкие осколки зенитных снарядов. Но было не до этого. Охватила обида за корабль, за наш экипаж.

Войдя в каюту, почувствовал, как устал за день. Решил немножко посидеть в кресле, а уж потом обсуждать с Сергеевым и Орловским наши печальные перспективы. Через несколько минут постучался Фрозе. Сразу понял, в каком я настроении.

— Не расстраивайтесь, товарищ командир, на войне, знаете, ведь и убить могут!.. — Это была его обычная шутка, и почему-то все ее любили. — А у нас новость, — продолжал Сергей Константинович. — Лаушкин нашелся!

— Живой? — недоверчиво спросил я.

— Совершенно живой!

— Где же он был? Давайте его сюда!

— Товарищ командир, он уже спит. Может быть, завтра?..

С машинистом-турбинистом Василием Лаушкиным приключилось то, что и в богатой разными необычными случаями морской жизни можно считать из ряда вон выходящим.

Когда у борта разорвалась бомба, Лаушкин находился в пятом кубрике. Все, кто там был, кроме него, оказались либо убитыми, либо ранеными. Лаушкина же, совершенно невредимого, каким-то образом выбросило через огромную пробоину за борт. Причем, не попал он и под гребные винты, что в данной ситуации было проще простого.

Краснофлотца, вынырнувшего за кормой, с корабля не заметили — было не до того. Лаушкин держался на воде часа три. Он разделся до трусов, но оставил при себе сумку от противогаза, в которую переложил из кармана робы комсомольский билет. Краснофлотец потихоньку плыл в сторону порта, пока его не подобрал сторожевой катер. Узнав, что Лаушкин с «Ташкента», моряки катера наперебой предлагали ему кто брюки, кто тельняшку, кто обувь…

Фрозе рассказал, с каким восторгом встретила Лаушкина команда. Все знали, что о нем уже и по начальству доложено как о пропавшем без вести. И, провожая в последний путь двух своих товарищей, моряки мысленно прощались и с третьим.

— Ну, теперь тебе, Вася, уж не утонуть до самой смерти! — радовались друзья «воскрешению» удачливого турбиниста.

Да, возвращение Лаушкина — большая радость. Сразу как-то и усталость забылась. Потянуло заняться делом, отложив

неприятные переживания до другого раза.

Пошли с помощником по кораблю. Везде тихо — команда отдыхает. Спят и размещенные по всем кубрикам обитатели затопленного пятого, специалисты электромеханической боевой части. Но аварийная партия Колягина бодрствует, никому не передоверяя присмотр за подпорами, расставленными и в четвертом кубрике, и в румпельном отделении, и у дизеля. В корме возникла особая вахта, не регламентированная пока никакими расписаниями, но едва ли не самая ответственная на корабле. И нести ее теперь надо до тех пор, пока «Ташкент» не станет на кильблоки дока.

Не до сна, конечно, и старшему инженер-механику. Его застаю за письменным столом в каюте. Рядом, на диванчике — комиссар. Сурин без кителя, в одной майке, но снять тяжелую кобуру с наганом, видно, забыл, сидит при оружии. На столе развернуты «Таблицы непотопляемости».

— Можем идти своим ходом, можем! — решительно говорит Павел Петрович, вставая мне навстречу. — Но предельный ход двенадцать узлов. Больше нельзя: корма лежит на гребных валах. А на ремонт — не меньше месяца. Даже при самых благоприятных условиях…

Не успел я досказать комиссару и механику о том, что нас собираются ставить на ремонт в Одессе, как с вахтенного поста у трапа донеслись четыре коротких звонка — условный сигнал о прибытии большого начальства. Кто бы это мог быть в такой час? Недоумевая, спешу к трапу.

На борт уверенно поднимается высокая фигура в темном кожаном реглане. Присмотревшись, узнаю вице-адмирала Гордея Ивановича Левченко, заместителя наркома. Я слышал, что он прибыл в Одессу с какими-то поручениями от высшего командования, но увидеть его на корабле не ожидал.

— Показывайте, командир, где пробоина, — сказал адмирал, и я повел его прямо от трапа к местам повреждений.

Гордей Иванович с полчаса ходит по кормовым помещениям, выясняет у меня и у подоспевшего Сурина разные подробности. На «Ташкенте» он впервые, но ориентируется легко. Может быть, потому, что долго служил на эсминцах. Закончив осмотр, спрашивает:

— Что предполагаете делать, командир?

Я доложил свои соображения насчет дока в Севастополе, а также решение командира базы.

— Уверены, что доведете корабль до Севастополя? Отвечайте и вы, командир, и вы, инженер-механик!

Мы оба подтвердили: уверены, что доведем; Чувствуя, какой

оборот принимает дело, Сурин, еще минуту назад непроницаемо мрачный, до того повеселел, что, к моему удивлению, даже пошутил:

— В крайнем случае, товарищ адмирал, вся бэче-пять вставит весла в иллюминаторы, а ход будет!

— Значит, решено, — заключает Левченко. — В охранении, очевидно, пойдут «Смышленый» и два катера-охотника.

— А решение командира базы? — напоминаю я.

— Это предоставьте мне. Ваша забота — до рассвета выйти из Одессы.

Уже прощаясь, Гордей Иванович спросил:

— Так с какой высоты вас бомбили?

— Не меньше четырех тысяч метров. Может быть, больше.

— По самолетам стреляли?

— Да.

— И что дало?

— Ничего…

У трапа Левченко остановился, вслушиваясь в тишину ночного порта.

— А здорово вы ту батарею накрыли! — вспомнил он вдруг про вчерашнее. Для базы это много значит.

Война проверяет, война учит

Утро 31 августа встречаем в море. «Смышленый» идет головным, за ним «Ташкент». Катера-охотники справа и слева от лидера: охраняют и обеспечивают…

Из Одессы вышли в полной темноте. Тем не менее над кораблями вскоре услышали фашистский самолет, видимо, разведчик. Следовало ждать бомбардировщиков.

— Разведчику помогает фосфоресцирование нашей кильватерной струи, заметил Иван Иванович Орловский. — Может быть, есть смысл при появлении бомбардировщиков сбросить несколько дымовых шашек?

Мысль старпома была дельной. Мы стали сбрасывать на воду шашки, и они действительно помогли. Вызванные разведчиком самолеты пробомбили растянувшийся за кораблями дымовой шлейф. Вероятно, ничего, кроме дыма, летчики теперь не видели и полагали, что корабли не впереди дыма, а под ним. Огня мы, понятно, не открывали — он бы сразу нас выдал.

Когда уже рассвело, показались советские «ястребки». Они дружески покачали нам крыльями, и все на мостике заулыбались. С площадки зенитной батареи, с других верхних постов махали самолетам матросы. Воздушное прикрытие всегда дорого, а при ограниченных маневренных возможностях корабля просто неоценимо. В душе поднялось теплое чувство и к пилотам «ястребков», и ко всем, кто позаботился, чтобы они нас охраняли.

«Ташкент» выдерживает переход удовлетворительно. Еще вечером удалось отремонтировать гидравлический привод руля, и корабль управляется, как обычно, из ходовой рубки. За состоянием кормы следят специальные наблюдатели, расставленные Суриным и на верхней палубе, и в аварийных отсеках — на ходу «особая вахта» разрослась. Опытные старшины дежурят в коридорах гребных валов, другие вслушиваются в вибрацию турбин, готовые уловить каждый новый, непривычный звук. Под непрестанным наблюдением и подпоры на переборках. Море сегодня тихое, и изменения погоды не ожидается, а если, паче чаяния, заштормит, будем сбавлять ход.

На переходе есть время вновь продумать все, что случилось вчера. В Севастополе потребуется дать об этом более подробный отчет. Да и для самого себя нужно во всем разобраться.

Самолетов было несколько. Может быть, две группы. Они, конечно, не случайно пролетали мимо, а имели задачу нанести бомбовый удар по кораблям, поддерживавшим фланг армии. Самолеты шли высоко, заведомо выше «потолка» наших

автоматов. Бомбежка морских целей с такой высоты не может быть особенно точной. Бомбили в какой-то мере наугад. Потому и выбрали крупные бомбы с большим радиусом поражения. Всего сброшено, насколько удалось сосчитать, двенадцать бомб… И одна чуть не угодила прямо в лидер.

Это о противнике. Теперь о том, как выглядели мы.

Обнаружить самолеты было трудно — большая высота, слепящее солнце. Трудно, но можно. Сумели обнаружить два человека: первым — сигнальщик Гордиенко, и сейчас же вслед за ним — строевой Цепик. Заслуга их перед кораблем велика и должна быть отмечена. И надо, чтобы таких сверхзорких наблюдателей было у нас больше.

Мог ли я сам раньше других заметить самолеты, если бы не зашел на минуту в штурманскую рубку? Не знаю, вряд ли. А мог ли выиграть какие-то секунды, если бы доклад Гордиенко застал меня не в рубке, а на мостике? Вероятно, мог. Секунды мы все-таки упустили. Вот когда познается настоящая их цена.

Если бы все, что мы стали делать, начать на сколько-то секунд раньше, а тем более если бы удалось обнаружить самолеты не тогда, когда они были уже над нами, — повреждения корабля, быть может, удалось бы избежать… И тут же возникает вопрос, от которого становится не по себе: а что, если бы и Гордиенко с Цепиком не обнаружили самолетов?..

Дальнейшее вспоминать уже легче. Правильно, что дал самый полный вперед. Правильно, что скомандовал «Право на борт». Мог скомандовать и «Лево», тут сработала просто интуиция. Но получилось удачно: корма пошла влево и, пожалуй, это и уберегло корабль от прямого попадания.

К рулевому, к машинной команде никаких претензий. Молодцы! Зенитчики сделали все, что могли, а потолок наших автоматов — вопрос особый. Аварийные партии боролись за жизнь корабля отважно и умело. В корме многим могло показаться, что «Ташкент» тонет, но никто не кинулся наверх, не оставил своего поста. Артиллеристы, задраившись в кормовом погребе, спокойно проверяли, не угрожает ли ему вода.

Узнаю о все новых и новых проявлениях скромного матросского мужества. Вот хотя бы случай с минером Владимиром Липиным. Он находился у тележек с глубинными бомбами. Взрывной волной Липина подкинуло вверх и бросило на палубу, он получил серьезные травмы. Но краснофлотец видел, что одна тележка сорвалась с места, бомбы раскатились по палубе. И, пересилив боль, не теряя самообладания в обстановке, когда на корму обрушивались столбы воды, комсомолец Липин встал на ноги и поднимал одну бомбу за другой, пока не

водворил все на место.

Можно сказать об этом и так: ничего особенного, такое поведение краснофлотца обычно. И это тоже будет верно. Но в том и сила экипажа советского корабля, что люди готовы и способны выполнять свои обязанности в самых тяжелых условиях, при любой опасности, поистине самоотверженно. Это для нас нормально, однако не замечать этого нельзя. И нельзя не гордиться командиру такими подчиненными.

Есть потребность осмыслить и то, насколько пригодился в трудный для «Ташкента» час наш опыт борьбы за живучесть и непотопляемость корабля. Ведь этому уделялось много времени и сил в процессе боевой подготовки. Сколько «пробоин» заделывали на тренировках и учениях! Причем моряков всегда приучали к мысли: раз ведем бой, то и своему кораблю может достаться от врага. И хорошо, что приучали к такой мысли — слово «пробоина» не вызывает растерянности, а дает толчок к быстрым и решительным действиям. По сути дела вчера проверялось, что дали морякам «Ташкента» все аварийные учения.

Боевые повреждения, конечно, могут быть весьма разнообразными. В данном случае особенно пригодилось умение укреплять оказавшиеся под напором воды переборки. Именно это было основной задачей кормовой аварийной партии. Ее командир Иван Васильевич Колягин, молодой еще корабельный инженер, действовал грамотно, а старшины и матросы понимали его с полуслова. Подпоры, брусья, клинья и прочий инвентарь аварийщиков оказался под рукой.

Но вот что отличало фактическую борьбу с водой от условий наших обычных учений. На учениях вводные о пробоинах, как правило, предусматривали ликвидацию, заделку этих пробоин. А вчера «Ташкент» получил пробоину, заделать которую экипаж не мог. Никто и не вспомнил про пластырь.

Пластырей у нас на борту несколько. Есть малый — три на четыре метра, есть побольше — семь на десять, есть и еще больше. Это толстые ковры из четырех-пяти слоев плотного брезента, особым способом прошитые и окантованные тросом. Еще несколько бухт троса требуется для крепления пластыря. «Хозяйство» громоздкое и тяжелое. Разнести пластырь, то есть развернуть его — и то уже немалый труд. Между кораблями устраивались соревнования — кто быстрее заведет пластырь. Наш «Шаумян», бывало, состязался с «Незаможником».

А теперь думается: не платили ли мы, увлекаясь пластырями, известную дань устаревшим представлениям о характере повреждений, которые может получить корабль в современном бою? Пробоина от артиллерийского снаряда — это одно,

пробоина от взорвавшейся у борта крупной авиабомбы — совсем другое. Разрушительная сила боевых средств возросла, и пробоину вроде нашей вчерашней, пожалуй, можно считать, так сказать, типичной. Если так, то, наверное, придется не столько заделывать пробоины, сколько защищать от воды отсеки, соседние с затопленным, как это было вчера. Но, разумеется, и пластыри могут еще пригодиться.

В Севастополе «Ташкент» без задержки поставили в док. Когда помпы откачали воду, стала видна вся пробоина: основная ее часть была ниже ватерлинии.

Картина жуткая. Не пробоина, а прямо ворота, в которые можно въехать на грузовике. Вогнутые внутрь края в острых заусеницах. Какой силы должен быть гидравлический удар, чтобы так искорежить и смять крепкую корабельную сталь…

Пробоина пришлась прямо-таки на единственное в корме место, где она могла — при таких размерах — не затронуть чего-то жизненно важного для корабля. Сдвинься она еще чуть-чуть к срезу кормы — остались бы без румпельного отделения, а то и без гребных винтов. А окажись пробоина чуть ближе к носу, она захватила бы артиллерийский погреб, и тогда — новый взрыв, которым, в лучшем случае, оторвало бы всю корму.

— Удачно вписалась, ничего не скажешь!.. — изумлялись осматривавшие корабль инженеры.

Выходило, что нам еще «повезло»…

Командующий эскадрой Л.А. Владимирский посвятил разбору боя «Ташкента» и обстоятельств, при которых он оказался выведенным из строя, специальное совещание командиров кораблей. Маневр лидера и действия экипажа были признаны правильными. Командующий потребовал от командиров усилить тренировку наблюдателей и воспитательную работу с ними. Он сказал также, что кораблям необходимо более мощное зенитное оружие, которое мы, надо полагать, в конце концов получим.

В доке состоялось собрание личного состава лидера. На нем тоже был сделан разбор всего, что произошло на огневой позиции под Одессой. Отдав должное мужеству и самоотверженности экипажа, я сказал:

— А самолеты мы все-таки прохлопали, обнаружили их слишком поздно. Считаю, что и я, как командир, в этом виноват. Из тяжелого урока, который мы получили, надо сделать выводы на будущее. А сейчас наша задача — помочь заводу быстрее вернуть «Ташкент» в боевой строй флота.

Глава 4. Навстречу новым боям

История четвертой башни

Жизнь на корабле стала внешне похожей на ту, какая была у нас три месяца назад. Так же с утра до ночи идут заводские работы, хотя и совсем другого характера. Так же помогает рабочим чем только может весь экипаж. Заводскому и доковому распорядку подчинены распорядок корабельный и все наши внутренние дела.

Все, как тогда, и все не так. Три месяца назад еще не было войны. Теперь она бушует на нашей земле от Черного моря до далекого Баренцева — жестокая, беспощадная, небывалая. Треть экипажа не получает писем из родных мест: на «Ташкенте» много моряков с Украины, а там враг. Фашисты уже недалеко от Перекопа… А наш корабль в такое время обречен на длительную стоянку в доке.

«Две недели воевали, два месяца будем ремонтироваться!..» Эти горькие слова я услышал от одного краснофлотца. Он весь день, не покладая рук, трудился вместе с заводской бригадой, но и усталость его не успокоила. Скоро не будет отбоя от добровольцев, рвущихся в морскую пехоту. На корабле знают, что сформирован и отправлен под Одессу уже второй морской полк, формируется третий. А ориентировочный срок ремонта действительно два месяца. Большой срок. Но спорить бесполезно — велик объем работ.

Совсем не просто заделать такую огромную пробоину. Но если бы дело было только в ней! На противоположном, левом, борту от киля идет вверх почти до ватерлинии зловещая трещина. Другая трещина, пересекающая и верхнюю палубу, выглядит в доке так, что задним числом становится страшновато за наш переход из Одессы. Как-никак 160 миль, а корма, выходит, держалась на честном слове… Еще хуже с левым кронштейном. Поглядев на него, инженеры из техотдела сперва сказали: «Раз нет запасного, то и плавать нельзя».

Но Морзавод взялся вернуть «Ташкент» в строй и решает эту нелегкую задачу смело, инициативно, исходя из реальных возможностей.

Осевшую корму приподняли двадцатью гидравлическими домкратами (качали вручную наши краснофлотцы) и почти заново соединяют с остальным корпусом. Немного беспокоит, как

бы после этого корма не стала слишком вибрировать на ходу. Но завод выделил для «Ташкента» лучших своих инженеров и рабочих. Хочется верить, что они сумеют сделать все как следует.

Корпусные работы идут и в носовой части корабля — нельзя оставлять возникший там гофр. А многие механизмы, получившие сильную встряску, нуждаются в контрольной переборке. И все это требует времени.

Когда развернулся весь фронт работ, завод перевел их на круглосуточный график. Места, где производится наружная сварка, прикрыли светомаскировочными тентами. Надежность их проверили представители ПВО. Сухой док — один из тех объектов, которые особенно тщательно охраняются от воздушных налетов. А налеты стали еще более частыми.

Уже после утверждения ремонтных ведомостей в них пришлось добавить еще один пункт, весьма для нас существенный. Виновниками этого явились корабельные артиллеристы. Но об этом следует рассказать по порядку.

У заводских причалов с некоторых пор стали появляться помимо ремонтирующихся кораблей мрачные стальные корпуса без мачт и труб и почти без палубных надстроек. Их приводили буксиры с судостроительных заводов. Война застала эти будущие корабли, спущенными на воду, но еще далеко не достроенными…

Теперь достройка откладывается до лучших времен — производить ее пока негде, и «коробки», не успевшие стать кораблями, ставятся на консервацию. Севастополь для них — лишь временное убежище. Постепенно их уводят в порты Кавказа, подальше от фронта.

На одной из таких «коробок» — это оказался недостроенный эсминец нового проекта «Огневой» — старшины-комендоры заметили двухорудийную башенку незнакомого им типа. Невысокая, приземистая, она была едва различима за штабелями ящиков с каким-то оборудованием, которыми завалили палубу, используя уводимый с завода корпус эсминца как грузовую баржу.

Сперва интерес старшин был отвлеченным — просто захотелось узнать, что за пушки стоят на новом корабле. Спросили об этом Николая Спиридоновича Новика, показали ему издали свою «находку». Командир БЧ-II глянул и загорелся: «Товарищи, да это же новейшая зенитная башня! Калибр семьдесят шесть миллиметров, и потолок что надо. Вот бы ее нам!»

Ко мне и Сергееву скоро пришла во главе с Новиком целая артиллерийская делегация.

Пока выяснялось, насколько осуществима внезапно

возникшая идея, артиллеристы успели собрать о зенитной башне «Огневого» весьма интересные сведения.

Во-первых, они разузнали, что на этом же корабельном корпусе прибыли эвакуированные с завода оружейники, устанавливавшие башню и прекрасно знакомые с монтажными схемами всего ее оборудования. Во-вторых, оказалось, что башня уже испытана боевой стрельбой и даже сбила фашистский бомбардировщик.

Произошло это в лимане, где вражеская авиация атаковала буксиры, выводившие с завода корабельные корпуса. Огонь из башни открыли рабочие, заранее позаботившиеся, чтобы боезапас был наготове. Стрельбой никто не управлял, но один самолет они все-таки сбили, и башня недостроенного эсминца открыла свой боевой счет.

«Огневому» башня пока не требовалась. Но на его зенитную установку, как и следовало ожидать, уже имелись претенденты помимо нас. Немалую сложность представлял сам перенос башни с ее погребом, перегрузочным отделением и элеватором (общий вес всего этого, если не ошибаюсь, около двадцати тонн) на корабль, где для нее и места-то не предусмотрено.

Но трудности оказались преодолимыми. Подходящее место для башни нашлось в корме, в районе четвертого и пятого кубриков, то есть как раз там, где у нас все было разворочено и новые работы требовали сравнительно небольшой дополнительной ломки. И завод — вот уж не формально отнеслись люди к нашей неожиданной заявке! — взялся выполнить эти добавочные работы, не изменяя по возможности общих сроков ремонта. Само собой разумелось, что монтажом башни займутся николаевские мастера.

Что касается других претендентов, то они отпали после того как инициативу «ташкентцев» решительно поддержали командующий эскадрой Л. А. Владимирский и флагманский артиллерист флота А. А. Руль. Принципиальная сторона вопроса уладилась еще быстрее, чем техническая.

Таким образом, «Ташкент» получает сверхштатную скорострельную зенитную установку солидного калибра, способную поражать цели на высотах до шести тысяч метров. Сочетание такой башни и батареи автоматов, которые достают цели, летящие на высоте две — две с половиной тысячи метров и ниже, делает корабль не то чтобы неуязвимым с воздуха, но во всяком случае способным отражать атаки вражеской авиации гораздо успешнее, чем прежде.

Заводские инженеры вместе со специалистами штаба флота без задержки сделали все расчеты, потребовавшиеся для

установки башни на корабле. Нижняя часть ее хорошо поместилась в четвертом кубрике, обитателям которого пришлось немного потесниться.

Когда башню стали монтировать, краснофлотцы часто от души смеялись, наблюдая, как она, вращаемая электромотором горизонтальной наводки, забавно крутится вокруг своей оси, в то же время быстро водя вверх и вниз длинными стволами орудий. Крутилось вместе со всей башней и нижнее ее отделение, оказавшееся в четвертом кубрике. Пока тут все проверялось и прилаживалось, иные веселые матросы успевали в свободную минуту покататься на вертящейся башне, как на карусели. Отсюда и пошло прочно приставшее к нашей сверхштатной прозвище — «башня смеха».

А официально зенитную башню стали именовать четвертой, поскольку лидер имел три башни главного калибра. Вверили ее самому боевому из наших лейтенантов-артиллеристов — Вениамину Макухину, отлично командовавшему второй башней. А на вторую пошел новый наш сослуживец лейтенант Сергей Матлахов.

Из «старых», кадровых, комендоров перевели в зенитную башню старшин и краснофлотцев Алексея Спирякова, Валентина Юдина, Василия Плужника, Ивана Грицуту, Филиппа Крищенко. Остальных подобрали из прибывавшего пополнения.

На новую зенитную установку возлагались большие надежды, в нее как-то сразу поверили. И не напрасно.

Но я слишком забегаю вперед. Увидеть четвертую башню на борту лидера мне довелось гораздо позже, чем остальному экипажу. В сентябре 1941 года военная судьба на некоторое время разлучила меня со стоявшим в доке «Ташкентом».

Эсминец «Фрунзе»

Вызывают на линкор, к командующему эскадрой.

— Так вот, — начинает Лев Анатольевич Владимирский, внимательно ко мне приглядываясь. — Вам, вероятно, известно, что Бобровникова все-таки пришлось уложить в госпиталь. Напрасно не сделали этого сразу. А корабль его уже может воевать…

Конечно, мне известно и то и другое. Командир эсминца «Фрунзе» капитан-лейтенант П. А. Бобровников был, как, наверное, помнит читатель, ранен под Одессой осколком разорвавшегося в воде немецкого снаряда. Тогда же получил боевые повреждения, относительно небольшие, его корабль. Бобровников сам привел эсминец в Севастополь, но «вылечиться на мостике» капитан-лейтенанту не удалось. Ему стало хуже. Рана на спине, хотя и не особенно опасная, требовала лечения настоящего. Корабль вернулся в строй раньше своего командира.

После первых слов контр-адмирала уже нетрудно было угадать, что он мне скажет дальше. И на вопрос Л. А. Владимирского, не возражаю ли я против того, чтобы сегодня же вступить во временное командование эсминцем «Фрунзе», ответ у меня готов был заранее. Я сказал, что рад возможности плавать и воевать, а не сидеть в доке.

У меня нет никаких сомнений в том, что Орловский, Сергеев, Сурин обеспечат контроль за ремонтными работами, решат все вопросы, которые могут возникнуть. В этом я спокойно мог заверить командующего эскадрой.

— А я попрошу флагманского механика почаще наведываться на «Ташкент». Да и сам побываю у вас, — обещает контр-адмирал. И невесело шутит: — Ну, а если бомба в док, не поможет и присутствие командира…

Все решено за несколько минут. На том же катере, который доставил меня на линкор, иду обратно к доку. Взять в каюте реглан и чемоданчик — и я буду готов отправиться на Минную пристань, где стоит «Фрунзе». Но сперва нужно еще о многом переговорить с комиссаром, старпомом, механиком и другими товарищами.

— Я так и знал, что этим кончится, еще вчера ждал, — признается Сергеев. По совести сказать, завидую тебе!

Орловский, остающийся на «Ташкенте» за командира, педантично принимает у меня корабельные дела, не забывая спросить ни о чем существенном. Он и так в курсе всего, но хочет соблюсти формальности. Сурин прощается сумрачно и как-то

рассеянно, ни о чем не спрашивает. Ремонт взвалил на плечи механика столько забот, что он слабо реагирует на все, выходящее за их круг. А что ему надо делать, прекрасно знает сам.

Уже на стенке дока меня догоняет парторг Василий Иванович Смирнов, куда-то отлучавшийся.

— Ни о чем не беспокойтесь, товарищ командир! Коммунисты работают на ремонте так, что заводские не нахвалятся. А как коммунисты, так и все. Да вы и сами знаете… Счастливо вам воевать!

Уже пять месяцев знаю я политрука Смирнова, и все больше укрепляется у меня то впечатление о нем, которое сложилось при первой встрече. Открытая душа, всегда спокойно-приветливый, скромница, не любитель выдвигаться на первый план. Но все, за что взялся, доведет до конца. Надежный человек — лучше о нём, пожалуй, не скажешь. В любом деле можно на него положиться. И нет на корабле моряка, который бы его не уважал.

Смирнова можно целыми днями не видеть — он и в море, и в базе редко выглядывает на верхнюю палубу, постоянно находя себе дело в «низах», у корабельных котлов и машин. Но, и не видя его, все время чувствуешь его неустанную работу с людьми. Сказывается эта работа и в том, что личный состав БЧ-V все правильнее воспринимает требовательность непреклонного Сурина.

Оглядываюсь еще раз на «Ташкент». Со стенки дока он выглядит непривычно: и палуба, и мостик далеко внизу. Сверкает и трещит сварка, стучат пневматические молотки клепальщиков, лязгает железо. Вот так, не в госпитальной тишине, как люди, а в металлическом грохоте, залечивают корабли свои боевые раны. Поправляйся же скорее, «Ташкент»!

«Фрунзе» — эскадренный миноносец из серии «новиков», участвовавших еще в первой мировой войне. Главный калибр поскромнее, чем на «Ташкенте», — пять 120 — миллиметровых палубных орудий. Еще скромнее зенитное вооружение автоматов тут нет. Значительно меньше скорость хода. Тесненьким выглядит мостик (оказывается, привык уже к просторному). А вообще все знакомо. Ощущение такое, будто вернулся на «Шаумян»: он того же типа.

Несколько смущает, что мало знаю экипаж «Фрунзе», даже командиров подразделений. Среди лейтенантов, недавно пришедших из училищ, есть совсем незнакомые лица. Но меня, кажется, знают все. Встретили не просто уважительно, но и приветливо. Отношу это не к себе лично, а к тому, что я пришел с «Ташкента». Действия лидера под Одессой, хотя и печально для

него кончившиеся, принесли ему на эскадре репутацию боевого корабля. Это чувствуют при встречах с товарищами все наши краснофлотцы.

Ближе знакомиться с временными подчиненными и сослуживцами пришлось уже в походе. «Фрунзе» получил приказание конвоировать транспорты, перебрасывающие из Новороссийска в Одессу стрелковую дивизию.

Конвой дошел до порта назначения спокойно, но в атмосфере Одессы почувствовалось что-то более тревожное и грозное, чем две недели назад. Пришли мы ночью. Конвой задержали на рейде — город отражал массированный налет бомбардировщиков. С рейда было видно, как в районе порта и дальше взрываются бомбы. Рвались и снаряды — порт снова находился под артиллерийским обстрелом. Багровые отсветы обозначали возникшие в нескольких кварталах пожары.

В гавань мы так и не вошли. Кораблям, сопровождавшим транспорты, той же ночью было приказано возвращаться в Севастополь. На обратном переходе у нас повторилось то, что было, когда в последний раз уходил из Одессы «Ташкент»: появился немецкий самолет-разведчик и вызвал группу бомбардировщиков, а мы при их приближении замаскировали фосфоресцирующую кильватерную струю дымовыми шашками. Фашисты опять пробомбили завесу, не причинив вреда кораблям. Значит, этот прием противником еще не разгадан.

В Севастополь пришли к концу дня. И сразу новый приказ — срочно пополнить запасы топлива и воды, а завтра утром опять идти в Одессу.

Уже давно флот готовился к крупной десантной операции, которую потом стали называть Григорьевской. Это был первый из черноморских десантов Великой Отечественной войны, за которым последовали многие другие. Замысел его состоял в том, чтобы высадкой морской пехоты в районе села Григорьевка — на левом фланге гитлеровских войск, штурмовавших Одессу, — улучшить общее положение осажденного города. Через Григорьевку и Чебанку морской пехоте предстояло двинуться навстречу войскам Одесского оборонительного района, переходящим на этом участке в контрнаступление. Успех операции должен был отодвинуть фронт от города, лишить противника возможности держать под артиллерийским обстрелом порт и жилые кварталы.

Командиром высадки был назначен комбриг крейсеров капитан 1 ранга С. Г. Горшков. Крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», новый эсминец «Бойкий» и другие корабли приняли на борт 3-й Морской полк и выходили из Севастополя во

второй половине дня 21 сентября. Им обеспечивалось сильное воздушное прикрытие с крымских аэродромов.

«Фрунзе» вышел раньше, за несколько часов до отряда высадки. У нас на борту контр-адмирал Л. А. Владимирский, на которого возложено общее руководство десантной операцией. На нашем корабле находятся также заместитель начальника штаба Одесского оборонительного района капитан 1 ранга С. Н. Иванов и группа штабных работников. Им, как и Л. А. Владимирскому, нужно до высадки десанта побывать в Одессе, уточнить подробности обстановки, снабдить боевой документацией командиров высадочных плавсредств, сосредоточенных в Одесском порту.

Присутствие на мостике старших начальников всегда меня несколько стесняло, особенно если сам еще не привык как следует к кораблю. Но с Львом Анатольевичем Владимирским чувствуешь себя в море легко и непринужденно. Он в любой обстановке исключительно тактичен, ни во что без надобности не вмешивается. За мелкие ошибки, которые и сам командир видит, отчитывать не станет.

До Тендры все шло хорошо. На море штиль. Машинная команда точно держит назначенные восемнадцать узлов. Экипаж спокойно пообедал на боевых постах…

А через несколько минут после того как открылся Тендровский маяк, сигнальщик доложил:

— Справа пятнадцать силуэт корабля и дым!

Скоро опознаем канонерскую лодку «Красная Армения» Одесской базы. Дым — не из трубы, канлодка горит. К тому же она полузатоплена.

Приближаясь, замечаем недалеко от горящего корабля держащихся на воде людей. «Фрунзе» стопорит ход, спускает шлюпки. Еще до этого мы связались по радио с буксиром, который недавно обогнали, и Л. А. Владимирский приказал ему идти сюда спасать людей.

Канлодку полчаса назад атаковали и подожгли фашистские бомбардировщики. Вскоре они появляются снова: то ли вернулись, чтобы потопить то, что осталось от канлодки, то ли издали заметили нас. Так или иначе, их целью становится теперь эсминец. Мы успели отойти от шлюпок и развить полный ход. Зенитные пушки и пулеметы открыли огонь, но главное наше оружие — маневр. Владимирский верен себе: и в бою не вмешивается в действия командира, дает маневрировать, как я считаю нужным, иногда что-нибудь советует.

Самолеты атакуют по-новому — сбрасывают бомбы из крутого пике. Когда они входят в него, бросается в глаза

характерный излом плоскостей у фюзеляжа, знакомый еще только по таблицам. Это одномоторные Ю-87, с которыми мы раньше не встречались.

Самолетов восемь штук. Не знаю, сколько времени удавалось резкими циркуляциями увертываться от бомб с того мгновения, как пикировал на корабль первый: может быть, полторы минуты, может быть, две. Затем одна бомба упала близко у кормы. Опять у кормы, как тогда на «Ташкенте»!.. Бомба поменьше, чем в тот раз — видно по всплеску, да зато упала ближе.

Сразу умолкли зенитки — они все там, на юте. Вышел из строя руль. По телефону с запасного командного пункта и голосом с палубы докладывают, что затапливаются кормовые отсеки. Аварийная партия действует, но выправить положение ей трудно. Корма заметно оседает.

Корабль, оставшийся без руля, начинает самопроизвольно циркулировать вправо. Удерживать его на курсе можно только машинами. Сигналы телеграфа выполняются безупречно — нижняя вахта стоит на своих постах.

А с воздуха с диким ревом, заглушающим все остальные звуки, опять бросаются на нас пикировщики. Новый заход…

Охватывает страшная злость: нечем по ним ударить! Стреляют только пулеметы, а этого слишком мало. Столбы воды от падающих близко бомб закрыли горизонт. Чтобы что-нибудь различить вокруг, лезу на тумбу дальномера. За всплесками мелькнул буксир — он уже тут. Вызывали для экипажа канлодки, а того и гляди понадобится нам самим…

Еще заход пикировщиков — получаем прямое попадание в полубак. Взрыв сотрясает весь корабль. Сорвало козырек ходового мостика, телефон и все приборы. Упал рулевой, остававшийся на своем посту, хотя руль уже не действовал. Убит капитан 1 ранга Иванов. Ранен старпом Носов. Минуту спустя выясняется: в числе убитых на полубаке комиссар эсминца Дмитрий Степанович Золкин. Он пошел туда, чтобы проследить за затоплением носового артпогреба.

Корабль кренится на правый борт, но не тонет. Крепкий корпус эсминца не сокрушило и прямое попадание авиабомбы. Живет, не сдается и сердце корабля его машины. Но телеграф вышел из строя. Управление машинами переводим на голосовую связь — от мостика до люков цепочкой встают краснофлотцы.

Лев Анатольевич Владимирский по-прежнему рядом со мной. Вместе принимаем решение идти к Тендровской косе. Если крен будет увеличиваться, там можно приткнуть корабль к отмели, чтобы не дать ему опрокинуться.

Места, где карта показывает глубины четыре — шесть метров,

совсем недалеко, но можем и не дотянуть — крен нарастает. И не прекращаются атаки самолетов. А маневрировать все труднее. Команды по цепочке идут слишком долго и порой искажаются — голоса заглушаются разрывами бомб. Контр-адмирал Владимирский решает спуститься на палубу, чтобы командовать прямо в машинные люки. «Цепочку» оставляем для связи между ним и мною. Лев Анатольевич просит почаще сообщать ему мои наблюдения — с мостика все-таки виднее общая обстановка.

Внезапно обнаруживаю, что я ранен. Должно быть, это произошло еще несколько минут назад. Тогда меня словно хлестнуло чем-то по реглану, а боль появилась только теперь. Захотелось вынуть засунутую в карман правую руку, а с ней что-то неладно, плохо слушается. Глянул на рукав — у плеча реглан изорван в клочья, сквозь китель сочится кровь. Почувствовалась боль и в боку.

На мостик взбежал лекпом: наверно, заметил снизу, что я себя ощупываю. Хочет сделать перевязку, но для этого надо раздеваться. А тут опять заходят самолеты. Отмахнулся от фельдшера — потом!

Эсминец снова встряхнуло. Еще одно прямое попадание. Куда угодило — сразу не поймешь. Мостик стал похож на изолированный от остального корабля островок: связи нет никакой и даже трап сорвало. Оставаться здесь дальше бессмысленно.

С большим трудом, перехватывая левой рукой за остатки поручней, спускаюсь на палубу. Первое, что ощутил, — палуба под ногами дрожит от работы машин. Значит, корабль движется. Кто-то из краснофлотцев подхватил меня под руку и ведет в пост энергетики. «Адмирал там», — поясняет матрос.

В посту энергетики застаю Владимирского, старшего инженер-механика Зызака и еще нескольких командиров подразделений. Корабль управляется теперь отсюда.

Владимирский уже распорядился, чтобы из кубриков вынесли все койки, расшнуровали и разбросали на палубе пробковые матрацы.

Проходит две-три минуты, и крен резко увеличивается. Корабль начинает медленно валиться на борт. «Пора!» — говорит Л. А. Владимирский. Я понимаю его и согласен. Командую в переговорные трубы:

— Всем наверх! На палубе брать спасательные пояса и матрацы!…

Кажется, вот-вот эсминец перевернется. Но вместо этого почувствовался вдруг не очень сильный толчок всем корпусом и заскрежетало под килем — корабль коснулся песчаного грунта.

До отмели мы его все-таки довели. Но как боевой корабль эсминец «Фрунзе» фактически уже не существовал.

Бомбардировщики, разрядившись наконец, скрылись, но вряд ли окончательно. К борту эсминца подходит буксир «ОП — 8». Он невредим — все пикировщики атаковали эсминец. На буксир переносят раненых, затем перебирается остальная команда. Подплывают те, кто успел броситься в воду. Мы с командующим эскадрой оставляем эсминец последними.

Чтобы перейти на буксир, надо сделать большой шаг, вроде прыжка. На это у меня не хватило вдруг сил, и я очутился в воде. Меня вытаскивают, и буксир отваливает от борта эсминца. Лев Анатольевич уже распоряжается на мостике.

Хочу подняться на мостик и я, но, сделав несколько шагов по палубе, чувствую, что трапа не одолею. Рядом появилась девушка с санитарной сумкой. Должно быть, она плавала на буксире коком, потому что привела меня на уютный маленький камбуз, где совсем по-домашнему топилась плита. Тут, у пышущей жаром плиты, она и сделала мне первую перевязку.

— Осколки вытащат потом, это я не сумею, — сказала морячка. — А теперь пойдем в кубрик. Там у меня уже лежат ваши. Уложу и тебя на койку.

Ее заботливость трогала. И было приятно, что она, не обращая внимания на ранги, так сердечно говорит раненому «ты». Но в кубрик я все же не пошел, остался на палубе.

О том, что произошло в этот злополучный день дальше, вряд ли стоит рассказывать так же подробно. Самолеты вернулись снова и атаковали буксир. Бомба попала в него при первом же заходе. «ОП — 8» стал тонуть.

Я крикнул в люк кубрика: «Всем наверх!» Девушка-кок помогала раненым краснофлотцам выбираться на палубу. Буксир сильно кренился, чуть не опрокинулся, но капитан сумел прижать его к краю отмели. Словом, повторилось примерно то, что было уже пережито на «Фрунзе». И гражданская команда буксира вела себя так же мужественно, как экипаж эсминца. Моряки до последней минуты оставались на своих постах.

Когда буксир уже сидел на грунте, я снова оказался около люка кубрика, где раньше находились раненые. Глянул — а там барахтается, выбиваясь из сил (кубрик затопило через пробоины), и никак не может дотянуться до комингса все та же девушка. Я опустился на палубу, хотя это было очень трудно, и протянул ей здоровую руку. Ухватившись за нее, девушка выбралась наверх.

Потом я не раз ругал себя за то, что не узнал даже имени отважной морячки, которая прямо геройски держалась под огнем врага. Очень бы хотелось услышать, что она пережила войну,

здорова и счастлива!

«Юнкерсы» еще несколько раз пронеслись над сидящим на мели буксиром, обстреливая его из пушек и пулеметов. На «ОП — 8» появились убитые и раненые. Уже тут, на борту буксира, пуля фашистского стервятника оборвала жизнь инженер-механика «Фрунзе» Зызака. В числе легко раненных был и Л. А. Владимирский. Вскоре примчался торпедный катер, на котором все раненые были доставлены на Тендру. Там, оказывается, действовал небольшой госпиталь Дунайской военной флотилии, ушедшей уже с Дуная. Здоровые моряки, не дожидаясь оказии, добирались до косы вплавь.

В этот госпиталь попал и я. Контр-адмирал Владимирский после перевязки отправился на том же катере в Одессу. Он зашел попрощаться, когда меня начали готовить к операции. Мои дела оказались хуже, чем я думал.

— Прежде всего будем зашивать желудок, задело и его, — объявил мне главный хирург госпиталя дунайцев Н. Загуменный. — Благодарите судьбу, что вовремя к нам попали. Часа через два было бы поздно…

Очнулся я только на следующий день. Доктор Загуменный сидел у моей койки.

— Ну, теперь все должно быть в порядке, — сказал он. — Залатал вас как будто надежно.

И тут же сообщил, что, по поступившим на Тендру сведениям, десант в Григорьевке высажен успешно, наши войска под Одессой атакуют противника.

Что могло быть радостнее этого известия! Ведь после того как пикировщики за какой-нибудь час разделались с канлодкой, эсминцем и буксиром, не выходила из ума судьба основного отряда — дошли ли корабли с десантом до места.

Меня перенесли в санитарный У-2, замаскированный в кустарнике около госпиталя. Попутчиком оказался раненый командир дивизиона дунайских мониторов капитан 2 ранга Н. Кринов. Самолетик разбежался и пошел на бреющем к Севастополю. Уже когда благополучно сели на Куликовом поле и нас стали выгружать, летчик поделился оставшимися позади тревогами: привязался было «мессершмитт», но счастливо удалось уйти, прячась в складках крымских долин…

Несколько дней я был в тяжелом состоянии и почти не замечал окружающего. А в севастопольский Морской госпиталь тем временем дошли подробности высадки Григорьевского десанта, и в палатах только о нем и говорили. Настроение у всех поднялось. Успех этой операции многим казался началом коренного изменения обстановки под Одессой.

Как-то, когда мне стало уже лучше, я увидел в палате Льва Анатольевича Владимирского. Он тоже в конце концов оказался в госпитале, но засиживаться здесь не собирался: рана быстро заживала.

А в день наших общих несчастий контр-адмирал успел все же попасть к месту главных событий в самый их разгар: он прибыл на борт «Красного Кавказа», когда десант начинал высаживаться. Общее руководство операцией уже принял на себя С. Г. Горшков. Все, что случилось с эсминцем «Фрунзе», не отразилось на выполнении намеченного плана. А быть может, этот корабль еще и помог основному отряду тем, что отвлек на себя группу фашистских пикировщиков…

Десант поддерживали огнем крейсера и эсминцы, одесские батареи и бронепоезда. Одновременно с высадкой у Григорьевки 3-го Морского полка перешли в наступление в восточном секторе войска Одесского оборонительного района. Они соединились с десантом, и уже к исходу дня 22 сентября была разгромлена неприятельская группировка в составе двух дивизий. Противник понес большие потери и, утратив важные позиции, уже не мог обстреливать Одессу артиллерией.

Я спросил Л. А. Владимирского, где сейчас экипаж «Фрунзе». Оказалось, что все уже в Севастополе: раненые — здесь, в госпитале, а здоровых распределяют по кораблям. Погибло много хороших моряков, но все-таки большинство команды осталось в строю. Потери сократило то, что удалось довести эсминец до отмели. Перевернись он на глубоком месте, — погибло бы гораздо больше…

Лев Анатольевич рассказал, что пикирующие бомбардировщики атаковали в тот день и другие эсминцы. Но, те корабли отделались легче, может быть, потому, что поддерживали огнем друг друга. Да и зенитное вооружение на новых эсминцах все же сильнее. Но еще два корабля — «Беспощадный» и «Безупречный» — получили повреждения. И эти эсминцы «лечат» теперь рабочие Морзавода.

Контр-адмирал с горечью говорил, что наши корабли тяжело расплачиваются за несовершенство своей противовоздушной обороны. Несколько стволов мелкокалиберных зениток да пулеметы — недостаточная защита от групповых атак современных бомбардировщиков. И истребителей нужно больше, чтобы прикрывать корабли с воздуха, особенно если они действуют у побережья.

Возвращение в строй

Меня стали навещать Сергеев, Орловский, Фрозе. Пришел лейтенант Макухин и рассказал, как он воевал под Григорьевкой. В качестве высадочных средств туда брали катера и барказы с кораблей, остававшихся в Севастополе. Взяли и наш барказ. Макухин пошел его командиром, краснофлотцы Романов и Черноусов рулевым и мотористом. После высадки десанта они своим ходом привели барказ в Севастополь.

Потом в госпиталь повалили целыми группами старшины и краснофлотцы. Чуть не каждый — с букетом цветов… Иногда они появлялись в такое время, когда вроде и не полагалось быть посетителям. Спросишь: «Как же вы сюда проникли?» А гости отшучиваются — морская, мол, смекалка матросу всегда поможет, и начинают рассказывать корабельные новости.

Однажды вслед за такими неурочными визитерами в палату вошел начальник хирургического отделения Николай Тимофеевич Натока. Человек веселый и добрый, он в этот раз явно старался выглядеть рассерженным.

— Жалуюсь на ваших подчиненных, товарищ капитан третьего ранга, официально начал Николай Тимофеевич с порога. — Вся эта компания, видите ли, опять перелезла через забор. Факт засвидетельствован вахтером и сестрой-хозяйкой…

Дальше Натока не выдержал строгого тона и рассмеялся. Сердиться всерьез он, наверное, не умел. Но мне, конечно, пришлось настоятельно попросить «ташкентцев» не нарушать больше госпитального порядка.

А что люди шли и когда можно, и когда нельзя, — радостно волновало и, думаю, было самым лучшим лекарством. Приходили ведь не только те, кого я знал еще по другим кораблям или с кем успел на «Ташкенте» познакомиться поближе. На лидере почти триста пятьдесят человек, не считая прикомандированных. И были, конечно, краснофлотцы, с которыми мне за полгода не привелось толком поговорить. Но навещали и такие.

Причем многие, как мне становилось известно, наводили у врачей обстоятельнейшие справки о моем здоровье. Уже после я узнал: когда мои дела пошли на поправку, матросы сопоставляли получаемые в госпитале сведения о примерных сроках моей выписки со сроками ремонта… Их беспокоило, не получится ли так, что вести «Ташкент» в новые боевые походы придется не мне, а кому-то другому.

Быть может, не совсем удобно самому о таких вещах рассказывать, но для меня все это много значило. Я думал о том,

как сближают, роднят людей пережитые вместе боевые испытания. Командовал кораблем не годы — всего лишь месяцы. Плавали и того меньше. А моряки, выходит, уже привыкли ко мне и тревожатся, не заменят ли меня другим командиром, если не успею «в срок» выздороветь. И мне очень хотелось «не подвести» их.

Вновь и вновь вспоминался наш боевой август. Он оставил глубокий след не только на стальном корпусе нашего корабля. То, что выпало на долю «ташкентцев» за этот первый месяц настоящего участия в войне, сделало всех нас дороже друг другу, чем могла бы сделать долгая совместная служба мирных лет.

Выздоравливая, я входил в курс корабельных дел. Ремонт лидера продвигался успешно. Даже Павел Петрович Сурин, обычно скептически относившийся ко всяким заводским срокам, стал поговаривать, что, если так пойдет дальше, двух месяцев может и не понадобиться.

Сокращать сроки помогал заводу сам экипаж. Оправдались слова Василия Ивановича Смирнова, сказанные на стенке дока перед моим уходом на «Фрунзе»: «Как коммунисты, так и все…» Навещая меня в госпитале, Смирнов много рассказывал о том, как «развернулись» на ремонтных работах корабельные комсомольцы во главе со своим вожаком старшиной 2-й статьи Михаилом Смородиным. Немало комсомольцев, отличившихся в боевых походах и на ремонте, стали за это время коммунистами.

Однажды в госпиталь приехал член Военного совета флота дивизионный комиссар Николай Михайлович Кулаков. Его приезды раненые очень любили. Энергичный, неутомимый, деятельный, он умел и пошутить, и заразительно, от души, посмеяться, и всегда вызывал своим приходом радостное оживление даже в тех палатах, где лежали люди с тяжелыми увечьями. Что-то веселое рассказывал Николай Михайлович и в этот раз — смех слышался и в коридоре.

В это время мы лежали в маленькой палате-боковушке вдвоем с командиром эсминца «Беспощадный» капитаном 3 ранга Г. П. Негодой, которого схватил не считающийся с войной аппендицит. Обойдя соседние палаты, Н. М. Кулаков зашел к нам. Присел у коек, спросил о самочувствии, а когда сопровождавший его врач тактично удалился, насупил вдруг свои густые черные брови и негромко сказал:

— Вот что, командиры. Кажется, Одессу придется оставлять. Ждем решения Ставки. Но к эвакуации войск и базы флот уже начал готовиться… Здесь это только для вас.

Мы не сразу нашлись что ответить. Разорвись внезапно под окном бомба, это, пожалуй, не было бы для нас неожиданнее.

Госпиталь, хоть и связанный множеством живых нитей с действующим флотом, все-таки был тем местом, куда весьма ограниченно доходили подробности положения дел на фронте. Здесь, как, может быть, уже ни в каком другом коллективе флотских людей, еще продолжали надеяться, что после Григорьевского десанта под Одессой вообще все пойдет на лад. Ведь так хотелось в это верить. И вдруг… «придется оставить». Это сперва не укладывалось в сознании. Если бы услышали не от Кулакова — ни за что бы не поверили.

Николай Михайлович понял наше состояние. Не дожидаясь вопросов, он вкратце рассказал, какая напряженная и опасная обстановка сложилась на непосредственных подступах к Крыму, оборона которого становится на юге главнейшей задачей. А оборонять одновременно и район Одессы, и Крымский полуостров — не хватает сил. Войска, защищающие Одессу, нужны здесь, в Крыму…

Все было логично. Но требовалось какое-то время, чтобы это осмыслить, пережить, принять умом и сердцем как неизбежное.

Член Военного совета доверительно поделился с нами и другими новостями, уже чисто флотскими.

— После эвакуации Одессы, — сказал Кулаков, — очевидно, перебазируем эскадру на Кавказ. Не потому, что не уверены в судьбе Крыма, а для того, чтобы лучше его защищать, опираясь на базы, надежно связанные с тылом и недосягаемые для фашистской авиации. Военный совет и штаб флота останутся в Севастополе… — Николай Михайлович немного помолчал и закончил: — В общем, выздоравливайте поскорее. Каждый командир и каждый корабль нужны в строю как никогда!

Брови его уже не хмурились. Кулаков опять выглядел бодрым и веселым, полным бьющей через край жизненной силы. Таким знал его весь флот, таким привыкли видеть его моряки и в хорошие дни, и в трудные.

К середине октября я стал «ходячим» раненым и начал бродить по коридорам госпиталя, заглядывать в другие палаты. Морской госпиталь непрерывно получал новые «пополнения» и все меньше походил на то спокойное тыловое лечебное заведение, каким был в начале войны. Раненых помещали куда только можно, нагрузка на персонал ложилась прямо неимоверная.

Почти в любое время суток можно было застать на работе сестру-хозяйку нашего отделения Анну Марковну Олещук. Дежурная сестра по фамилии Бурак, изумительно чуткая и заботливая, признавалась, что и сама уж забывает, когда ее настоящая смена: все равно в госпитале и день, и ночь. Этих двух самоотверженных тружениц я видел особенно часто и хорошо

запомнил. А через несколько месяцев обе женщины оказались пассажирками «Ташкента». Но до того им еще предстояло перебраться вместе со всем госпиталем в инкерманские штольни и пережить, оставаясь на своем посту, три фашистских штурма…

16 октября флот закончил эвакуацию защитников Одессы, организованную так безупречно, что противник обнаружил уход наших войск с позиций уже после того, как последний корабль покинул порт. Об оставлении Одессы было объявлено в сводке Совинформбюро. И люди, только теперь узнавшие то, о чем предупредил Николай Михайлович Кулаков нас с Негодой, переживали известие так же тяжело, как тогда мы. В Крыму очень верили, что Одессу все-таки не сдадим.

Несколькими днями раньше навестивший меня Иван Иванович Орловский рассказал, что «ташкентцы», защищавшие Одессу в рядах морской пехоты, уже вернулись в Севастополь и дали знать о себе на корабль. Они в казармах Учебного отряда на Корабельной, где формируются новые морские бригады.

Ремонт на «Ташкенте» шел к концу. Я сказал Ивану Ивановичу, что буду добиваться скорейшей выписки — пора на корабль. Однако врачи предписали мне провести еще десять дней в ялтинском филиале госпиталя — бывшем военном санатории. Так в октябре 1941 года я впервые увидел Ялту. Застал ее тихой, малолюдной и тревожной.

Вообще пора была самая неподходящая для отдыха. Тяжелая обстановка сложилась под Москвой. Крым оказался отрезанным, и все повторяли слово «Перекоп», а что там, на перешейке, никто в Ялте толком не знал.

Шел четвертый день из назначенных мне десяти, когда в санаторном садике передо мною неожиданно предстал Сергей Константинович Фрозе. Я сразу понял: что-то произошло. Не такое было время, чтобы приезжать сюда из Севастополя без крайней необходимости.

— Товарищ командир, я за вами! — объявил Фрозе с ходу и, оглянувшись, продолжал вполголоса: — Дела неважные. Кажется, немцы уже в Крыму… «Ташкент» вывели из дока. Стоим в Южной бухте у заводской стенки. Предполагается контрольный выход, но, наверно, уже некогда. Собирайтесь, товарищ командир! У меня машина командующего эскадрой…

Через несколько минут черная «эмка» Льва Анатольевича Владимирского уже вывозила нас на Севастопольское шоссе.

В Севастополе отправился прежде всего на линкор, еще стоявший на своем обычном месте. Командующий эскадрой встретил приветливо и сердечно.

— Извините, что вытребовал досрочно, — сказал Лев

Анатольевич. — Но обстановка — сами понимаете… Как рука? Как вообще себя чувствуете? Прямо говорите: управлять кораблем сможете, если, к примеру, завтра в поход?

— Смогу, товарищ адмирал!

Владимирский сообщил, что корабли эскадры решено рассредоточить по портам кавказского побережья.

— И всем нашим морякам должно быть ясно, — продолжал он, — это не эвакуация Севастополя. Мы все время будем сюда приходить. Но корабли надо беречь. Базироваться им целесообразнее там, где не падают бомбы.

«Ташкент» я застал в полном порядке. Места повреждений в корме трудно было даже отыскать. Исчез и гофр в районе полубака. Все стало, как прежде. Непривычно для меня выглядел лишь ют: к знакомым палубным сооружениям прибавилась невысокая, длинноствольная зенитная башня. Из-за нее на юте стало как-то теснее.

Но было заметно, что к этому «приемышу», появившемуся на корабле не по проекту и «сверх штата», экипаж питает самые теплые чувства. Их вызывала и необычная история «башни смеха», и общая уверенность в том, что она очень пригодится. А шутливое прозвище, данное четвертой башне, выражало отнюдь не иронию, скорее — ласку.

Обходя корабль, я нашел и во внутренних помещениях отменный порядок. А ведь заканчивали ремонт и наводили чистоту в тревожные дни, когда в нескольких десятках километров отсюда враг ломился в ворота Крыма, а корабельные зенитчики не отходили от своих пушек…

Сразу заметил я и какое-то особенное, трогательно-предупредительное отношение краснофлотцев ко мне. Оно и потом проявлялось во многих мелочах. Если что-нибудь делалось вблизи моей каюты, люди старались не стукнуть, не загреметь, хотя на кораблях вообще-то не очень принято об этом заботиться служба есть служба. Товарищеская, дружеская внимательность сослуживцев была бесконечно дорога.

Приняв доклады командиров боевых частей и своих помощников, выяснив все, что мне требовалось знать, я снова побывал на флагманском корабле, чтобы официально доложить о состоянии «Ташкента» и о своем вступлении в командование.

Попутно решил там один внезапно возникший вопрос, так сказать, личного порядка.

Еще когда Фрозе вез меня из Ялты, мне показалось, что никогда не унывавший Сергей Константинович чем-то расстроен. Но расспрашивать не стал, объяснив это переживаниями в связи с общей тревожной обстановкой. А несколько часов спустя Сурин

после доклада о делах электромеханической боевой части вдруг сказал:

— Василий Николаевич, что-то с Фрозе у нас неладно. Сам на себя не похож в последние дни. Поговорили бы с ним.

Наблюдательный все-таки человек Сурин. А еще говорят, будто ничего не видит, кроме своих машин…

Не успел вызвать Фрозе, как тот явился сам. Вижу — взволнован, но что-то мнется. Чтобы ускорить дело, спросил его прямо:

— Ну, что у вас стряслось? Выкладывайте.

— У меня, товарищ командир, весьма необычная просьба. Это касается близкого мне человека. Может быть, помните, вы видели со мной девушку в гостях у… — он назвал дом наших общих знакомых. — Это теперь моя невеста… И я подумал: может быть, вы разрешите взять ее на «Ташкент» до первого кавказского порта? Иначе ей трудно отсюда выбраться, пока нет справки о браке. А мне не до того было…

Просьба, действительно, необычная. Строгие флотские правила, оговаривавшие все случаи, когда на борту боевого корабля может оказаться постороннее лицо пассажир, такого случая не предусматривали. Семьи командного состава эскадры, отправленные на Кавказ еще до перебазирования кораблей, ушли туда на гражданском транспорте. А невеста — это даже не член семьи. Но, с другой стороны, как же с ней быть? Пассажирских рейсов нет, железная дорога перерезана…

— Я бы не против, Сергей Константинович, — сказал я как можно мягче. — Но ведь это не разрешается. Может быть, подвернется какая-нибудь оказия…

— Извините, товарищ командир. Я знал, что не следует поднимать этот вопрос.

Фрозе ушел. А мне стало казаться, что я отнесся к его просьбе слишком формально. Это не давало мне покоя, и, будучи снова на линкоре у контр-адмирала Владимирского, я доложил ему о беде помощника. Лев Анатольевич решил вопрос без долгих раздумий:

— Это действительно невеста старшего лейтенанта Фрозе? Ну так захватите ее на Кавказ. Что ж тут такого.

Вскоре мы стали запросто брать на борт пассажиров — эвакуируемых гражданских лиц, и в первую очередь женщин — сотнями, а затем и тысячами. Но в конце октября 1941 года, когда невеста помощника стала первой пассажиркой «Ташкента», это еще трудно было представить.

Вернувшись на «Ташкент», я объявил командному составу корабля:

— Итак, завтра идем с эскадрой на Кавказ. Будем считать это

плавание ходовыми испытаниями после ремонта. Все, что нельзя было проверить на стоянке, проверим в море. Как полагается, начнем с того, что определим скорость хода на мерной миле…

Затем собрались партийные и комсомольские активисты. Шел деловой, предельно конкретный разговор о завтрашней задаче, о том, на что требуется обратить особое внимание. Поход предстоял достаточно напряженный, тревожной была общая обстановка. И все же этот вечер остался в памяти как что-то светлое, праздничное. «Ташкент» был снова в строю. Вернулся в строй и я.

Глава 5. Кавказские базы

«Плавать можем нормально»

В мирное время Сурин добрался бы до высших флотских инстанций, но не допустил, чтобы после такого ремонта корабль отправился без предварительных испытаний в морской переход, составляющий сотни миль. Теперь старший инженер-механик «Ташкента», разумеется, и не пытался протестовать против отмены контрольного выхода. Однако вся программа проверки корпуса и механизмов на ходу выполняется еще строже.

Внешне это похоже на ту «особую вахту», которую Павел Петрович выставлял в аварийных отсеках и вокруг них, когда лидер возвращался из-под Одессы с затопленным пятым кубриком и полуоторванной кормой. Как и тогда, опытнейшие старшины и краснофлотцы настороженно прислушиваются к звуку работающих турбин, дежурят в коридорах гребных валов и в румпельном отделении, наблюдают за корпусом в тех местах, где он заново сварен и склепан.

А Павел Петрович, сосредоточенный и хмурый, с неизменной записной книжкой в руках, неутомимо обходит свои дополнительные посты. Специальными наблюдениями и замерами заняты его помощники — командиры групп. Раны корабля залечены. Но машины впервые после этого вращают гребные винты, и инженер-механик еще не уверен, что не выявятся какие-нибудь дефекты, быть может, очень серьезные.

Отстав от эскадры, мы ранним утром определили скорость хода на мерной миле между Херсонесом и Балаклавой. Затем «Ташкент» прошел малым, средним, полным ходом значительные отрезки маршрута. И вот уже догоняем ушедшие вперед корабли самым полным. Павел Петрович тревоги не бьет, снижать ход не требует. Значит, пока все в порядке.

На борту лидера — несколько рабочих, занимающихся противоминным защитным устройством. Во время ремонта оно было перемонтировано, но что-то снова капризничает. Впрочем, чем дальше от берегов Крыма, тем меньше беспокоит это и старпома, и штурмана. Немцы сюда уже не залетают, и магнитных мин можно не опасаться.

А рабочие, доискиваясь причин неполадок, весь день проверяют различные участки обмотки. Замечая на палубе этих гражданских людей, вспоминаю про нашу пассажирку. Она

наверху не показывается, наверное, Фрозе велел ей сидеть в каюте и не мозолить глаза морякам, занятым службой.

Сам помощник в приподнятом настроении, полон энергии. Когда снимались со швартовов по боевой тревоге и Фрозе помчался в корму на свой ЗКП, я услышал, как он весело похвастался кому-то на бегу:

— Опять я второй командир корабля! Соскучился уж — с августа им не был!

Называть себя в шутку вторым командиром Фрозе любил и раньше. Шутка шуткой, но случись что со мной и Орловским, окажись выведенным из строя главный командный пункт — и помощнику пришлось бы управлять лидером с запасного. На тренировках мы проигрывали такой вариант не раз. А под Одессой фактически пришлось переносить на кормовой мостик управление рулем.

Мы уже почти догнали эскадру, когда на мостик неторопливо поднялся Павел Петрович Сурин. Вид у него строгий и торжественный. Приблизившись ко мне, командир БЧ-V вытягивается, прикладывает к фуражке руку и рапортует:

— Товарищ командир корабля! После произведенного ремонта отклонений от норм в материальной части нет. Корабль может плавать нормально.

Слова сухие, официальные, но надо знать Сурина, чтобы оценить значение такого вот, без всяких оговорок, доклада.

Я крепко жму Павлу Петровичу руку. Механик стоит передо мною высокий и худой, с осунувшимся от бессонных ночей лицом. Но глаза веселые: сейчас у него словно гора свалилась с плеч. Столько тревог и сомнений осталось позади! О многих из них мне, наверное, даже неизвестно — мало ли ремонтных проблем возникало и решалось, пока я плавал на «Фрунзе» и лежал в госпитале.

Передаем на флагман семафор о результатах ходовых испытаний. «Ташкент» занимает свое место в походном ордере эскадры.

Вдоль кавказского берега корабли идут военным фарватером, за пределами которого на карте обозначено: «минные поля». Присутствие их у побережья совершенно естественно: это защита от неприятельских подводных лодок, которые всегда могут появиться, да и появлялись уже у наших кавказских портов.

Еремеев, как и положено по его штурманской должности, весьма внимателен к любым предупреждениям о минной опасности. Он всегда неусыпно следит, чтобы при маневрировании на фарватерах «Ташкент» не очутился слишком близко к их краю.

А тут вдруг оказалось, что противолодочный зигзаг, который следовало описать лидеру, находясь в ордере мористее линкора, увел бы нас за пределы фарватерной полосы. Еремеев всполошился. Приказав вахтенному командиру застопорить ход, я сам посмотрел в штурманской рубке карту. Действительно, чуть не вылезли на минное поле…

Пока разбирались, в рубку вбежал Балмасов.

— Товарищ командир, семафор с линкора!

Читаю на бланке: «Фактически мин здесь нет». Вот тебе на! В сердцах подумалось: «А может, мы и у Тендры зря осторожничали на этих военных фарватерах? Неужели нельзя доверить командирам кораблей эту тайну — где есть наши мины на самом деле, а где их нет?» Скажу тут же, что через некоторое время нас снабдили точными картами минных полей.

В хмурых сумерках пасмурного осеннего дня обозначилась слева по курсу характерная башня потийского элеватора. Гавань в Поти сравнительно небольшая, и ввод в нее крупных кораблей довольно сложен. Особой осторожности требует проводка их вдоль каменной гряды, насыпанной в качестве продолжения портового брекватера-волнолома. Линкор, насколько мне известно, раньше сюда вообще никогда не заходил.

И сейчас он отдает якорь сперва на внешнем рейде. Остальные корабли, кроме новых крейсеров, проследовавших в Батуми, становятся на якоря вокруг флагмана. Два или три миноносца остаются в море на ходу как ночной дозор.

Утром корабли один за другим вводятся в гавань. Буксиры подтягивают к стенке стальную громаду линкора. Видеть его у причала непривычно: в Севастополе «Парижская коммуна» всегда стояла у бочки в Северной бухте.

Входит в гавань и «Ташкент». Старпом с механиком сразу отправляются выяснять, где и как принимают тут корабли топливо и воду, где выдается хлеб и остальное продовольствие. Это лишь самые первые надобности, а есть и множество других. База должна обеспечивать корабль и боеприпасами, и шхиперским имуществом, и запасными частями, и текущим ремонтом, да мало ли еще чем.

В Севастополе береговые службы работали так, что их словно и не замечаешь — все налажено, все удобно. Там опыт обеспечения кораблей накапливался веками. И во всем размах — главная база! Как-то будет здесь?

Нам известно, что набрать воды в Поти просто, и вода хороша, годится для котлов. Хуже с мазутом: невелика пропускная способность топливного склада. Говорят, есть еще наливная баржа. На заправку топливом очередь, которую

регулирует штаб базы. Старпом и механик настояли, чтобы я сам туда наведался и обеспечил интересы «Ташкента».

Походив по базовым учреждениям, я убедился, что кое-что, действительно, требуется «пробивать»: на маленькую базу навалились большие заботы, и справиться со всем ей нелегко. Но флотский тыл ставит тут дело на широкую ногу, и скоро, очевидно, будет легче.

«Ташкент» почти сразу перебазировали из Поти в Батуми. Это самая южная из кавказских баз, самая удаленная от фронта, от Севастополя. Однако для нашего быстроходного корабля разница в расстояниях не будет особенно ощутимой.

Старпом и механик снова изучают «местные условия». С заправкой мазутом здесь хорошо: Батуми — порт, через который издавна экспортировалась нефть. На каждой причальной стенке оборудовано несколько точек для перекачки на суда жидких грузов, так что даже не надо подходить ни к какому топливному складу. Но Ивану Ивановичу Орловскому очень не нравится близкое соседство с этими «бензоколонками».

— Тут того и гляди все вспыхнет, — сетует беспокойный старпом. — Придется держать противопожарные средства в особой готовности.

Батумские моряки успели рассказать нашим товарищам про некоторые особенности стоянки у здешних причалов. Бухта вообще-то закрытая, но волна с моря часто идет так, что бьет корабли о стенку. Случается, не выдерживают швартовы;

— Сами увидите, что будет зимой, — говорили старожилы. — И двойные концы заводить придется, и вахту у них выставлять…

Что ж, двойные концы так двойные. И конечно, «сами увидим», раз это будет на ближайшее время наша база. И уж как-нибудь освоимся, тем более, что бывали тут и раньше много раз, хотя и не стояли подолгу. А что это не Севастополь с его изумительными, единственными на Черном море бухтами, так глубоко врезающимися в сушу и просто идеальными для стоянки флота, — знаем сами.

В Батумской гавани встречаем 24-ю годовщину Октября. Провели торжественное собрание. После него впервые за время войны — устроили концерт краснофлотской художественной самодеятельности.

Корабль выглядит празднично нарядным. За несколько тихих дней всюду наведена безукоризненная чистота, особенно радующая главного боцмана Сергея Филипповича Тараненко. Наш усач успел «малость освежить» борта и надстройки. Они подкрашены, где требовалось, все той же краской особого колера — с голубоватым оттенком, отличавшим «Ташкент» с самого

начала. Голубой красавец выглядит и сейчас самым щеголеватым среди заполнивших бухту кораблей.

Над Батуми ярко сияет солнце. На приморских улицах и бульваре густая, словно летом, зелень деревьев. И так тихо, спокойно вокруг, будто и нет войны.

А в столице рано утром был парад на заснеженной Красной площади, и, наверное, прямо с парада войска пошли на подмосковные поля, где уже недели три или больше идут упорные бои. Трудно все-таки это представить: фашисты под Москвой…

В Крыму фронт под самым Севастополем, который с 30 октября объявлен на осадном положении. В Симферополе, Керчи, Ялте — немцы. Севастопольские береговые батареи, предназначенные не подпускать к главной базе флота вражеские корабли, повернули свои башни к суше и бьют по фашистским танкам. Бьют по ним и корабли — часть эскадры уже ушла из своих новых баз в боевой поход — в Севастополь.

Ждет приказа и «Ташкент». Знаем, что в Батуми не застоимся.

«Через перевал»

Приказ приходит несколько неожиданный: к 17 часам прибыть в Поти и встать там под загрузку боеприпасами для Севастополя. В качестве транспортировщика каких-либо грузов «Ташкент», не предназначенный для этого, используется впервые. И это может означать одно: Севастополю, отбивающему фашистский штурм, боеприпасы необходимы очень срочно.

Пока готовят машины, собираем с комиссаром актив артиллерийской и минно-торпедной боевых частей — командиров башен, старшин, краснофлотцев-коммунистов, комсомольских вожаков подразделений. Им в первую очередь надо объяснить специфические особенности поставленной кораблю задачи.

— Если командование, — говорю я собравшимся, — признало необходимым поручить самому быстроходному боевому кораблю флота доставку в Севастополь боеприпасов, то уже понятно, как нужны там снаряды. И ясно, что мы примем их на борт как можно больше. Столько, сколько сумеем разместить. Значит, боеприпасы будут не только в артпогребах, но и в кубриках. Будут, вероятно, и на верхней палубе. В погребах режим известный — там несется артиллерийский дозор, несколько раз в сутки проверяются температура и влажность воздуха, туда никто не посмеет войти со спичками в кармане. Превратить кубрики в артиллерийские погреба в полном смысле слова мы не можем, но меры предосторожности должны соблюдать так же строго. В каждом кубрике поставим вахту у клапанов затопления. А вы, моряки второй и третьей боевых частей, знающие, как обращаться с боеприпасами, будете артиллерийским дозором всего корабля. Кто за что отвечает — объявим. А пока разъясните своим товарищам, какая нужна осторожность, чтобы с кораблем ничего не случилось…

В БЧ-II и БЧ-III много коммунистов, восемь человек командного состава, до двадцати пяти старшин, в том числе такие авторитетные в экипаже, как старшина башни мичман Николай Феоктистович Семененко, главные старшины Григорий Сулименко и Виктор Рудман. Здесь и свой «комиссар» — младший политрук Григорий Беркаль. Все они становятся сегодня агитаторами: все объясняют сослуживцам, как потребуется себя вести, когда корабль примет опасный груз. На эту же тему выступил перед микрофоном корабельной трансляции узла Николай Спиридонович Новик.

Погода, кажется, решила усложнить для нас выполнение

боевой задачи. Пока идем в Поти, ветер все усиливается, поднимая волну. Похоже, разыгрывается шторм. В ноябре это на Черном море не редкость.

Наступила пора, когда наше море часто выглядит совсем не по-южному. В холодные ветреные дни трудно придется зенитчикам — в отличие от моряков, несущих службу на других наружных постах, они находятся у своих автоматов практически бессменно. Правда, пока мы далеко от фронтовой зоны, еще не требуется всем быть на площадке. Но почти все уже там. Наверное, хотят опробовать в непогоду свое укрытие, только недавно сооруженное и прозванное на корабле дачей зенитчиков.

Главные конструкторы укрытия — два Сергея: старшие краснофлотцы зенитной батареи Самсонов и Шишков. По их предложению, между батарейной площадкой и корабельной трубой укреплены деревянные балки, по которым настлана дощатая «палуба», а сверху и по бокам «дача» затянута брезентом. Все сооружение, не исключая и брезентового шатра, тщательно покрашено в один тон с бортами и надстройками, дабы оно не портило внешнего вида корабля. Но главное — люди могут отдохнуть и немного согреться, оставаясь вблизи своих пушек.

В Севастополе корабельный боезапас принимали, бывало, в укромном уголке Северной бухты — у Сухарной балки. А если на рейде, то со специальной баржи. Красный сигнальный флажок «наш», поднятый на фалах, предупреждал всех вокруг, что на корабле идет работа, сопряженная с определенной опасностью.

В Поти эшелон с боеприпасами — сперва несколько вагонов, затем еще подали прямо на железнодорожную ветку, выведенную к причалам. У вагонов охрана. А грузить нашему же экипажу. Орловский и Фрозе расставляют командный состав по вагонам, кубрикам и загружаемым участкам верхней палубы, быстро налаживают всю работу.

Самый важный груз — «эрэсы», реактивные снаряды, которые вслед за специальными наземными подразделениями приняла на вооружение наша авиация. В госпитале один раненый летчик рассказывал мне, что можно сделать парой «эрэсов», если внизу — колонна танков или автомашин…

«Эрэсы» в тяжелых ящиках. Двое краснофлотцев кладут ящик на спину третьему и идут рядом, поддерживая и страхуя. «Эрэсами» загружаем прежде всего первый кубрик. В остальные идут артиллерийские заряды. Для ящиков со снарядами выделены такие участки верхней палубы, где груз легче укрыть и закрепить: надо учитывать штормовую погоду. Крепление ящиков талрепами — забота боцмана Тараненко и его команды. Растущие штабеля ящиков особенно тревожат Сурина. Павел Петрович

ведет строгий учет распределяемых по кораблю тяжестей, тут же прикидывая, как скажется нагрузка на остойчивости «Ташкента».

Загружать верхнюю палубу не хотелось бы по многим соображениям. Но как иначе разместить содержимое поданных на причал тридцати вагонов? Из пяти наших кубриков три с половиной забиваем ящиками до отказа, сохраняя лишь проходы к клапанам затопления на случай какой-нибудь беды. Полтора кубрика оставлены для поочередного отдыха команды.

За погрузкой наблюдают представители штаба базы. Уж не знаю, стали бы они возражать или нет, если бы я заявил, что не считаю возможным полностью принять на борт всю эту партию. Но ведь это боеприпасы для Севастополя… А там трудно, фашисты нажимают… Нет уж, постараемся взять все!

Во втором часу ночи на лидер пришел командир Потийской военно-морской базы генерал-майор береговой службы М. Ф. Куманин. Он поинтересовался, как мы пристроили «эрэсы». Потом обошел весь корабль, на который уже переместился груз железнодорожного состава.

— Очень перегрузились, командир?

— Тридцать вагонов, — доложил я.

— Может быть, это все-таки слишком много?

— Довезем, товарищ генерал.

— Кораблю что-нибудь нужно? Дадим все, чем богаты.

— Спасибо, товарищ генерал. На поход обеспечены всем.

— Ну, тогда счастливого плавания!

Снимаемся этой же ночью. Сила шторма оценивается уже в восемь-девять баллов. Ветер юго-западный, с моря. Волны перекатываются через брекватер и насыпную каменную гряду. Сейчас самое сложное — пройти узким фарватером вдоль брекватера и гряды. Это почти полмили. Тут всегда держат только малый ход. Но, посмотрев, что творится вокруг, понимаю: на этот раз малый немыслим. Особенно для «Ташкента» с его высокими надстройками, которые сейчас подставятся ветру как паруса.

— Не снесло бы к берегу! — опасается старпом.

— Не снесет, Иван Иванович. Прикажите полный вперед!

Набирая скорость, «Ташкент» поворачивает из гавани на выходной фарватер. Сурин звонит на мостик из энергопоста: «Что случилось? Почему дали полный?»

Машины прогреты и, значит, готовы к любой нагрузке. Однако вопрос естественный: из порта выходят полным лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Две минуты назад я и сам еще не знал, что потребуется к нему прибегнуть.

— Передайте механику, что полный дан из-за шторма, — говорю стоящему у телефона старшине.

Узкость остается позади. За брекватером и насыпью мы еще не чувствовали настоящей силы шторма. Не успел лидер повернуть влево, как на полубак обрушивается громадная волна, словно подкарауливавшая нас за каменной грядой. Весь корабль вздрогнул. На полубаке что-то хрустнуло.

Сбавляем ход — теперь уже можно. По переговорной трубе докладывают:

— В первый кубрик поступает вода!

Туда посылается носовая аварийная партия. С полубака что-то кричит из темноты мичман Тараненко. Он расписан там по съемке с якоря и швартовов, а команды «От мест отойти» еще не было. Что кричит — не разобрать. Машу ему, чтобы подошел поближе.

— Ни-че-го страш-но-го! — доносится на мостик хриплый боцманский бас. Сей-час за-де-ла-ем!..

Держась за штормовой леер, боцман бежит обратно.

Через несколько минут аварийная партия обстоятельно докладывает: в районе первого кубрика продавили палубу опорные стойки корабельного волнолома стального козырька, который прикрывает ведущий в кубрик люк.

Но вода попадает в кубрик, лишь когда полубак зарывается в волну. Ширина щелей десять — пятнадцать миллиметров. Временная заделка их уже заканчивается.

В общем, боцман прав: действительно, ничего страшного. И причина понятна в кубриках снаряды, и тяжелый нос корабля не поднялся на волну, а принял всю ее на себя. Давление на стойки оказалось чрезмерным. Но для данных условий выход из порта можно считать благополучным. А щели потом заварим.

Старпом приказывает боцману проверить, все ли на борту люди из тех, кто был с ним на полубаке.

— Не беспокойтесь, товарищ старший лейтенант, все целы, — тут же докладывает Тараненко. — Я им шумнул, как волна еще шла: «Живо на правый борт за башню, пока не смыло!»

Наш усач сумел разглядеть в темноте эту волну еще до того, как она ринулась из-за каменной гряды на корабль.

А «Ташкент» еще раз показал свои мореходные качества. Даже перегруженный, как легко он все-таки сбросил с себя навалившуюся водяную гору! Когда легли на курс против волны, шторм стал ему и вовсе не страшен.

Идем, как говорят черноморцы, «через перевал» — не вдоль берегов, а по кратчайшему маршруту, пересекающему центральную часть моря. И где-то посередине пути стихия заметно начинает утихомириваться, словно здесь встала какая-то невидимая преграда, перекинуться за которую у шторма не

хватает сил.

Чем ближе к Крыму, тем спокойнее море. А в воздухе появляется вражеский разведчик. На этот раз — «Гамбург», крупный гидросамолет, «летающая лодка» с большим радиусом действия. Разведчик ведет себя осмотрительно: описывает круги на малой высоте, но на почтительном от нас расстоянии.

Сыграли боевую…

— Разрешите пугнуть его шрапнелью! — просит старший лейтенант Новик.

В последнее время наши артиллеристы, да и не только артиллеристы много спорили о том, можно ли эффективно использовать против неприятельской авиации орудия главного калибра. Раньше этот вопрос как-то не возникал. Предусматривались стрельбы главным калибром по любым морским целям, по подводным лодкам, по берегу, а по самолетам — нет.

— А почему не попробовать? — спрашивали лейтенанты командиры башен. Может быть, получится…

— Что ж, и я за то, чтобы попробовать, — соглашался Новик. — По низколетящим целям должно получиться…

Командиры эсминцев В. Тихомиров-Шегула и Г. Годлевский рассказывали мне, что о том же спорят и у них. Сама жизнь подсказывала: у кораблей есть еще неиспользованные возможности для отражения воздушных атак. И когда перед этим походом командир БЧ-II попросил разрешения держать в башнях наготове шрапнель, я дал «добро».

— Так пугнем его, товарищ командир? — повторяет Николай Спиридонович.

— Ладно, пугните первой башней. Посмотрим, что получится.

Довольный Новик исчезает за стальной дверцей КДП. Первая башня разворачивается на правый борт и открывает огонь. Перед «Гамбургом» возникают черные лохматые клубки шрапнельных разрывов.

Четыре залпа — и разведчик уходит прочь. Сбить не сбили, но действительно отпугнули фашиста. Небось такое не только для нас, а и для него внове!

Невольно задумываюсь, не было ли и раньше таких случаев, когда следовало ввести в действие против самолетов главный калибр. На «Ташкенте», пожалуй, не было — нас атаковали с больших высот… А вообще, очевидно, нужно смелее пробовать новое. Если война — школа, то такая, в которой требуется учиться очень активно.

Без помех со стороны противника подходим к Севастополю. Вся верхняя вахта пристально всматривается в открывающиеся

перед нами бухты и город над ними.

Мы ушли отсюда не так давно, но Севастополь тогда еще не был в осаде. Его всегда называли морской крепостью. Теперь это крепость, обложенная врагом с суши. Тут Севастопольский оборонительный район, сокращенно СОР. Во главе СОРа командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский. Ему подчинена и защищающая город Приморская армия.

Севастополь много пережил за последние дни и недели. Он и сейчас отражает продолжающийся вражеский натиск. Но в час нашего прихода в городе тихо. Странно, пустынно выглядит без кораблей просторная Северная бухта. С крейсерских бочек, мимо которых идет «Ташкент», с жалобным писком взлетают стайки чаек.

Лидеру приказано швартоваться у Угольной пристани в глубине Северной бухты. Место стоянки совсем новое. По-новому и встречают.

Не успели мы закрепить швартовы, как на борт шагнул со стенки краснофлотец с телефоном. Краснофлотец подтянутый, бравый. Четко докладывает:

— Товарищ командир! Прибыл для установки аппарата прямой связи с КП флагарта…

Флагарт флота — капитан 1 ранга Август Андреевич Руль, черноморский ветеран. Для меня его имя давно стало чем-то неотделимым от Севастополя. Он и теперь тут — координирует огонь всех находящихся в главной базе кораблей.

Вслед за связистом прибыл представитель штаба ПВО. Он сообщает, что с этой минуты «Ташкент» включается в систему противовоздушной обороны базы. Новику передана схема, где обозначен наш сектор. При появлении в нем вражеских самолетов — открывать огонь без особого приказания. Артиллеристам сообщаются также условные сигналы о прекращении огня при вылете наших истребителей.

Еще при приближении к Севастополю старпом заранее беспокоился о том, как бы побыстрее сдать наш груз. Стоять тут с ним «Ташкенту» действительно было бы опасно. Но просить кого-либо об ускорении разгрузки не пришлось — к Угольной уже подходят машины.

Как и накануне в Поти, на стенку поданы в нескольких местах добавочные сходни. И по ним, теперь в обратном направлении — с корабля на берег, поплыли на матросских спинах тяжелые ящики. Прежде всего — «эрэсы». У грузовиков их подхватывают на руки красноармейцы. Машина за машиной уходят с боевым грузом.

— На склад? — спросил краснофлотец одного из солдат-водителей.

— Какой там склад! — отвечает тот. — Пойдут сразу в дело. У нас тут жарко!..

Через 25 минут после прихода «Ташкента» в Севастополь требовательно зазвонил телефон прямой связи, поставленный в штурманской рубке.

— Товарищ командир, нам дают целеуказание! — доложил возбужденный Новик.

В рубку кинулся вышедший было на крыло мостика штурман — сейчас срочная работа и ему.

А на КП флагарта, видно, на счету каждый ствол. И знают, что «Ташкент» разгружается, стоя к Угольной правым бортом. Цель дали такую, чтобы башни разворачивать на левый.

Разгрузка продолжается. Очередь дошла уже до ящиков со снарядами. Их перетаскивают к машинам, а другие снаряды — из корабельных артпогребов — в это время летят в грохоте орудийных залпов за севастопольские холмы.

Стреляем осколочно-фугасными по вражеской боевой технике, по скоплениям живой силы. В паузу между залпами комиссар объявляет по трансляции:

— Перенесли огонь на Симферопольское шоссе. Бьем по автоколонне… Смерть фашистским оккупантам!

Так мы включились в Севастопольскую оборону. Можно сказать, с ходу. Это было 21 ноября, в знаменательный для севастопольцев день, когда окончательно захлебнулся вражеский штурм, длившийся с небольшими перерывами с начала месяца. Пусть скромным, но все же вкладом в боевой успех защитников города явились и полтораста снарядов, выпущенных башнями «Ташкента» по указанным нам целям.

В этот приход в Севастополь нас поразило и восхитило в осажденном городе то, что стало потом привычным, — величайшая организованность во всем, что делалось для отпора врагу. Это было похоже на безупречно поставленную службу на образцовом боевом корабле. Только в иных, неизмеримо больших, масштабах. И за Севастополь становилось как-то спокойнее.

За стрельбу по береговым целям экипаж получил благодарность. Ночью и следующим утром мы несколько раз открывали огонь по самолетам. А затем новая задача — принять на борт раненых и следовать в Батуми.

Только что кубрики «Ташкента» были складами боеприпасов. Теперь им предстоит стать палатами временного плавучего госпиталя.

Сообщили, что раненых будет до четырехсот человек. Значит,

надо готовить все пять кубриков, да еще оборудовать в них несколько десятков дополнительных мест, потому что стационарных коек не хватит. Через час-полтора раненые начнут поступать. А устроить их хочется получше.

Как повелось перед всякой новой задачей, собираем накоротке, буквально на несколько минут тех, кому важно объяснить ее в первую очередь. Сейчас это прежде всего наши медики во главе с военврачом 3 ранга Кудряшовым и хозяйственники с их начальником — интендантом 3 ранга Голубом. Вызваны также старшины команд, старшины кубриков. И конечно, присутствуют партийные и комсомольские активисты.

Четверть часа спустя в подготовку корабля к приему раненых включен уже весь экипаж, кроме вахты и тех, кто стоит наготове у оружия. Первым делом каждый краснофлотец готовит свою койку. Застилаются свежие простыни, меняются наволочки. За кубриками закреплены группы боевых санитаров — они будут ухаживать за ранеными на переходе. Выделены носильщики, которые встретят санитарные машины на стенке. Сделали как будто все, что смогли предусмотреть.

Машины подошли, и посадка началась. Снова понадобились добавочные сходни: в нос — один поток, в кормовые кубрики — другой. На стенке летучий сортировочный пункт, где корабельные медики решают вместе со своими коллегами из госпиталя, кого куда разместить.

Раненых привезли из убежища в штольнях. Многие — после операций. Но немало и таких, которые могут подняться на борт сами. Это большей частью уже инвалиды. Бойцов, способных быстро вернуться в строй, на Большую землю не отправляют.

Теперь уже и здесь в Севастополе говорят так про Кавказ и все, что за ним, — «Большая земля». А когда я впервые услышал эти слова в Одессе, помню, подумалось, что еще недавно их употребляли, пожалуй, одни полярники на зимовках. На войне слова приобрели новый смысл, стали значить больше, чем прежде.

Поднимаются на борт пехотинцы, летчики, моряки. В каждого, кто во флотской форме, впиваются десятки глаз: не «ташкентец» ли? Наших не видно. Но у многих моряков при приближении к кораблю светлеют лица, появляются улыбки.

А некоторые армейцы поглядывают на «Ташкент» с опаской. Слышали, наверное, что не все суда доходят до Большой земли.

Краснофлотцы-провожатые ободряют загрустивших: «Не кручинься, друг. Радуйся, что попал на самый быстроходный корабль!» Скорость хода «Ташкента» основной «успокоительный» аргумент. И в самом деле, нам ведь нужно на переход до Батуми

всего 14 часов. Если ничто не помешает, к утру будем на месте.

Душевная внимательность к раненым — всеобщая. Пулеметчик Владимир Богданов, записной балагур и весельчак, подхватил под руку печального красноармейца с забинтованной головой и говорит ему на ходу:

— Сейчас я тебя на свою коечку устрою. С неё никакого моря и не увидишь иллюминатор броняшкой прикрыт…

«На свою коечку» приглашают и ведут многие. А чем еще может матрос лучше выразить внимание к незнакомому человеку, оказавшемуся на борту?

Есть среди раненых и гражданские люди, есть женщины. Это еще раз напоминает, что за дни штурма стал фронтом сам город. И при записи общего числа пассажиров в вахтенный журнал мы не делим их на военных и штатских. Все — севастопольцы.

После посадки медики и Фрозе быстро производят небольшие перемещения. Нескольких раненых переносят в корабельный лазарет, где до последнего момента сохранялись резервные койки. Женщин размещаем по возможности в каютах. Врачи, из госпиталя прощаются и сходят на стенку.

— Как будто все утряслось, — говорит Иван Иванович Орловский, подымаясь на мостик. — Будем сниматься?

Минуту спустя по кораблю гремят звонки аврала.

Входя утром в гавань Батуми, замечаем еще издали шеренгу санитарных автомашин, выстроившихся у причала. Возле них суетится, размахивая руками, высокий человек в черной шинели. Узнаю военврача 2 ранга Парцхаладзе, которого в базе называют старшим морским медицинским начальником. Флотский медик, беззаветно преданный своему делу, он возглавляет теперь обширное госпитальное хозяйство, куда отошла и гостиница «Интурист» на Приморском бульваре, и, как видно, неплохо подготовился к приему первой партии раненых севастопольцев.

Сквозь штормы и огонь

Следующий поход — в совершенно новом направлении: прямо на запад, вдоль южного Анатолийского, побережья Черного моря. Задача — отконвоировать до Босфора три танкера («Туапсе», «Сахалин», «Аванесов») и ледокол «Микоян», построенный незадолго до войны в Николаеве.

Крупные танкеры, ходившие в мирное время с грузом нефти за границу, сейчас на Черном море не нужны. Эти суда, как и ледокол, пригодятся нашей Родине на других морях, да и будут там целее. По решению правительства они отправляются на Дальний Восток.

Ответственность за проводку танкеров и ледокола до Босфора возложена на командующего эскадрой Л. А. Владимирского. На «Ташкенте» поднят его флаг. Вместе со Львом Анатольевичем к нам на борт прибыл военком эскадры бригадный комиссар В. И. Семин. Для конвоирования выделены также эсминцы «Сообразительный» и «Способный».

Выходим из Батуми в ночь на 26 ноября. Небо затянуто тучами. Моросит дождь, временами с примесью мокрого снега. Все это нас вполне устраивает: меньше шансов быть обнаруженными противником.

Однако погода продолжает ухудшаться, так сказать, сверх меры. Усиливается ветер. Все крупнее волна. Барометр падает…

К утру шторм разыгрался не на шутку. Рулевой Андрей Мирошниченко, замерив анемометром скорость ветра, докладывает: «Двадцать пять метров в секунду!» По трансляции передано приказание: «На верхнюю палубу не выходить. Движение по кораблю только штормовым коридором».

От ударов волн вздрагивает весь корпус. То и дело волны прокатываются над задраенными люками и горловинами. В такую погоду по-настоящему оценишь прекрасно устроенную рубку «Ташкента». Защищая от ветра, она обеспечивает в то же время хороший обзор. Вращающиеся иллюминаторы сами сбрасывают со своих стекол водяные брызги. Надежно закрепленное кожаное кресло с высокой спинкой такое же, как в кают-компании, — сберегает силы, когда находишься здесь сутками.

Командующий и военком эскадры тоже в рубке. Комиссар корабля ушел вниз, в машинные и котельные отделения, где сейчас особенно трудная вахта.

Десятибалльный шторм треплет нас весь день. Сурин докладывает из энергопоста, что стрелка кренометра доходит от отметки 47 градусов. Предельный для «Ташкента» крен — 52

градуса. Стараюсь маневрировать так, чтобы до критического не дошло. Но очень уж трудно нашему быстроходу приспосабливаться к десятиузловой скорости, которую держит отряд. А больше не могут дать танкеры и особенно ледокол, он и так все время отстает.

На эсминцах еще тяжелее, чем на лидере. Они более валкие, да и штормовых коридоров не имеют. Порой «Способный» и «Сообразительный» совсем скрываются из виду за завесой дождя или густыми снежными зарядами, словно перенесшимися на Черное море из Заполярья. Тогда Л. А. Владимирский особенно тревожится за эсминцы. Но на запросы командиры отвечают, что пока все в порядке. Только крен доходит временами до 50 градусов…

Ночью волна если и стихает, то не намного. Внезапно командир идущего впереди «Сообразительного» капитан-лейтенант С. С. Ворков доносит, что с эсминца замечены силуэты неизвестных кораблей. Владимирский приказывает ему сблизиться с ними и выяснить, что это за корабли. Тем временем изготовляемся к бою. На своих постах и артиллеристы, и торпедисты. Правда, вести прицельный огонь или попасть в цель торпедой при такой качке трудновато. Но надо быть готовыми ко всему.

Корабли оказываются турецкими транспортами. Чтобы не вышло ошибки, они застопорили ход и освещают накрашенное на бортах крупное изображение национального флага — полумесяц на красном поле.

Даем отбой. Командир БЧ-III лейтенант Фельдман и его торпедисты явно разочарованы. Им еще ни разу не представлялось случая применить свое оружие. Вот и эта тревога ложная. Зря, выходит, промокли до нитки…

Около полудня 28 ноября расстаемся у Босфорского буя с судами, уходящими в дальние моря. Танкеры уже пошли к проливу, похожему издали на узкое ущелье в гряде прибрежных гор. Ледокол следует за ними. Его командир капитан 2 ранга С. М. Сергеев передает прощальный семафор, благодарит за проводку. Мы желаем товарищам счастливого плавания. Из Черного моря они вышли благополучно. Теперь им проскочить бы только восточную часть Средиземного, а дальше, за Суэцким каналом, пойдут уже спокойнее.

У Босфора было потише. А на обратном пути снова попадаем в зону распространившегося над Черным морем циклона. «Способный» направлен Л. А. Владимирским в Севастополь: дойти до Кавказа ему не хватает топлива. «Сообразительный» следует теперь в кильватере «Ташкента». Штормом на эсминце

сорвало вентиляционные грибки, деформировало люки, есть и другие повреждения. Из носовых кубриков давно откачивают воду.

Вдруг «Сообразительный» резко накренился, чуть не лег на правый борт и остался в таком положении. Замедляем ход и запрашиваем, что случилось. Но на эсминце, кажется, еще сами это выясняют. Наконец узнаем: крен возник из-за оплошности трюмного, перекачивавшего топливо. Должно быть, вымотался парень вконец…

Ворков выравнивает свой корабль, принимая в свободные цистерны воду. Но еще долго приходится «Сообразительному» идти ломаным курсом, чтобы не подставлять борт волне. После этого командир эсминца доносит, что не уверен, хватит ли топлива до Батуми.

Ближайший от нас порт — Туапсе. Но и эта база еще слишком далеко, чтобы потрепанный штормом эсминец мог идти туда самостоятельно. Л. А. Владимирский решает: в Туапсе пойдут оба корабля.

Берег, открывшийся впереди, выглядит совсем необычно для ноября. Даже невысокие горы белы от снега. Это поработал все тот же циклон. «Сообразительный» на последних килограммах мазута входит в туапсинскую гавань и посередине ее отдает якорь: дотянуть до причала горючего уже не хватило.

«Ташкент», не заходя в гавань, ложится курсом на Новороссийск. Там нас ждет новое боевое задание.

КП командира Новороссийской военно-морской базы оборудован в нескольких километрах от порта в просторном помещении старых винных погребов, глубоко врезавшемся в гору. Здесь находится сейчас и начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал И. Д. Елисеев. Он прислал за мной машину: хочет лично проинструктировать.

— Пойдете в Севастополь, — говорит Иван Дмитриевич Елисеев. — Примете здесь на борт армейский маршевый батальон. И берите полный запас топлива. Весь излишек сверх того, что нужно на обратный путь, оставите в Севастополе. Сколько всего можете взять мазута?

— Полный запас «Ташкента» — тысяча сто семьдесят тонн. Этого нам хватит несколько раз пересечь Черное море с востока на запад и обратно…

— Значит, я сообщу в Севастополь, что при каждом вашем приходе туда они могут рассчитывать на пятьсот тонн. Из легких кораблей только «Ташкент» и может поделиться с ними горючим. Остальным хватает лишь на обратный путь.

Начальник штаба предупреждает, что путь в Севастополь стал

труднее. Готовясь снова штурмовать город, гитлеровцы пытаются блокировать его и с моря, лишить подкреплений. На подходах к Севастополю корабли обстреливаются артиллерией. Вражеская авиация сидит теперь на крымских аэродромах. Кроме бомбардировщиков на Черном море появились фашистские самолеты-торпедоносцы. Это ими потоплен транспорт «Днепр». Есть сведения о переброске противником на Черноморский театр подводных лодок и торпедных катеров.

— Примите все это к сведению, командир, — заключает контр-адмирал свою информацию. Я полагал, что инструктаж окончен. Но Иван Дмитриевич продолжает: — Теперь самое главное. Пойдете в Севастополь не одни, а с транспортами. Дадим вам еще несколько катеров-охотников. Сейчас в штабе базы вас представят капитанам транспортов как командира конвоя. Познакомьтесь с ними, потолкуйте…

Капитаны — солидные, уже в летах, как большей частью бывает на крупных судах торгового флота. Вместе с ними пришли военные коменданты транспортов. Это новая должность на судах, используемых для воинских перевозок.

Один из четырех транспортов тоже «Ташкент». Этот тезка нашего лидера годится ему в дедушки: старый пароход дореволюционной постройки. Капитан заявляет, что может обеспечить лишь девять узлов. Значит, таким ходом идти всему конвою, и плавание будет долгим.

В конвоях все транспорты уже ходили. Поэтому азов с капитанами не повторяем, говорим о новом, что появилось на море. Новое — это фашистские торпедоносцы. Уславливаемся так: если торпедоносец заходит с носовых курсовых углов, то поворачивать прямо на него, а если с кормовых, то отворачивать, подставляя ему корму. Словом, тактика — как при атаках подводных лодок, потому что та же задача: уклониться от торпед. Капитаны уясняют все это с полуслова, договориться с ними легко.

На транспортах теперь есть флотские сигнальщики. Это хорошо — ускорит связь на переходе. Транспорты имеют 47 — миллиметровые пушки-полуавтоматы. Такие же на катерах. Самое сильное зенитное оружие в конвое — наша четвертая башня. Но по торпедоносцам — они летят низко — будем, конечно, бить и главным калибром.

Выходим вечером, уже в темноте. До того как стали на другой день приближаться к берегам Крыма, все было спокойно. Только определились по приметному мысу Айя, как над морем появился разведчик. Долго кружить вокруг нас мы ему не дали — пугнули опять шрапнелью из первой башни. Помогло и на этот раз,

самолет скрылся. Но мы уже обнаружены. Предупреждаем об этом Севастополь. До него еще 60 миль.

Через час появляется группа бомбардировщиков. Высота около трех тысяч метров. Конвой растянулся мили на полторы, попасть в транспорты с такой высоты не так-то просто.

Но сердце у меня екнуло, когда столбы воды, поднятые бомбами, совсем было скрыли старенький «Ташкент», идущий концевым. Даже представилось: всплески осядут и транспорта за ними уже не окажется. Однако «старичок» невредим, чапает потихонечку как ни в чем не бывало.

Сбросив весь свой груз с одного захода, бомбардировщики удаляются.

— Прямо по курсу группа самолетов на бреющем! — кричит сигнальщик.

Это уже торпедоносцы. Их шесть штук, идут низко над морем. На фалах «Ташкента» взвился сигнальный флажок, предупреждающий об опасности, но противник и так уже всем виден. Головные катера конвоя, открыв огонь, пошли полным ходом прямо на самолеты. Бьют шрапнелью обе наши носовые башни.

— Товарищ командир, если можно, не поворачивайте! — просит с КДП Новик.

Самолеты расходятся на две группы. То ли мы заставили их разбиться, то ли так у них было задумано… Лейтенанты Балмасов и Фельдман стоят на крыльях мостика, не спуская глаз каждый со «своей» группы. Теперь главное — не упустить момент, когда будут сброшены торпеды.

— Торпеду сбросил! — Фельдман и старшина сигнальщиков Смородин крикнули это разом. Сбрасывают торпеды и остальные самолеты обеих групп. Причем гораздо раньше, чем мы ожидали: дистанция — без малого миля. Нервничаете, господа фашисты! Такой атакой нас врасплох не застать!..

Транспорты расползаются, как большие жуки, отворачивая с курса в соответствии с обстановкой. Чувствуется, что капитаны действуют обдуманно и хладнокровно. А через несколько минут конвой снова строится в походную колонну. С транспортов — никаких докладов, и мы ни о чем не запрашиваем. И так ясно, что все обошлось. «За молочком ушли фашистские торпеды!» — шутят сигнальщики.

Но, кажется, нам суждено испытать на этом переходе воздействие всех видов оружия, которые есть тут у врага. Когда уже приблизились к Инкерманскому створу, откуда-то со стороны Качи и Бельбека открыла огонь неприятельская батарея. Между берегом и конвоем повисают над водой грязновато-желтые

облачка разрывов. Плохо, что тут не поманеврируешь: надо держаться фарватеров.

Однако за конвоем следит уже не только противник. Навстречу нам мчатся из Стрелецкой бухты два торпедных катера. Проходя вдоль конвоя, они разматывают за собой клубящийся шлейф дымовой завесы. Ветер сносит завесу, но катера ставят ее вновь. Теперь уж вражеской батарее не пристреляться.

Завершаем переход без потерь и повреждений. Но то, о чем рассказывал контр-адмирал Елисеев, представляем теперь совершенно явственно. Осадив Севастополь с суши, враг действительно пытается замкнуть блокаду со стороны моря. Наш флот, конечно, не допустит этого. Однако прорываться к Севастополю, особенно с тихоходными транспортами, очевидно, будет с каждым разом все труднее.

В Севастополе «Ташкент» швартуется в Южной бухте, у холодильника — опять в новом месте. Отсюда совсем близко до флагманского командного пункта.

Иду на ФКП доложить о прибытии и получить дальнейшие указания. Оперативный дежурный приглашает пройти в кабинет командующего флотом.

Филипп Сергеевич Октябрьский сердечно поздравляет с благополучным прибытием, просит рассказать о переходе. Подробно расспрашивает и о нашем плавании к Босфору, хотя уже получил донесение Владимирского.

Слушая меня, он по своей старой привычке расхаживает по кабинету, не смущаясь тем, что тут, под землей, помещение у него довольно тесное. Филипп Сергеевич бодр, настроен уверенно. О мерах по отражению нового фашистского штурма, явно готовящегося под Севастополем, говорит спокойно и деловито, как об очередной практической задаче, которую предстоит решать.

Раздумья под новый год

«Ташкент» стал регулярно доставлять в Севастополь из кавказских портов подкрепления и боеприпасы.

Чтобы уберечь лидер от ударов фашистской авиации, ему отводят для стоянки в Севастополе самые неожиданные места — то у Артиллерийской стенки, то у Морзавода, то у Инженерной пристани на Северной стороне. Нередко после того, как над бухтами пройдет самолет-разведчик, мы получаем приказание срочно перейти на новое место. А потом «юнкерсы» бомбят причал, где мы только что стояли, уже скрытый дымом зажженных поблизости шашек.

И куда бы «Ташкент» ни поставили, мы все время имеем прямую связь с КП флагарта. По командам оттуда наш главный калибр вновь и вновь открывает огонь по берегу.

«Ташкентцы» не видят целей, по которым бьют корабельные башни. Но после команды «Дробь» нам сообщают: «Подбито два танка», «Рассеян батальон фашистской пехоты», «Батарея замолчала…». Это донесения корректировщиков, видевших результаты нашей стрельбы.

С 17 декабря Севастополь отбивает новый вражеский штурм. Из бухт ведут огонь пришедшие с Кавказа крейсера. Потом пришел защищать главную базу и линкор. Высаженные с кораблей свежие части идут в контратаки. Над городом и рейдом почти не умолкает канонада.

22 декабря «Ташкент» провел десять боевых стрельб главным калибром, 23 декабря — девять, 24 декабря — восемь. Только за эти три дня выпущено почти 800 снарядов. Цели, по которым мы бьем, стали ближе: кое-где гитлеровцы потеснили наши войска. По ночам виден холодный отсвет немецких ракет, взлетающих за севастопольскими холмами, где проходит передний край.

Гитлеровцы топчутся под Севастополем скоро уже два месяца. Они, конечно, не рассчитывали, что так здесь застрянут. И теперь жмут изо всех сил, чтобы пройти километры, отделяющие их от города, от бухт. Наверное, собираются встречать в Севастополе Новый год…

По возможности я отпускаю ненадолго в город Ивана Ивановича Орловского. Севастополь для всех нас родной, но старпом — коренной севастополец. На Морзаводе, на Корабельной стороне у него множество знакомых, старых друзей.

В один из тех напряженных декабрьских дней Иван Иванович, доложив о возвращении с берега, долго молча стоял в рубке, где он меня застал. Потом заговорил:

— Василий Николаевич, севастопольцы верят, что немцы в город не прорвутся… Люди ждут — что-то произойдет и фашистов отбросят…

Орловский взволнован. Вероятно, его близким и друзьям было очень нужно, чтобы он — свой человек и в то же время представитель флота — укрепил их веру и надежды. И очевидно, он сказал им, что думает так же, как и они. А теперь вот сам ищет поддержки.

— Конечно, Иван Иванович, — говорю я, — фашистам здесь не бывать. Севастопольцы могут в этом не сомневаться.

Не знаю, способны ли сейчас помочь такие банальные слова, но других не нахожу. Может быть, и не нужно никаких слов. Сама мысль о том, что Севастополь можно сдать врагу, не укладывается в сознании.

А что положение тут тяжелое, мы со старпомом знаем одинаково хорошо. Таким оно еще не было. Но, наверное, что-то действительно должно произойти.

Нам обоим известно, что командующий флотом уходил на крейсере «Красный Кавказ» в Новороссийск. И раз уходил в трудное для Севастополя время, то, наверное, для того, чтобы обеспечить помощь ему с Большой земли. Есть и другие признаки подготовки флота к чему-то, выходящему за рамки обычных для последних недель действий. В ближних кавказских портах задержаны до особого распоряжения некоторые корабли. Там же находятся в резерве армейские части и морская пехота.

Но обо всем этом каждый из нас думает про себя. Орловский достаточно дисциплинирован, чтобы не вступать в обсуждение наблюдений и сведений такого рода. Получим приказ — будем знать, что и где надо делать.

Увы, приказа принять участие в крупной наступательной операции, предпринятой Черноморским флотом совместно с армией в последних числах декабря 1941 года, наш корабль не получил. Когда в Восточном Крыму высаживались десанты, освободившие Керчь и Феодосию, «Ташкент» продолжал свои рейсы Кавказ — Севастополь.

«Почему же нас там не было?» — в один голос спрашивали краснофлотцы, узнав о больших и радостных событиях в Крыму. Что скрывать — мне самому трудно было отделаться от чувства некоторой обиды, хотя и сознавал, что, вероятно, целесообразнее использовать сейчас «Ташкент» так, как он используется. Но все личные обиды отодвигала на задний план огромная гордость за родной Черноморский флот.

Керченско-Феодосийская десантная операция несравнима по масштабам с первым десантом, высаженным в сентябре под

Григорьевкой. Исключительно дерзким был сам замысел: часть десанта высаживалась прямо в занятых врагом крупных портах, чего уж никак не ожидали застигнутые врасплох гитлеровцы. Отряды моряков-добровольцев, ворвавшиеся в гавани на сторожевых катерах, захватили причалы для подхода крупных кораблей с основными силами десанта. В операции отличились крейсер «Красный Крым», эсминцы «Шаумян», «Железняков», «Незаможник» (им командует капитан-лейтенант П. А. Бобровников, давно уже поправившийся после ранения под Одессой), многие корабли Азовской военной флотилии.

Особенно геройски действовал экипаж крейсера «Красный Кавказ» под командованием капитана 2 ранга А. М. Гущина. В Феодосии — враг, а крейсер швартуется у портового брекватера — дело просто беспримерное! В корабль попало полтора десятка вражеских снарядов, но зато его орудия расчистили десантникам путь в город. Возвращаясь в Феодосию с подкреплениями, крейсер подвергся бешеным атакам с воздуха. Кормовые отсеки его были полузатоплены, однако моряки электромеханической боевой части, возглавляемой Г. И. Купцом — едва ли не самым известным на Черном море корабельным инженер-механиком, — отстояли «Красный Кавказ», обеспечили ему возможность дойти до базы.

Восхищаясь доблестью моряков этого крейсера, я никак не предполагал, что меньше чем через год мне предстоит вступить в командование «Красным Кавказом», ставшим к тому времени гвардейским кораблем…

Подробности Керченско-Феодосийской операции, о которых я упомянул, стали известны «ташкентцам», как и всему флоту, в начале января. А 31 декабря 1941 года мы шли из Поти с очередным боевым грузом для Севастополя, зная лишь, что Керчь и Феодосия очищены от фашистских захватчиков и высадившиеся там советские войска продолжают наступление.

Первые вести о черноморской победе были прямо-таки окрыляющими. Все понимали, какая это мощная подмога Севастополю. Острая тревога за него проходила, как прошла тревога за Москву, охватившая нас в конце октября и сжимавшая сердце весь ноябрь. Теперь от столицы фашисты отброшены уже далеко. И вот начинаем наступать и здесь на юге!

В канун Нового года всегда тянет оглянуться на год прожитый. Но в этот раз вспоминаются лишь события последних шести месяцев. То, что было до 22 июня, кажется невероятно далеким. А этим шести месяцам можно подвести некоторый итог.

Думаю о том, что мне ближе всего — о корабле, о нашем экипаже, о моих боевых товарищах.

За полгода войны все мы, не исключая и тех, кто знаком давно, как бы заново узнали друг друга. В каждом стало заметнее для окружающих самое существенное, главное, то, чем живет человек. А второстепенное, хотя бы оно и казалось раньше важным, как-то перестало привлекать внимание.

Нельзя было не оценить в боевых походах, например, штурмана Еремеева. О нем лестно отзывался прежний командир. И все же что-то беспокоило меня в этом лейтенанте, особенно самонадеянность или то, что казалось ею. Думалось, потребуется контролировать его работу строже, тщательнее, чем я привык, плавая с другими штурманами.

А теперь я уверен в Еремееве, как в самом себе. У него и профессиональная хватка, и какая-то особая интуиция, позволяющая без объяснений понимать маневр командира. Самонадеянность же, смущавшая меня, обернулась просто умением Александра Матвеевича не сомневаться в том, что сделано точно и четко. Иной раз сам спросишь в сложной обстановке: «Штурман, может быть, сбавить ход?» А он в ответ: «Не надо, товарищ командир. Если понадобится, я попрошу». И верно, попросит тогда прямо, без стеснения и извинений, а перестраховываться не станет. Но узнал я все это о штурмане, лишь поплавав с ним по беспокойному военному морю.

А Павел Петрович Сурин… Мне, правда, узнавать его характер не требовалось. Еще на «Шаумяне» приходилось защищать механика от нападок за педантизм, за несговорчивость, за пресловутую записную книжку, где он постоянно фиксирует своим удивительно мелким почерком какие-то претензии то к машинам, то к подчиненным. Изменить Сурина, вероятно, невозможно. Все осталось при нем: и на самый малый промах не может не указать, и с записной книжечкой не расстается по-прежнему. Но те, кому эти его привычки, бывало, портили настроение, знают теперь о мужестве нашего мрачноватого механика в бою и видели, на что он способен, когда устраняются нанесенные кораблю повреждения. И вот — те же люди уже гордятся Суриным.

Еще ближе к краснофлотцам стали за эти военные месяцы политруки Смирнов и Беркаль. Крепко вросли в корабельную семью молодые командиры, пришедшие позже других, — и Латышев, и Балмасов, и лейтенанты-артиллеристы. Быстро освоился на «Ташкенте» командир зенитной батареи лейтенант Роман Гиммельман, киевлянин родом. Все мы приобрели в его лице смелого и энергичного боевого товарища.

Оправдали надежды бывалые моряки, переведенные на лидер с разных кораблей эскадры. Они действительно стали костяком

экипажа. Но и те, что моложе, им под стать! Если бы приказали вот сейчас назвать самых достойных краснофлотцев и старшин, например, для представления к награде, — выбирать было бы нелегко.

Экипаж привык к войне, втянулся в нее. И мне кажется, почти все стали немножко другими, чем были в такие далекие теперь мирные дни. Должно быть, война в самом деле имеет такое свойство — своими требованиями к людям раскрывать в них качества, раньше малозаметные.

Но следует ли отсюда, что все одинаково понимают новую, военную, меру ответственности за свои поступки? Корабельный комсостав всегда учили работать с каждым краснофлотцем в отдельности. На войне это стало еще нужнее. Стоит об этом забыть — и сталкиваешься с неожиданностями.

Взять хотя бы недавний случай с впередсмотрящим. Мы теперь всегда, даже при самой хорошей видимости, выставляем в носу вахтенного, вооруженного свистком. Его главная задача — не пропустить плавающую мину. Стоит впередсмотрящий за козырьком волнолома. Ветер там, конечно, чувствуется, может иногда и брызгами обдать. Но вообще вахта не из самых трудных. И вот идем ночью из Батуми, ход — тридцать шесть узлов. Фрозе и боцман обходят верхнюю палубу и обнаруживают, что вахтенного на месте нет… Смыть не могло — не такая волна. Так где же он? Вскоре краснофлотца находят в кубрике. Объясняет: «Только что ушел на минутку погреться…»

Помощник и боцман не могут понять, как такое вообще пришло в голову отлучиться с поста! Краснофлотец — пулеметчик из отделения Мамонтова. Когда налетали самолеты, не трусил, расчетливо вел огонь. А тут — покинул пост и, кажется, даже не чувствует за собой особой вины.

Если вникнуть, видишь в этом, так сказать, оборотную сторону привычки к войне — качества вообще-то весьма ценного. Краснофлотец замечает: на войне многое в службе стало проще, меньше придается значения ее внешней, «парадной» стороне. И вот позволил себе «на минутку» уйти с вахты, решив, что пост не такой уж важный, пока враг еще далеко…

Тараненко считал, что провинившийся заслужил арест на гауптвахте «на полную катушку». И в принципе боцман, вероятно, прав. Но без крайней необходимости отправлять моряка с воюющего корабля на гауптвахту тылового порта — не очень педагогично. И не сажать же его в корабельный канатный ящик!

Решили обойтись без таких мер. Но взяли краснофлотца под строжайший присмотр со всех сторон: и по строевой линии, и по общественной. А вывод такой: присмотреть за человеком,

вразумить его могли и раньше. Забегая вперед, скажу, что никаких претензий к этому краснофлотцу больше не было.

Случай с впередсмотрящим, конечно, не столь уж значителен. Но было у нас не так давно и настоящее ЧП, вспоминать о котором тяжело. Однако на него не закроешь глаза, когда оглядываешься в последний час года на пережитое и пройденное.

Произошло же вот что. При стоянке в Батуми в корабельной лавочке появился одеколон. Самый обыкновенный, тот, что употребляется после бритья. И нашлось несколько краснофлотцев, надумавших использовать его в качестве дополнения к обеденным «ста граммам», узаконенным военным рационом…

Один из этих моряков вскоре стал вести себя так, что дежурной службе пришлось изолировать его. Помещение — кормовой обмывочный пункт — было выбрано не особенно удачно. Однако ничего не случилось бы, не окажись приоткрытым клапан на магистрали, через который к обмывочному пункту подается пар. Пьяный то ли в беспамятстве, то ли вздумав устроить себе душ, открыл и внутренний клапан свежего пара… Закрыть его он уже не сумел, и последствия оказались трагическими: обварившись, краснофлотец погиб.

Так мы потеряли третьего с начала войны члена экипажа. Но те двое погибли в бою. А эта потеря была нелепой, бессмысленной.

На корабле за все в ответе в первую очередь командир, и, докладывая о случившемся, я целиком брал вину на себя. Естественно, я не знал, останусь ли после этого командиром «Ташкента». Но совершенно неожиданно для меня сняли с должности военкома Сергеева. Так решил Военный совет флота.

— Не волнуйся и не шуми. Так нужно, — сказал мне Александр Васильевич, вернувшись от начальства. Простились мы сердечно. Экипажу уход Сергеева был объяснен просто переводом на новое место службы.

А на «Ташкенте» немного погодя (временно за военкома оставался Смирнов) появился чернявый и коренастый батальонный комиссар моих лет — Григорий Андреевич Коновалов. Он крепко пожал мне руку. Сообщил, что воевал до сих пор на торпедных катерах, где был военкомом дивизиона. И, широко улыбнувшись, прямо с ходу попросил:

— Покажи корабль, командир. А с людьми уж познакомлюсь сам…

В корабельные дела он начал вникать без малейшей раскачки в тот же день и час. И сумел, нисколько об этом не заботясь, как-то сразу всем понравиться своей энергией, живым умом, веселым

характером. Мне не хотелось расставаться с Сергеевым, и Коновалова я встретил несколько настороженно, как, вероятно, встретил бы любого преемника прежнего комиссара. Однако скоро стало ясно: не сработаться с Григорием Андреевичем просто невозможно.

Не в обиду Александру Васильевичу Сергееву, старому моему сослуживцу, будь это сказано, но к новому комиссару, мне кажется, легко привыкли и все на «Ташкенте». Прошло совсем немного времени, как он у нас, а уже кажется, будто плаваем вместе давно. Завидное это все-таки свойство: так быстро становиться на новом месте своим!

По расчетам Еремеева новогодняя полночь должна застать нас примерно в 50 милях от подходной точки севастопольских фарватеров.

За час до этого в ходовую рубку заглянул Коновалов:

— Ну как, командир, выступишь по трансляции? В двадцать три тридцать, ладно? Затем сразу включим Москву.

— Я ведь не речист, Григорий Андреевич. Может, лучше ты?

— Нет уж, командир, сегодня тебе положено. Скажи о Керчи и Феодосии, о том, что флот наступает в ногу с Красной Армией и скоро еще не так погоним врага. А что говорить о корабельных делах — не мне тебе подсказывать. Бухгалтерию нашу, наверное, следует использовать…

«Бухгалтерия» — это некоторые цифровые итоги того, что «Ташкент» успел сделать с начала войны. Тут фигурируют тысячи пройденных миль и тысячи перевезенных в Одессу и Севастополь бойцов, тысячи тонн военных грузов и десятки отконвоированных транспортов, тысячи эвакуированных на Большую землю раненых, женщин, детей…

Перевозки людей и грузов были главной нашей работой в первые полгода войны. Но ведется счет и подавленным неприятельским батареям, сбитым самолетам, уничтоженным танкам, автомашинам с войсками… Эти цифры, конечно, скромные, да и не могут быть полными. Мы десятки раз открывали огонь по скоплениям фашистских войск и техники, по тем участкам фронта, где начинались или ожидались вражеские атаки. И часто о результатах стрельбы нам больше всего говорило товарищеское «спасибо за огонек!», переданное через флагарта из армейской части или от морской пехоты.

Но комиссар прав: «бухгалтерию» надо использовать. И, обращаясь к экипажу, я привожу некоторые цифры, подчеркивая, однако, что в новом году нам предстоит сделать для победы над врагом гораздо больше.

Потом вспоминаю наших товарищей, сражающихся на суше,

которые остаются для «ташкентцев» членами корабельной семьи. Говорю о тех, кто показывает пример воинской доблести на боевых постах лидера. О боцмане Тараненко, сигнальщике Смородине, пулеметчике Мамонтове, о старшине артэлектриков Бойцове, от которого во многом зависел успех каждой нашей стрельбы… То, что я говорю, относится и к другим, а назвать всех отличившихся просто невозможно.

Микрофон боевой трансляции в ходовой рубке. За ее иллюминаторами чернота холодной зимней ночи, сквозь которую «Ташкент» полным ходом идет к Севастополю. Хорошо, что встречаем Новый год вот так, в походе! Правда, мы сегодня не в центре главных черноморских событий, не у Керчи или Феодосии, где другие корабли продолжают поддерживать огнем десант. Но и не стоим в тыловой базе. Нас ждет Севастополь, вокруг которого не стихают бои.

Трансляция переключается на прием Москвы. Слушаем выступление Михаила Ивановича Калинина. От него узнаем еще одну хорошую новость — освобождена Калуга! Старинный русский город, наверное, не очень большой… Кажется, у нас на корабле никого нет из Калуги. Но имя города у всех на устах. На мостике пулеметчик кричит сигнальщику: «Слышал? Калуга!..»

Полночь… Открыта и надписана чистая страница вахтенного журнала. Первую ходовую вахту 1942 года правит командир БЧ-II старший лейтенант Новик. И его же боевой части касается первая в новом году запись в вахтенном журнале: «Зенитчики открывают огонь по появившемуся в воздухе разведчику».

А штурман, не обращая внимания на пальбу, ищет, за что бы «зацепиться» в едва различимых выступах Крымских гор. К подходному бую Еремеев выводит корабль всегда точно. Но штурманские тревоги и сомнения — каждый раз заново.

Наконец оттуда, где должны быть буй и дозорный севастопольский катер, пробивает темноту направленный прямо на нас узкий мигающий лучик сигнального фонаря. Мы мигаем в ответ. Обмен опознавательными состоялся. Подпустив нас ближе, катер разворачивается и ведет за собой к Севастополю.

Глава 6. Между Севастополем и Большой землей

В резерве штаба флота

Рано утром иду на корабельном барказе к ФКП из дальнего угла Северной бухты, где стоит в этот раз «Ташкент». Утро не по-крымски холодное даже для января: несколько градусов ниже нуля. Эта зима на юге вообще необычайно сурова.

Не прошли еще полпути, как за барказом начинают подниматься всплески от падающих в бухту снарядов. Всплески приближаются, того и гляди нагонят…

— Откуда ж это в нас бьют? — озадаченно произносит старшина барказа, косясь на неприятные фонтанчики.

— Это не в нас, Игнатов. Просто стреляют по бухте, а нам так уж повезло.

Берем левее, к Павловскому мыску, и всплески проходят мимо.

За броневой плитой, прикрывающей вход на ФКП, краснофлотец в каске и с автоматом вызывает дежурного. Тот, узнав меня, сообщает:

— Командующий вас ждет.

Это уже вошло у вице-адмирала Октябрьского в обычай: командира корабля, пришедшего с Большой земли, принимать лично.

Мы поздравляем друг друга с Новым годом, и я отвечаю на обычные вопросы: как дошли, какова обстановка на море. А самому не терпится узнать про Керчь и Феодосию. Но уже по тому, как настроен командующий, чувствуется, что дела там идут неплохо. И под Севастополем станет теперь легче. Планы гитлеровцев еще раз сорваны. Не они, а мы встретили тут Новый год!

Слушая меня, адмирал привычно шагает по тесному подземному кабинетику. Потом останавливается и говорит:

— «Ташкент» на некоторое время оставим в Севастополе, в резерве штаба флота. Артиллеристам Руль работу обеспечит… Как думаешь, где кораблю лучше стоять? — и, смеясь, отвечает за меня: — Лучше, конечно, там, где не бомбят!..

Основное место стоянки отводится в Южной бухте, у холодильника. Опыт показал, что здесь все-таки спокойнее: крутой береговой склон затрудняет вражеским самолетам

прицельную бомбежку, а тем более пикирование.

Возвращаясь на корабль, размышляю над тем, что это может сейчас означать «в резерве штаба флота». После побед у Керчи и Феодосии особенно хочется активных действий.

Флагманский артиллерист действительно «обеспечил работой» наших комендоров. Еще до моего визита на ФКП, в шесть утра, башни «Ташкента» обстреляли вражеский аэродром на Бельбеке. Корректировщики сообщили, что эта стрельба — первая стрельба главного калибра в 1942 году — была успешной. Затем получаем новые цели по нескольку раз в день. Нередко башенные расчеты находятся на боевых постах с утра до вечера, и очередное целеуказание застает их у орудий.

В штурманской рубке есть теперь полевая карта окрестностей Севастополя, по которой ориентируются Еремеев с Новиком, когда мы ведем огонь по берегу. После отбоя штурман часто зовет в рубку комендоров — посмотреть по карте, куда стреляли.

Однажды героями дня стали расчеты второй башни: на их долю пришлась большая часть выпущенных снарядов. Направлял огонь штабной корпост старшего лейтенанта Сташкевича, с которым мы работали уже не раз. Потом Еремеев показал комендорам:

— Вот где вы сорвали сейчас фашистскую атаку.

Старшина башни Николай Семененко и его товарищи долго не могут оторваться от квадрата, обозначающего пригородную долину. Мысленно они там, на переднем крае.

Получаем задания и на подавление вражеских батарей, таких, с которыми нам по силам тягаться. А с осадными орудиями крупного калибра, которые появились у немцев под Севастополем, ведут артиллерийские дуэли тяжелые береговые батареи.

Но полностью оградить город от обстрелов невозможно. Разрывы снарядов на улицах, попадания в жилые дома стали явлениями обыденными. За январскую стоянку мы ближе узнали, как живут в этих условиях севастопольцы.

На причале произошла случайная встреча с городскими руководителями. Как-то я заметил остановившуюся у холодильника — это совсем близко от корабля машину, из которой прошли в ворота председатель Севастопольского горсовета Василий Петрович Ефремов и секретарь горкома партии Антонина Алексеевна Сарина. Старые знакомые… Ефремова знаю еще с тех пор, когда мы оба увлекались прыжками с вышки на водной станции. По довоенному времени знаком и с Сариной.

Сойдя на причал, я дождался их у машины. Вслед за мною

подошли Коновалов, Фрозе, еще двое-трое «ташкентцев». Ефремов и Сарина не могли долго задерживаться, но охотно уделили нам те минуты, которыми располагали. Обступив их, мы с жадностью ловили каждое слово. Ведь давно не были в городе дальше ФКП, а Севастополь пережил за это время два фашистских штурма.

Ефремов в бушлате и морской фуражке. Так стали одеваться многие партийные и советские работники осажденного города, как бы подчеркивая и этим неотделимость его от флота.

— Зарываемся в землю, — говорит Василий Петрович, — отвечая на наши расспросы о севастопольской жизни. — Используем все, что было готово, подвалы, бомбоубежища, штольни, пещеры. Роем и новые укрытия. Под землей работают мастерские, школы, типография… Кинотеатр подземный открыли. Приходите, если сможете, — крутят последний «Боевой киносборник»!

Он рассказал, каких усилий стоило обеспечить под бомбежками и обстрелами работу хлебозавода, электростанции, бань. Севастопольцы продолжают ремонтировать на Морзаводе корабли, наладили производство мин для минометов. Действуют все необходимые городу предприятия, работают магазины, парикмахерские, ходит трамвай…

— А люди, — добавляет Антонина Алексеевна Сарина, — все-таки удивительно быстро привыкли к осадным условиям, научились избегать лишней опасности. Даже в самые трудные дни никакой паники! И благодаря этому жертв от бомбежек и обстрелов меньше, чем могло быть…

Несколько часов спустя, уже поздно вечером, в Южную бухту плюхнулся снаряд дальнобойной немецкой батареи. Весь корпус лидера вздрогнул. Мы с Орловским и Фрозе одновременно выскочили на полубак. Все уже было спокойно, только плескалась у борта разошедшаяся по бухте мелкая волна. Но потом мы обратили внимание на какую-то возню за причалом, там, где начинались опорные сваи холодильника. Оттуда доносились из темноты человеческие голоса.

Старпом распорядился спустить шлюпку, и сам отправился выяснить, что происходит. Под настилом причала, куда он направил шлюпку, были подняты из воды пожилые мужчина и женщина — перепуганные, оцепеневшие от холода, но невредимые.

Их доставили на корабль, и тут Иван Иванович, рассмотрев как следует спасенных, воскликнул:

— Дядя Семен, неужто это ты?

Старпом узнал старого морзаводца, работавшего когда-то с его отцом.

Оказалось, что этот рабочий с женой живут недалеко отсюда, на Корабельной стороне. Накануне их домик повредило бомбой. И вот еще днем они высмотрели между сваями холодильника прибившиеся к берегу бревна, которыми решили воспользоваться для ремонта. Разрыв снаряда, заставший старичков за вытаскиванием бревна, сбросил их в воду…

«Ташкентцы» приняли к сердцу беду этой севастопольской семьи, а уж Орловский особенно. Наутро старпом доложил мне, что есть группа добровольцев, которые готовы помочь старикам в ремонте домика и могут быть отпущены без ущерба для боевой готовности. Я разрешил им сойти с корабля: в случае срочного выхода люди вернулись бы быстрее, чем прогреются машины.

За два дня жилище старого рабочего было приведено в порядок. А потом это маленькое доброе дело обросло, как водится, вымышленными подробностями. И Еремеев уверял в кают-компании кого-то из гостей корабля:

— В ту же ночь новую хату старикам отгрохали! А все Иван Иванович — не старпом, а золотая рыбка!

Запомнилась еще одна встреча.

В Севастополе меня всегда интересовали старые моряки, свидетели флотской истории. Без них, пожалуй, трудно было и представить наш город. Они остались тут и в грозную пору фашистской осады. Должно быть, никакие опасности не могли разлучить этих старожилов с родным городом.

В один из январских дней мы с Новиком задержались у флагарта и вернулись на корабль, когда там уже заканчивался обед. Орловский, встретивший меня у трапа, загадочно сообщил:

— А у нас обедает ваш старый знакомый…

В кают-компании сидел за столом маленький щупленький человечек с редкой, но довольно длинной седой бородой. То и дело отрываясь от тарелки и быстро поворачиваясь к своим соседям справа и слева, он что-то оживленно рассказывал. Старик Солнцев! Живая севастопольская реликвия! И все такой же неугомонный, каким я знаю его много лет. А на «Ташкенте» мы еще не виделись…

Когда я служил на канлодке, когда командовал потом тральщиком, эсминцем, лидером «Москва», этот юркий старикан время от времени появлялся на борту с потертым чемоданчиком в руке и деловито заявлял вахтенному: «К командиру». Приходил он не слишком часто, но словно чувствовал, когда наступает пора наведаться на тот или иной корабль.

Отслужив матросскую службу чуть ли еще не в прошлом веке, много поплавав и повидав, Солнцев обзавелся в Севастополе семьей и навсегда здесь осел, занявшись изготовлением

боцманских дудок и командирских свистков. И то, и другое — предметы немаловажные в корабельном обиходе. Причем для моряков, понимающих красоту службы, совсем не безразлично, каков издаваемый свистком или дудкой звук.

У черноморских боцманов старшего поколения еще на моей памяти водились дудки, вывезенные бог весть когда из Италии. Однако солнцевские изделия постепенно затмили и итальянские, и все прочие. Никелированная латунная дудка с обыкновенным медным шариком внутри, вышедшая из рук севастопольского кустаря, была уже не просто дудкой, а произведением искусства. Она обладала способностью выводить такие трели, каких никто не мог извлечь ни из какой другой. То же и солнцевский свисток.

Интенданты из шхиперского отдела и флотские финансисты, понятно, не одобряли приобретения изделий «частника» и требовали обходиться стандартной продукцией, поступавшей в порядке планового снабжения. Но боцманы всеми правдами и неправдами, хоть за личный счет, обзаводились дудкой с «фирменной» маркой «А. Солнцев». Многие командиры и старпомы тоже предпочитали солнцевские свистки казенным. Каюсь, мы с Иваном Ивановичем Орловским не составляли исключения.

Вот кто такой был наш гость. Старик Солнцев славился еще и умением поговорить. Он мог часами рассказывать морские истории давних времен, где правда переплеталась с вымыслом. Кажется, одной из таких историй угощал он и сейчас нашу кают-компанию. «И вдруг ни с того, ни с сего требуют машиниста первой статьи Солнцева к самому адмиралу…» — успел я услышать через приоткрытую дверь.

Резкий треск наших зениток, раздавшийся одновременно с сигналом боевой тревоги, прервал беседу. Лейтенант Гиммельман, сидевший рядом с Солнцевым, первым выскочил из кают-компании. Выбежав вслед за ним наверх, я увидел водяные столбы от бомб посередине бухты и группу самолетов над ней. Один бомбардировщик дымил и вываливался из строя.

Солнцев пересидел налет в кают-компании, попивая чаек. После отбоя он раскрыл свой чемоданчик, и мы выбрали кое-что из его изделий для нужд «Ташкента».

Эта встреча с дудочным мастером оказалась последней. Вскоре я узнал, что старик Солнцев погиб под развалинами своего домика, разбитого фашистским снарядом.

Двое с «Москвы»

Николай Спиридонович Новик напомнил флагарту, что на «Ташкенте» недостает нескольких комендоров. Этот «некомплект» был у нас еще с тех пор, как вступила в строй «сверхштатная» четвертая башня. Капитан 1 ранга Руль обещал выяснить, какие резервы есть в севастопольском экипаже. И на следующий день, когда я вернулся на корабль с ФКП, дежурный доложил, что пополнение для БЧ-II прибыло.

Иду прямо к артиллеристам знакомиться с новичками. Кубрик почему-то полон народу. Здесь и машинисты, и радисты, и кого только нет. Что-то не помню, чтобы когда-нибудь приход пяти новых краснофлотцев привлекал такое внимание.

А прибывших не сразу и заметишь. Наконец новички, пробравшись из дальнего угла кубрика, подходят представиться — один, другой, третий… Оказывается, наши краснофлотцы толпились вовсе не вокруг них. Кто же там еще? Возбужденный комсорг БЧ-II Василий Мамонтов порывается что-то объяснить. Но я уже узнал двух моряков, которые стоят посреди расступившегося передо мною тесного матросского круга.

Узнал — и едва верю своим глазам. Это же Василий Медведков, комендор с погибшей в июне «Москвы». А второй — Михаил Филатов, артэлектрик… Двое из тех, кого я уже не надеялся когда-нибудь увидеть. Но как же все-таки они очутились в Севастополе?

— Товарищ командир, пусть они останутся у нас! — заговорил Мамонтов.

— Мы все просим, товарищ капитан третьего ранга! — выступил вперед статный комендор Борис Ковтун. — Оставьте их на «Ташкенте». Вам, как бывшему командиру. «Москвы», их отдадут…

Просьбу поддерживают и другие, но это ничего мне не объясняет. Василий Медведков, потупившись, произносит:

— Мы с ним, с Филатовым, сами пришли из экипажа. Без направления… Узнали, что вы, Василий Николаевич, тут, на «Ташкенте», и что к вам посылают сегодня всех артиллеристов, какие есть. Ну мы и ушли с ними. Решили: если уж вы не возьмете…

Волнение мешает ему договорить. Да и слушателей здесь чересчур много.

— Пошли ко мне в каюту, — сказал я. — И вы, Филатов, тоже.

Как раз в это время вернулся уходивший в политуправление Коновалов. Мы сели вчетвером, и моряки с «Москвы» рассказали

все по порядку.

26 июня, когда их корабль погиб в виду Констанцы, Медведков и Филатов были в числе тех, кто остался на поверхности моря и доплыл затем до румынского берега. Они попали в плен и сперва были в лагере. Потом группу краснофлотцев привезли в какое-то имение на уборку кукурузы. Оттуда пятерым удалось бежать. Чтобы сбить со следа погоню, они взяли направление не на восток, а в глубь Румынии и только потом повернули в сторону советской границы. Шли ночами. Днем отсыпались где-нибудь в кустах, выставив вахтенного. Питались в основном сырой кукурузой. Все реки включая Прут и Днестр пересекали вплавь: на мостах стояла охрана.

Путь был долгим — фронт отодвинулся далеко на восток. Но по Украине идти стало легче. Зашли даже в село, где жили родители одного краснофлотца. Там моряков подкормили, помогли переодеться. Немцев в селе не было, и трое из пятерки решили отдохнуть там еще. Медведков и Филатов ждать не хотели и двинулись дальше вдвоем.

Под Харьковом перешли фронт и, как полагается, были переданы для проверки соответствующим органам. Проверяли их с месяц, затем дали отпуск. Друзья отправились к родителям Филатова, которые уже давно получили на сына похоронную… После отпуска явились в местный военкомат, настояли, чтобы их вернули на Черноморский флот, и получили направление в Новороссийск.

Там после долгих допросов и разговоров моряков посадили на крейсер, шедший в Севастополь. В экипаже Медведкова и Филатова обмундировали. Однако проверка началась заново и никак не кончится. Вызывает и вызывает уполномоченный, спрашивает все об одном и том же. Правда, живут со всеми вместе, только запрещено о плене рассказывать. И обещано, что скоро пошлют в морскую пехоту. А на корабли, говорят, и не проситесь…

— Где Тухов? Погиб? — спросил я.

— Когда на берег выбрались, жив был командир, — ответил Медведков. — Он стоял до конца на мостике. А еще раньше его ранило или контузило. В воде наши ребята помогли командиру снять китель, чтобы сошел за матроса. Но румыны как-то его опознали. Что с ним дальше, не знаю. В лагере с нами его уже не было.

«Значит, — подумалось мне, — в Особом отделе все это известно уже давно. А жена Тухова, конечно, ничего не знает. Впрочем, пожалуй, так и лучше. Что хорошего может ждать Александра Борисовича в фашистском плену, если он еще жив?»

Трудно было тогда представить, что и Тухову еще удастся вырваться из плена. Гибели он, правда, не избежал, но погиб, как уже известно читателю, не в застенке, а в бою.

— Теперь мне все ясно, — сказал я краснофлотцам. — Надеюсь, будете служить на «Ташкенте». Но своей властью взять вас не могу — надо ходатайствовать перед начальством. Пообедайте у нас и возвращайтесь пока в экипаж.

Вечером идем с Коноваловым на ФКП к члену Военного совета. Кулаков, если захочет, может решить такой вопрос без проволочки.

Николай Михайлович сперва немножко поругал нас за самоуправство: зачем, мол, обещаете людям то, что от вас не зависит? Однако тут же рассудил:

— Хлопцы, понятно, не виноваты, что попали в плен. Берите их на «Ташкент». Согласен.

В тот же вечер ко мне явился политрук Владимир Климентьевич Емельяненко. Известен он мне давно. Еще когда Владимир был краснофлотцем-подводником, мы вместе занимались в спортивных секциях водной станции. На «Ташкенте» я еще ближе узнал и привык уважать этого вдумчивого, неизменно спокойного и смелого человека.

— Боюсь, не получилось бы недоговоренности, — начал Емельяненко, почесывая затылок, и я понял, что он уже в курсе событий. — В экипаже эти краснофлотцы были под наблюдением…

— Я их знаю и ручаюсь за них. С обоими три года плавал.

— Ладно, — пообещал Емельяненко. — Я там скажу, что присмотрю за ними на корабле.

Уж не знаю, действительно ли он замолвил «там» слово или этого не потребовалось. Но никто не препятствовал переводу на «Ташкент» краснофлотцев с «Москвы», и больше их не беспокоили.

Познакомившись с ними, командир БЧ-II вскоре поставил Филатова командиром отделения артэлектриков в центральный пост, а Медведкова — командиром орудия в третью башню. И тот, и другой получили старшинские звания и воевали безупречно. Орудийный расчет Медведкова через некоторое время считался уже лучшим на корабле. Оба моряка были впоследствии награждены орденами. Словом, раскаиваться в своем решении взять их на «Ташкент» мне не пришлось.

Скажу тут же о дальнейшей их флотской судьбе. Михаил Филатов в феврале 1943 года участвовал в высадке десанта на Малую землю под Новороссийском, был тяжело ранен и умер. Василий Медведков еще и в послевоенные годы служил

сверхсрочно на черноморских миноносцах, а потом уволился в запас в звании мичмана.

Евпаторийская ночь

Дежурный по кораблю принял по телефону приказание: «Прогревать машины, командиру немедленно явиться на ФКП».

Четверть часа спустя заместитель начальника штаба флота капитан 1 ранга А. Г. Васильев ставит от имени командующего боевую задачу: «Ташкенту» идти к Евпатории, где на днях высадился наш десант, и по выяснении обстановки обеспечить высадку подкреплений двумя катерами «БО» («большие охотники»), которые пойдут вместе с нами. Сейчас катера в Стрелецкой бухте. Встретиться с их командирами времени уже нет.

О Евпаторийском десанте мне известно пока не особенно много. Но знаю, что масштабы его по сравнению с Керченским и Феодосийским скромные. Тральщики и катера-охотники, прикрываемые огнем с миноносцев, высадили на пристань и пляж Евпатории, в мирное время тихого курортного городка, отряд морской пехоты. Военкомом отряда пошел мой сослуживец по «Шаумяну» батальонный комиссар Бойко. Кажется, предполагалось, что десант не встретит сильного сопротивления разведка, побывавшая перед этим в Евпатории, не обнаружила там значительных сил противника. Однако высадка оказалась трудной. Один из тральщиков потопила неприятельская авиация. Как я слышал в штабе, в тяжелое положение попал затем и высадившийся отряд. А высадить подкрепления помешал разыгравшийся шторм.

Из разговора с капитаном 1 ранга Васильевым я понял, что обстановка в районе высадки в данный момент вообще неизвестна. Радиосвязь с отрядом прервалась. Эсминец «Смышленый», ходивший к Евпатории прошлой ночью, был обстрелян с берега танками и получил повреждения, а установить контакт с десантниками не смог.

Закончив недолгий инструктаж, замначштаба спросил, все ли мне ясно.

— Пока что все неясно, — признался я.

— Придете на место, установите с десантом связь, и станет яснее. Если найдете нужным, пошлите к берегу своих людей на барказе. Кстати, сейчас к вам на корабль прибудет группа разведчиков. Их высадите в районе Евпаторийского маяка. Это сделаете прежде всего.

Возвращаясь на «Ташкент», говорю себе, что, кажется, нам еще не приходилось решать боевой задачи со столькими неизвестными. Но в конце концов война есть война. И кому же,

как не кораблю, оставленному на всякий случай в резерве, выполнять такие задания.

Старпом докладывает: разведчики уже на борту, машины «горячие». Перед съемкой со швартовов собираю командный состав. Говорю прямо: обстановка неясная, разбираться будем на месте. Лейтенант Фельдман вызывается подобрать и возглавить группу, которую, возможно, потребуется посылать к берегу на барказе. Приказываю ему как следует вооружиться, а интенданту — выдать всем, кто пойдет, сухой паек на десять суток. Кто знает, скоро ли смогут наши люди вернуться на корабль!

За бонами ждем, пока подойдут из Стрелецкой бухты «большие охотники». Они приняли там на борт четыреста бойцов морской пехоты. Кто командует этим подразделением, мне неизвестно. В штабе не смогли сообщить даже фамилии командиров катеров. Чувствуется, что все делается в спешке. Очевидно, с десантом плохо.

Погода для нашей задачи не особенно подходящая, хотя шторм и утих. Ветер юго-западный, баллов шесть, значит, у Евпатории будет накат. Идет то дождь, то мокрый снег. Видимость того и жди сойдет на нет. Сегодня была бы особенно опасной всякая ошибка штурмана. Предупреждать об этом Еремеева, пожалуй, излишне. Однако все же предупреждаю.

— Не беспокойтесь, товарищ командир, как-нибудь не ошибусь, — заверяет Александр Матвеевич. И докладывает, какую поправку берет на ветер.

Ходу до Евпатории всего два часа. Около полуночи Еремеев выводит корабль прямо к бую, почему-то не снятому немцами. Еще раньше мы расстались с разведчиками, отправившимися к берегу на нашей шестерке. Что ждет этих отважных ребят в захваченном врагом городе?

Подходим ближе. В общей сплошной черноте выделяются два-три горящих здания. Но они довольно далеко от берега, а на набережной темно и тихо.

Начинаем подавать сигналы прожектором. Его луч выхватывает из темноты пристань, какие-то постройки, участки пустынного пляжа. Город кажется безлюдным, покинутым. На сигналы никто не откликается.

Шифровкой доношу в Севастополь обстановку. Быстро приходит ответ: если сильного сопротивления нет, высаживать с «больших охотников» подкрепление, невзирая на отсутствие связи с первым отрядом.

Катера держались мористее. Пока они приближаются, обстановка на берегу меняется. На набережной появились танки. Двигаясь вдоль пляжа, они открывают по «Ташкенту» огонь. Нас-

то им не потопить, однако катерам подходить к берегу сейчас бессмысленно. Если и удастся проскочить до пристани или пляжа, все равно десант будет сразу раздавлен.

Маневрируя перед городом, продолжаем подавать сигналы нашему отряду. Где он, что с ним? Уж теперь-то, когда мы обнаружены противником, должны же нас заметить и свои, если они еще тут. Однако по-прежнему никто не отзывается. Только стреляют танки. Но до нас около двух миль, и попасть в корабль им не удается.

Советуюсь в ходовой рубке с комиссаром и старпомом, что предпринять.

— Пошлем все-таки баркаэ, командир, — предлагает Коновалов. — Может, что-нибудь выяснят. Отсюда далековато…

Я соглашаюсь — нельзя уходить, не исчерпав всех возможностей для выяснения судьбы десанта. Лейтенанта Фельдмана ориентирую так: приблизиться к берегу сперва не у главной пристани, а левее — там как будто спокойнее, дальше действовать по обстановке.

Барказ с группой краснофлотцев, вооруженных пулеметом, автоматами и гранатами, скрывается в темноте. Через несколько минут башни «Ташкента» открывают огонь по танкам на набережной и пристаням — это прикрытие нашей корабельной разведке.

А в паузы между залпами снова и снова направляем на город луч прожектора, пускаем сигнальные ракеты. Хоть бы фонарик мигнул в ответ, хоть бы пулеметная трасса в небо!..

Вдруг возникает перестрелка у причалов. Там Фельдман и его команда.

Долгое, томительное ожидание. Наконец радостный доклад сигнальщика:

— Барказ возвращается!

Башни уже прекратили огонь. Подхваченный параван-лебедкой барказ прямо с людьми поднимается на борт лидера.

— Двое легко ранены, — сообщает Фельдман, спрыгивая первым на палубу.

Минуту спустя слушаем его доклад. Барказ обошел все причалы. Приблизиться к ним удавалось метров на двадцать — двадцать пять. Несколько раз вступали в перестрелку. На всех причалах немцы (хорошо слышали немецкую речь и команды). У них там пулеметные точки, но плавсредств не заметно. Наших — никаких следов…

В рубку входит Еремеев.

— Товарищ командир, уже шестой час. Если уходить, то пора…

Это штурман выполняет данное ему указание: предупредить, когда останется минимум относительно безопасного времени для обратного перехода. С наступлением утра начнет активничать вражеская авиация.

— Можно ли считать, что нашего десанта в районе высадки больше нет? задаю я вопрос комиссару и старпому, а мысленно — и самому себе. Мы провели у Евпатории пять часов. Если бы в городе держалась хоть какая-то группа, она не могла нас не заметить и дала бы о себе знать. В этом теперь уверены мы все трое.

Радирую в Севастополь, что считаю целесообразным вернуться до рассвета. Не дождавшись ответа, приказываю катерам следовать в Стрелецкую. Через некоторое время покидает Евпаторийский рейд и «Ташкент».

В рубке со мной Коновалов, Орловский, Новик. Все в подавленном состоянии, ни о чем не хочется разговаривать. Единственное, что сделали — засекли две немецкие батареи, которые открыли было огонь по кораблю вслед за танками. Но посылали-то нас не ради этого. И что же все-таки произошло с десантным отрядом?

Возникает и такой вопрос: не расценят ли наши действия как невыполнение приказа со всеми вытекающими из этого последствиями?

На ФКП пропускают прямо к командующему. У него член Военного совета Н. М. Кулаков и кто-то из работников штаба. Командующий мрачен, таким я его, кажется, еще не видел. Прервав разговор, который шел до моего появления, спрашивает в упор:

— Десант вами высажен?

— Никак нет.

— Почему же? — вопрос звучит грозно, и заметно, что командующий с трудом себя сдерживает.

Стараясь быть кратким, повторяю то, о чем уже донес по радио.

— И все-таки надо было высаживать! — прерывает меня командующий. — Наши люди там погибают, а вы… Что молчите?!

Вошел дежурный:

— Товарищ командующий, шифровка…

Октябрьский пробежал глазами бланк и молча протянул Кулакову. Густые брови члена Военного совета сошлись над переносицей. Оторвавшись от бумаги, он глухо произнес каким-то чужим, очень усталым голосом:

— Идите, Ерошенко…

Потом я узнал, что шифровка была донесением разведчиков,

которых мы высадили у Евпаторийского маяка. Проникнув в город, они окончательно установили: десантный отряд уничтожен противником.

Еще позже я услышал от Филиппа Сергеевича Октябрьского:

— Все, что требовалось в той обстановке, «Ташкент» под Евпаторией выполнил.

В конце нашей январской стоянки в главной базе выдался очень напряженный день: гитлеровцы бросили на Севастополь огромное количество бомбардировщиков.

Самолеты идут волна за волной. Некоторые группы явно имеют целью причалы Южной бухты. Наша зенитная башня и батарея Гиммельмана ведут огонь почти непрерывно. Пообедать и то никак не удается. «Бачковые такой борщ принесли, что от одного запаха облизываешься, а он стынет!» — рассказывалось потом на юте. Но это уже вечером, когда все стихло. А пока не стемнело, было не до шуток. И короткий зимний день тянулся бесконечно.

— Часы, что ли, у меня останавливаются, — жаловался Еремеев. — Будто уж давно на них смотрел, а, если им верить, прошло три минуты…

За эти три минуты нам дважды казалось, что бомба если и не угодит в «Ташкент» прямым попаданием, то упадет катастрофически близко.

Но все обошлось. Лидер не получил никаких повреждений. Вечером командир БЧ-II доложил, что самая неотложная задача — пополнить зенитный боезапас: за день расстреляли почти весь имевшийся…

Мы ждали повторения массированных налетов на следующий день. «Ташкент» перешел к другому причалу. И новое, и прежнее места нашей стоянки с утра прикрыли дымовыми завесами. Но над бухтами появились лишь одиночные самолеты. Очевидно, фашистская авиация разрывалась между Севастополем и восточным Крымом, где наши войска продвинулись от Керчи довольно далеко.

Как ни беснуется враг, а в январе всем уже ясно:

Севастополь снова выстоял! Фашисты могут его бомбить, обстреливать, а вновь штурмовать у них пока не хватает сил — выдохлись…

«Летучий голландец»

Но если в самом Севастополе стало в общем спокойнее по сравнению с декабрем, то про морские подступы к нему этого не скажешь. Возобновив свои рейсы между главной базой и кавказскими портами, «Ташкент» почти каждый раз прорывается в Севастополь с боем.

У гитлеровцев прибавилось самолетов-торпедоносцев. Ялта сделалась базой итальянских торпедных катеров. А на севастопольские фарватеры фашисты все подсыпают и подсыпают мин.

Однако врагу не удается ни на один день закрыть фарватеры для наших кораблей. Моряки ОВРа — Охраны водного района, — ведущие здесь борьбу с минной опасностью, ухитряются брать на учет буквально каждую новую мину. На всем протяжении подходных фарватеров расставляются катера, сейнеры, барказы с наблюдателями. Там, где с самолета сброшена мина, сейчас же ставится специальная вешка, а точные ее координаты немедленно сообщаются кораблям.

На карте у Еремеева постоянно обозначено до десятка, а то и больше таких «минных вешек», места которых он обводит красными кружками. По мере ликвидации засеченных наблюдателями мин, о чем также поступают извещения от ОВРа, красные кружки стираются.

Все познается в сравнении. И в такой обстановке мы называем легкими те рейсы в Севастополь, когда «Ташкент» идет один и можно использовать машины на полную мощность. Труднее идти с транспортами. Уже одно то, что переход тогда вдвое-втрое дольше, резко увеличивает вероятность подвергнуться вражеским атакам. Однако «Ташкенту» удается пока проводить транспорты без потерь и самому избегать новых повреждений.

Очередной конвой ведем в феврале из Новороссийска. В конвое два крупных транспорта. Кроме лидера их охраняют, как обычно, катера-охотники.

В море выхожу под впечатлением взволновавшей меня приятной новости, которую узнал часа три назад.

В пятом кубрике шло корабельное партийное собрание… Обсуждались наши текущие боевые задачи: как лучше организовать на переходе наблюдение за морем и воздухом, как уберечь транспорты и свой корабль от атак торпедных катеров, с которыми мы еще не встречались, но, очевидно, вот-вот встретимся.

Дверь кубрика приоткрылась, и кто-то протянул сидевшим ближе к выходу номер газеты. Коммунисты стали передавать ее друг другу, и почему-то все посматривали на меня и улыбались.

Переходя из рук в руки, газета пришла и ко мне. Это был свежий номер «Красного черноморца», доставленный с какой-то оказией из Севастополя. На первой странице список моряков, удостоенных правительственных наград. И в перечне награжденных орденом Красного Знамени я вдруг обнаружил свою фамилию.

Коновалов, сидевший рядом, выхватил газету — он как раз собирался выступать — и прочел касавшиеся меня строки вслух. Все зааплодировали, стали меня поздравлять. Было неловко: казалось, с этим можно погодить до конца собрания. Но чувствовалось, что товарищи радуются за меня от души.

Награды я не ждал. На всей эскадре орденоносцев пока единицы, а на «Ташкенте» орден вообще первый. И разве мне одному он принадлежит?

Отвечая на поздравления, я сказал:

— Получить высокую награду я мог лишь потому, что командую таким замечательным боевым экипажем. И буду считать этот орден орденом корабля, который символически носит командир…

В море думается все о том, что награда обязывает воевать лучше, искуснее, добиваться большего, чем до сих пор. А смогу ли, сумею ли? Вспомнилось, как несколько лет назад командира одного миноносца наградили за успехи в боевой подготовке орденом «Знак Почета». Это был единственный орден на бригаде, и краснофлотцы на всех кораблях верили, что орденоносец — человек особенный, необыкновенный. А орден Красного Знамени имели тогда лишь герои гражданской войны.

На этом переходе нам сопутствует туман. С мостика вижу лишь мачты обоих транспортов. Катера словно растворились в затянувшей море белесой пелене.

Не выходят из головы «масы» — итальянские торпедные катера, которые уже потопили кое-что как раз в этом районе. Черт их знает, как они относятся к туману: пережидают его в Ялте или, наоборот, пользуются тем, что их сейчас уж никак не разглядишь? У них, говорят, тактика вообще несколько необычная: не ищут цель в море, а подкарауливают ее, лежа в дрейфе с застопоренными моторами — «засадный» метод.

Ждем катеров, но обнаруживают конвой старые «знакомые» — фашистские самолеты. Группа довольно большая, заходят с носа… Нам бы сейчас туман повыше, чтоб и мачты скрыл. Или хоть ход настоящий, а не двенадцать узлов, больше которых не

могут выжать транспорты!..

Лидер разворачивается, подставляя самолетам четвертую башню, главную нашу зенитную силу. Транспорты отвернули вправо и влево. Около них держатся катера, различимые в тумане лишь по вспышкам орудийных выстрелов. Падают крупные бомбы, поднимаются между «Ташкентом» и транспортами водяные столбы… Но и в этот раз конвой невредим.

Впереди севастопольские фарватеры. «Теперь уж туман совсем ни к чему», ворчит Еремеев. Ему видны лишь верхушки гор. Ни подходного буя, ни катера, который должен нас встречать… Но стопорить ход штурман не требует. Значит, в месте корабля уверен. А от тумана все-таки и тут есть прок — немецкие батареи, пристрелявшиеся к этому участку нашего маршрута, сегодня молчат.

На ФКП дежурный приглашает к командующему. Я не видел адмирала Октябрьского с того тяжелого дня, когда выяснилась судьба высадившегося в Евпатории отряда. Сегодня Филипп Сергеевич совсем иной.

— Прежде всего, поздравляю с наградой! — весело говорит он, поднимаясь из-за стола. — Считай, что это еще за Одессу. Поздравляю и желаю здоровья тебе и всему экипажу! Будете здоровы, будут и новые успехи. А награду сейчас вручим…

На корабль возвращаюсь с орденом.

Стоянка в главной базе недолгая, но беспокойная! то и дело вблизи «Ташкента» что-нибудь случается.

Главный калибр обстреливает вражеские позиции за Северной стороной. Одновременно зенитчики бьют по самолетам, появившимся на большой высоте над бухтами. Из-за Павловского мыска показалась самоходная баржа. Вот уже не вовремя несет ее зачем-то из Северной в Южную!.. Самолеты сбросили целую серию мелких бомб, и вода вокруг баржи словно закипела. Когда осели всплески, стало видно — баржа переломилась надвое и тонет…

Наш барказ у борта, старшина его, Николай Игнатов — на месте. Орловский бежит на крыло мостика с мегафоном, но Игнатов понял приказание уже по первому жесту старпома. Затарахтел мотор, и барказ идет подбирать команду баржи. Больше тут ничего уж не сделаешь.

Башни окончили стрельбу. Комиссар передает по трансляции сообщение с КП флагарта: цели, указанные нам, уничтожены. Ненадолго в бухте наступает тишина. Затем снова появляются самолеты.

Бомбят опять с большой высоты. Одна бомба попала в какой-то склад у причалов. Кирпич и куски железа падают на ют

«Ташкента», на площадку зенитчиков. Тараненко бросается со своей командой очищать палубу. Хочу остановить боцмана — убрать мусор успеется. Но в это время замечаю, что транспорт «Серов» он стоял у причала недалеко от нас — начал оседать носом. Значит, и ему досталось, а не только складу. Звоню в энергопост Сурину:

— Пошлите на «Серов» Кутолина с аварийной партией. Пусть захватят пластырь.

«Серов» как будто не тонет, хотя нос прямо повис на швартовах, натянувшихся как струна. Капитан Третьяков — мы с ним не раз встречались в кавказских портах — распоряжается на мостике…

«Ташкент» срочно переходит в другой конец бухты. Часа через два возвращается, отыскав корабль в новом месте, аварийная партия. Кутолин рассказывает: жертв на «Серове» нет, бомба разорвалась в пустом трюме и пробила днище. «Ташкентцы» завели пластырь. Вот когда пригодилось и это аварийное средство. По мнению Кутолина, транспорт выведен из строя надолго.

Приняв на борт раненых и группу женщин с детьми, «Ташкент» с наступлением темноты ушел на Кавказ. И каково же было мое удивление, когда через несколько дней я увидел «Серова» у причалов Поти!

Зашел к капитану Третьякову, спрашиваю его:

— Как же вы сюда добрались?

— Да так вот и добрались. Своим ходом.

— А днище?

— Зацементировали. Пока держится…

Постоянно соприкасаясь с моряками гражданских судов при проводке конвоев, я проникался все большим уважением к этим мужественным людям. Казалось естественным, что они, плавая много и далеко, весьма опытны в борьбе с морской стихией. Но война все же была не их делом. Думали ли они, что придется прорываться под огнем в осажденные врагом порты, заделывать пробоины от бомб и снарядов? А ведут себя в таких походах геройски.

Совместные плавания, общие задачи очень сблизили военных и «торговых» черноморцев. И всегда бывало приятно, если мы могли чем-то помочь нашим товарищам.

Помню, как-то в слякотный зимний день, когда «Ташкент» принимал в Батуми мазут, Фрозе заглянул в мою каюту и доложил, почему-то игриво улыбаясь:

— Вас желает видеть помощник капитана танкера… Входит помощник капитана в мокром резиновом плаще, откидывает

капюшон и оказывается черноволосой красавицей. Я встаю, торопливо застегивая верхнюю пуговицу кителя. А гостья уже излагает просьбу, которая привела ее сюда:

— Понимаете, в обязанности помощника капитана входят у нас и финансовые дела. Сейчас задержалась зарплата — никак не попадем в свой порт. Команда сидит без курева… Может быть, одолжите нам сколько-нибудь денег?

Давать в долг из корабельной кассы я, конечно, не имел права. Но в моем сейфе из месяца в месяц оседала часть получки, остававшаяся от выданного семье аттестата: когда живешь почти не сходя с корабля, тратить деньги некуда. Все, что у меня накопилось, я и отдал девушке с танкера.

Недели через три-четыре мы пришли в Туапсе. Как только «Ташкент» ошвартовался, знакомая девушка в капитанской тужурке появилась у нас на борту.

— Принесла долг, — сообщила она. — За задержку полагается извиняться, но с «Ташкентом» никак не встретишься. Носитесь, словно «Летучий голландец»!

Признаться, я позавидовал морякам танкера, у которых такой симпатичный и заботливый помощник капитана.

Февраль выдался морозный и штормовой. В Новороссийске свирепствует норд-ост, унося с домов крыши и вырывая с корнем деревья. Корабли, будто это не на Черном море, а на суровом Севере, возвращаются из походов с обледеневшими палубами и надстройками.

Новороссийск сделался основной базой «Ташкента» на Кавказе. А рейсы в Севастополь стали чередоваться у нас с походами в Феодосийский залив.

Еще в январе нашим войскам пришлось снова оставить Феодосию. Надежды на быстрое освобождение всего Крыма, охватившие многих после декабрьских десантов, не оправдались. Но Керчь и большой плацдарм вокруг нее в наших руках. И походы «Ташкента» к Феодосии — это поддержка фланга армии: производим огневые налеты по квадратам, указанным сухопутным командованием.

Идем туда вечером, ночью стреляем, к утру возвращаемся в Новороссийск. Днем принимаем боезапас и топливо, берем на борт маршевые роты и выходим в сумерках в Севастополь. После Севастополя — опять в Феодосийский залив до следующего утра…

В кают-компании долго смеялись, когда Николай Спиридонович Новик рассказал, как начальник артиллерийского склада заявил ему: «Не пойму все-таки, куда вы боезапас деваете. Корабль в гавани стоит, а снаряды чуть не каждый день

выписываете». Начальник склада видел «Ташкент» у причала, возвращаясь вечером со службы, и заставал на том же месте, когда шел на работу утром. Новику нелегко было убедить начсклада, что, пока он спит, лидер успевает побывать у берегов Крыма и выпустить все снаряды по врагу.

Стреляем без корректировщика — по площадям. Армейское командование благодарит за огневую поддержку и дает все новые заявки. Но о конкретных результатах этих стрельб на корабле мало что известно. Это огорчает краснофлотцев, особенно комендоров: им хочется знать, что же сделано за боевую ночь.

Младший политрук Гриша Беркаль пришел как-то к артиллеристам перед очередным выходом и «для быстроты» объяснил боевую задачу так:

— Идем туда же, делать будем то же.

И в ответ услышал от наводчика Сергея Шишкова, парня любознательного и дотошного:

— Неужели не могут поручить нашему кораблю что-нибудь более важное?

Молодому политработнику пришлось подробнее рассказать, как нужна сейчас огневая поддержка с моря нашим войскам.

Однообразные по характеру огневых задач выходы к Феодосии и Судаку были, однако, достаточно напряженными.

Раз пришли в назначенную точку, начали боевой галс, открыли огонь… С берега сразу же отвечает немецкая батарея. Надо бы изменить курс и скорость, пока она не пристрелялась, но не хочется мешать собственной стрельбе. И в этот момент замечаю низкий длинный силуэт корабля, который идет на пересечку нашего курса.

— Слева по носу подводная лодка! — раздается громкий голос старшины Михаила Смородина.

Лидер в выгодном положении для того, чтобы таранить лодку. Увеличить сейчас ход — и ей не отвернуть! А вдруг лодка наша? О том, что она может тут оказаться, никаких предупреждений не было. И все же я медлю: что-то подсказывает мне — это не враг.

Уже пересекая наш курс, лодка дает фонарем опознавательный сигнал. Так и есть — свои! А мы чуть было не пошли на таран. Потом выяснилось, что лодка ставила в заливе буи для ориентировки артиллерийских кораблей. А оповестить нас об этом кто-то забыл…

В другую ночь заставило поволноваться очередное замыкание противоминного защитного устройства. Только что сыграли — в сорока кабельтов от занятого противником берега — боевую тревогу для открытия артиллерийского огня. И вдруг на

полубаке, у правого клюза, вспыхивает, демаскируя корабль, целый факел.

Проклиная злосчастную размагничивающую технику, поворачиваю корабль на новый курс: надо уходить подальше от берега, пока нас не накрыли фашистские батареи. А на полубак уже кинулись Алексей Павлович Латышев и рабочий-электрик Семен Самуилович Юфа, который оставлен на корабле для присмотра за ненадежной обмоткой и сделался как бы членом нашего экипажа.

Корабль сильно качает. Полубак, захлестываемый волной, оброс на морозе коркой льда. Латышев принайтовал Юфу к леерной стойке. А сам помогает ему копаться в обмотке, держась одной рукой за якорь. Оба в первую же минуту промокли до нитки, потом одежда на них начинает обледеневать.

Но повреждение устраняется, и «Ташкент» возвращается на огневую позицию. Наши снаряды летят в темень непогожей зимней ночи.

«Ташкенту» выделено несколько дней для планово-предупредительного ремонта, срок которого уже давно прошел. Кают-компанейские острословы сочиняют за обедом каламбур: «Наш ППС дождался ППР!» ППС — давнишнее шутливое прозвище П. П. Сурина, образовавшееся из начальных букв его имени, отчества и фамилии.

К шуткам располагает общее настроение. У нас давно не было никаких передышек. Конечно, ремонт тоже потребует напряженной работы. Но все-таки люди смогут какое-то время нормально спать по ночам, отдохнут от бомбежек и обстрелов. Погреемся на солнышке — в Батуми, наверное, уже настоящая весна.

А в Новороссийске погода опять ни на что не похожа. Под вечер вдруг повалил густой снег. Эсминец «Шаумян», тоже отправляющийся в южные базы, скрылся за снежной завесой, едва выйдя из гавани.

Наш выход назначен на 22 часа. Снег валит так, что Фрозе и боцман решают сами стоять «впередсмотрящими» до выхода из Цемесской бухты. Идем самым малым. Чтобы не сбиться с фарватера, штурману приходится еще в бухте пользоваться эхолотом.

Миновав мыс Дооб, внезапно принимаем тревожный сигнал: «Шаумян» сел на камни и просит помощи.

Поворачиваем к бухте Рыбачья, где произошла авария. Но подойти к сидящему на мели миноносцу не дает осадка «Ташкента». Спускаем барказ, чтобы подать на миноносец буксирный конец. Однако никаких тросов не хватает — лидер

слишком далеко от терпящего бедствие корабля.

Тем временем получаем радиограмму от командира Новороссийской базы капитана 1 ранга Г. Н. Холостякова: «Спасательные средства высланы. «Ташкенту» следовать по назначению». Оставляем для спасателей поданный на корму миноносца буксир. Больше, к сожалению, ничем не могу помочь кораблю, которым несколько лет назад командовал. Но жизни моряков опасность не угрожает.

…В Батуми солнечно и тепло. Радует глаз яркая зелень. Контраст с Новороссийском особенно разителен после слепящего снегопада, из которого мы вышли каких-нибудь полсуток назад. Однако тишина тыловой базы, о которой все мечтали, скоро начинает тяготить.

— Зенитчики уж на что измотались, а и те ворчат на машинистов: из-за вас, мол, прохлаждаемся, — рассказывает Г. А. Коновалов. — Втянулся народ в войну и не хочет передышек, пока не разбит враг…

Стоило отоспаться, и на уме у всех одно — скорей бы в море.

Глава 7. Прорывая кольцо блокады

Трудные мили

Обычные у берегов Крыма весенние туманы в этом году особенно густы и устойчивы: после на редкость суровой зимы, охладившей море, очень велика разница температур воды и воздуха. Иной раз туман поднимается метров на сто от поверхности, а то и выше. Это уже надежная защита от самолетов. Но как в таком тумане без навигационных определений после перехода в сотни миль выйти к подходной точке узкого фарватера № 3, где начинается последний, всегда самый напряженный этап каждого рейса в Севастополь?

Однажды Еремеев решительно заявил, что не уверен в правильности места корабля, полученного по счислению. Идти на ура слишком рискованно: мины тут реальные. Посоветовавшись с комиссаром и старпомом, решаю переждать туман в море.

Быть может, некоторым морякам шестидесятых годов трудно представить, как это обыкновенный туман помешал хорошо оснащенному кораблю выйти к определенной точке побережья. Но я хочу напомнить читателям: радиолокация появилась на наших кораблях много позже. В то время, о котором идет речь, на Черноморском флоте лишь один новый крейсер имел локатор, но и тот мог использоваться только для обнаружения воздушных целей…

Лежим в дрейфе, а туман и не думает рассеиваться. На борту «Ташкента» тысяча красноармейцев, которые нужны в Севастополе. Да и не только поэтому нельзя нам бесконечно пережидать. При таком количестве пассажиров быстро сокращается запас питьевой воды.

Проходит день и еще ночь. На следующее утро кое-как уточнили свое место. И в нарушение установившегося с некоторых пор обычая решаем входить в Севастополь в светлое время.

А под берегом, оказывается, тумана уже и нет… На Инкерманском створе сразу попадаем под сильный артиллерийский обстрел. Снаряды ложатся угрожающе близко. Даю самый полный ход. Этого никогда не делал на севастопольских фарватерах, но сейчас ничего другого не остается.

Вышедшие навстречу торпедные катера ставят дымовую

завесу. Однако направление ветра неблагоприятное, и дым на этот раз мало нам помогает.

Нервы напряжены до предела. Так мы в Севастополь еще не прорывались. Гоню прочь навязчивую мысль, что можем буквально на последних милях утопить тысячу присланных с Большой земли бойцов. Но правильно или неправильно было вылезать днем из тумана, а теперь все равно нельзя ни возвратиться, ни отвернуть только вперед!

Обидно, что молчат, не отвечают на вражеский огонь наши орудийные башни. Когда и сами стреляем, легче на душе. Шарахнуть бы по этим проклятым батареям!.. Еремеев даже пытается засечь их по отблескам вспышек при залпах. Но батареи где-то за Качей, отсюда их не разглядеть. Да и нас оттуда не видно. Просто получили там сигнал, что идет корабль, и ведут заградительный огонь по фарватерам.

У самых бонов всплески встали такой стеной, что скрылся из глаз даже Константиновский равелин. Казалось, вот-вот корпус вздрогнет от прямого попадания тяжелого снаряда… Двадцативосьмиузловым ходом ворвались в Северную бухту. Уже тут, в бухте, старпом, стоявший у телефона, доложил:

— На палубе ранены осколками два красноармейца. Пробит борт в каюте Новика.

А в общем — прорвались!..

Час спустя наши артиллеристы «отводят душу», получив целеуказание от флагарта. Огонь опять корректирует старший лейтенант Сташкевич. В этот раз имеем даже прямую связь с ним на УКВ.

А вечером у нас гости. Журналист из «Красного черноморца» Владимир Апошанский, часто навещающий «Ташкент», привел на лидер Леонида Сергеевича Соболева, автора «Капитального ремонта», любимого писателя моряков.

Посидев немного в кают-компании, Леонид Сергеевич идет в кубрики и долго беседует там с краснофлотцами. На Черноморском флоте писатель уже давно. Не раз бывал и у нас на корабле. С боцманом Тараненко встречается как со старым знакомым. В «Красном черноморце» мы читаем его рассказы, посвященные героям одесских и севастопольских боев.

В Севастополе узнаем, что в то время, когда мы отстаивались в тумане, эсминец «Дзержинский», потеряв ориентировку, подорвался на мине…

Нам туман доставляет новые волнения на обратном пути. По всем данным, в районе фарватеров сохранялась приличная видимость. Но пока мы выходили из бухты, туманное облако успело придвинуться к берегу, и нам пришлось отдать якорь, не

дойдя до точки поворота в открытое море.

Берег близко, а у какого мы места — не поймешь. Между тем знать это нужно совершенно точно. Еремеев спускается с мостика на ют в надежде, что внизу, над самой водой, туман реже. Вслед за штурманом иду на ют и я. Мы долго всматриваемся в проступающие за кормой неясные очертания берега. Наконец узнаем мыс Феолент: во мгле пенятся волны под приметным обрывом.

Определившись по этому обрыву, благополучно выходим из зоны минных заграждений.

В мае, как и в апреле, продолжаем ходить в Севастополь главным образом из Новороссийска. Туда — с грузом снарядов и с пополнением для защищающих город частей, обратно — с ранеными, с женщинами и детьми, эвакуируемыми на Большую землю. Каждый раз оставляем севастопольцам горючее — 500 тонн мазута.

Я не пытаюсь рассказать обо всех этих походах — они были похожи один на другой. И уже ни один не обходился без столкновения с противником, без боя.

Постепенно отпадало конвоирование тихоходных транспортов: проводить их через заслоны усиливавшейся вражеской блокады становилось слишком трудно. Для транспортировки боевых грузов все шире использовались крейсера и эсминцы, а наряду с ними и подводные лодки. В отсеки они брали снаряды, а часть балластных цистерн заполняли бензином для самолетов-истребителей. Это было сопряжено с большим риском. В мирное время, пожалуй, никто не смог бы и представить такого использования подводных кораблей. Действительный случай тех дней — когда весь экипаж лодки потерял сознание, отравленный бензиновыми парами, и лишь один человек остался на ногах и обеспечил всплытие — описан в известном рассказе Леонида Соболева «Держись, старшина…».

Во время наших стоянок в Новороссийске у соседнего причала часто появлялась большая подводная лодка типа «Ленинец», тоже регулярно ходившая в Севастополь. Мы подружились с ее командиром капитаном 3 ранга Николаем Дмитриевичем Новиковым, перезнакомились и многие моряки двух кораблей. Воинский труд подводников тяжелее нашего. Но немало краснофлотцев лидера охотно поменялись бы с ними местами: для моряков надводных кораблей жизнь их товарищей из подплава окружена особой романтикой.

На войне мне часто приходилось замечать, как люди по-хорошему завидуют тем, кто делает что-то более опасное, более дерзкое. И при этом порой готовы забыть про свои опасности, к

которым успели привыкнуть. Сколько раз приходилось говорить краснофлотцам о том, что перевозки людей и грузов в Севастополь — важнейшая боевая задача. И весь экипаж выполняет ее самоотверженно. Но при этом «ташкентцы» не перестают с восхищением и тайной завистью смотреть на каждого, у кого больше, чем у нас, возможностей непосредственно бить врага.

Как-то в Севастополе лидеру отвели место у заводской стенки — там, где «Ташкент» стоял после дока, когда Фрозе привез меня из Ялты. Еще при швартовке я заметил на заводской территории железнодорожный состав необычного вида: обшитый стальными листами паровоз и платформы с сооружениями, похожими на корабельные надстройки, из которых торчат стволы орудий. Сразу догадался «Железняков»! Много приходилось слышать о боевых делах севастопольского бронепоезда, но увидел его впервые. Очевидно, он пришел на Морзавод ремонтироваться.

А вскоре на «Ташкент» прибежал радостно возбужденный артиллерист Владимир Педай — один из наших краснофлотцев, ушедших прошлой осенью в морскую пехоту. Оказавшись на корабельной палубе, он стал обнимать всех встречных, начиная с вахтенного у трапа. А «ташкентцы» бережно и уважительно касались новенького ордена Красной Звезды, сиявшего у него на груди.

После Одессы Владимир Педай попал в формировавшийся в Севастополе экипаж бронепоезда. Пушки на «Железнякове» ставили корабельные — с поврежденного эсминца, людей тоже набирали флотских, и нашего комендора использовали по прямой его специальности.

— Эх, видели бы вы, как мы фашистов бьем! — рассказывает Владимир обступившим его старым друзьям. — Выскочим из туннеля к Бельбекской долине и лупим прямо по их переднему краю. Пока авиацию вызовут, мы уже опять в туннеле! И на Балаклавской ветке были не раз. А когда обратно брали Мекензиевы горы, видел танки немецкие чуть дальше, чем отсюда наш полубак… Прямой наводкой по ним били!

Слушают Педая жадно, увлеченно. Только сигнал тревоги прерывает его рассказ. Краснофлотцы бегут на боевые посты. И комендор с «Железнякова» вместе со всеми. Ноги сами несут его на площадку зенитной батареи, к знакомому автомату.

Весной наша корабельная семья пополнилась новыми боевыми товарищами. В электромеханическую часть пришел призванный из запаса воентехник 1 ранга Иван Иосифович Высота, человек спокойного и твердого характера, годами старше всех наших механиков, не исключая и Сурина. Прислан он на

стажировку, с тем чтобы занять потом штатную должность на каком-нибудь другом корабле, и числится дублером командира машинной группы Кутолина. Но Высота оказался из людей той породы, что нигде не чувствуют себя временными, и мы все уже считаем его «ташкентцем». Быстро стал на корабле своим человеком новый начальник медико-санитарной службы Алексей Петрович Довгий, который сменил нашего Кудряшова, назначенного флаг-врачом бригады. Довгий — кадровый флотский медик, коммунист.

А один новый член экипажа, самый юный, появился на лидере не совсем обычным порядком и без чьего-либо предписания. Произошло это в Поти — после планово-предупредительного ремонта «Ташкент» заходил туда за снарядами для Севастополя.

День был промозглый, дождливый. Дежуривший по кораблю командир БЧ-IV Николай Яковлевич Балмасов поглядывал из своей рубки на унылый мокрый причал, куда должны были вскоре подать вагоны с боеприпасами. И вот внимание дежурного привлек робко приближавшийся к нашему трапу мальчуган лет двенадцати-тринадцати в не по росту длинном ватнике и съехавшей на лоб, тоже слишком большой, шапке-ушанке. Все это одеяние набухло под дождем, и мальчуган показался Балмасову похожим на промокшего, нахохлившегося воробышка. Заинтересовавшись, откуда взялся на территории военного порта этот, по-видимому, не здешний паренек и чего он хочет, дежурный подошел к вахтенному у трапа, с которым уже разговаривал «воробышек».

Выяснилось, что зовут мальчонку Боря Кулешин и родом он из Донбасса, где теперь немцы. Борин отец погиб на фронте, мать куда-то угнали гитлеровцы. Сам он сумел выбраться с оккупированной территории и, передвигаясь все дальше на юг — туда, где зимой потеплее, — очутился в конце концов в Поти. А к кораблю подошел, чтобы узнать — не возьмут ли его юнгой…

Мне все это стало известно часом позже, когда Боря Кулешин, уже пообедавший с краснофлотцами, но еще не просохший, был приведен дежурным в мою каюту. Балмасов тут же доложил, что за Борю ходатайствуют все комсомольцы БЧ-IV и он готов взять парнишку воспитанником в свое подразделение.

Что было делать? На некоторых черноморских кораблях подростки-воспитанники уже плавали, однако мне всегда казалось: на действующем флоте, в боевой обстановке им не место. А Боря мне понравился. Ростом невелик и исхудал донельзя, но видно, что не слабенький. Внимательно смотрят умные серые глаза… Не приходилось сомневаться — такого

полюбит весь экипаж. И я уступил просьбам командира и комсомольцев четвертой боевой части.

Тут же был вызван наш интендант Иван Тихонович Голуб, которому я поручил организовать пошив для Бори флотской формы. Комсомольский секретарь Михаил Смородин взялся обучать воспитанника сигнальному делу в своем отделении.

Но у сигнальщиков Кулешин пробыл недолго. Осмотревшись, он решил, что у зенитчиков — а их площадка видна с сигнального мостика как на ладони — гораздо интереснее. И когда при стоянке в Севастополе сыграли очередную тревогу, прибежал к зенитчикам и начал подавать им обоймы с патронами. Получалось это у него ловко, а треск автоматов над самой головой Борю нисколько не смущал.

Возвращать его в приказном порядке к сигнальщикам не имело смысла, и мне пришлось санкционировать «самочинный» переход корабельного воспитанника из четвертой боевой части во вторую, артиллерийскую. Командир зенитчиков Гиммельман закрепил его за расчетом старшины 2-й статьи Гутника, комсорга батареи. А главным воспитателем Бори сделался — кажется, к обоюдному их удовольствию — младший политрук Гриша Беркаль.

В начале мая завязались тяжелые бои на Керченском полуострове, где гитлеровцы обеспечили себе большой численный перевес. 19 мая наши войска снова оставили Керчь, освобожденную перед новым годом. Стало ясно: в любой момент можно ждать третьего штурма Севастополя, который уже давно готовил фашистский фельдмаршал Манштейн, получивший за минувшие месяцы и свежие части, и массу боевой техники.

О приближении штурма говорило и особенно упорное стремление противника окончательно перекрыть для нас морские пути к Севастополю. Для этого фашисты располагали теперь большими возможностями, чем когда-либо прежде. По сведениям флотской разведки, в Крыму находилось до полутораста неприятельских самолетов-торпедоносцев и бомбардировщиков с экипажами, специально обученными действиям против кораблей. Торпедные катера базировались уже не только в Ялте, но также в Евпатории и Ак-Мечети. А вражеские подводные лодки все чаще появлялись вблизи наших кавказских портов. Усилились воздушные налеты на Новороссийск и Туапсе, откуда большей частью выходили корабли, прорывавшиеся в Севастополь.

Чем настойчивее добиваются гитлеровцы полной морской блокады осажденного города, тем важнее ее срывать. Еще никогда Севастополь не нуждался в поддержке с Большой земли так, как теперь. И «Ташкент», как и новые быстроходные эсминцы,

продолжает, несмотря ни на что, ходить в главную базу кратчайшим курсом, совершая 180 — мильный пробег от Новороссийска почти по прямой.

— Знаю, знаю, что «Ташкенту» пора снова становиться на ППР, — сказал при очередной нашей встрече в Новороссийске начальник штаба флота контр-адмирал И. Д. Елисеев, хотя я вовсе не напоминал об этом. — Но придется еще немного потерпеть. Согласовал, с командующим, что задерживаю, — очень нужен корабль здесь.

Памятный Феолент

Очередной прорыв в Севастополь — 27 мая.

Вышли из Новороссийска под вечер. Ночь, ясная и лунная, с голубой дымкой над морем, застает «Ташкент» уже у берегов Крыма. В первом часу поднялся впереди обрывистый мыс Феолент.

Давно ли мы с Еремеевым с трудом опознали эту громадную скалу, когда корабль стоял в кромешном тумане прямо под ней! А сейчас так светло, что издали заметны углубления-пещерки с будто вымазанным известью нижним краем гнездовья бакланов.

При такой видимости можно поворачивать на фарватеры, не сбавляя хода. Еремеев прильнул к пеленгатору. Я не спускаю со штурмана глаз. Поворот… Изогнувшаяся кильватерная струя отливает серебром. Но любоваться не время: это место стало самым опасным. И не закончился еще поворот, как раздается выкрик сигнальщика:

— Торпедоносец слева, курсовой тридцать!

Торпедоносец, должно быть, сидел на воде, пользуясь полным штилем, и только что взлетел для атаки.

Трещат наши автоматы, бухает главный калибр. Но самолет так близко, что мог сбросить торпеду и до того, как мы его заметили. Повернув корабль прямо на него, я, кажется, забыл про все на свете фарватеры и мины.

А справа, между нами и берегом, вдруг просвистели и разорвались, вздыбив воду, бомбы. Ого, удар-то, оказывается, комбинированный!..

Командую на руль, пытаясь угадать, где лягут следующие бомбы. И в этот момент слышу отчаянный голос Еремеева:

— Выходим на минное поле!

Да, о фарватерах забывать нельзя, даже если тебя атакуют сразу с двух сторон.

Торпеды — их две — проходят вдоль борта. Смотрю на их след, очень отчетливый, и вытираю вспотевший лоб. «Ташкент» уже на фарватере. А отвернули все-таки удачно, хотя чуть было и не выскочили туда, куда выскакивать нельзя.

Немного успокоившись, восстанавливаю в памяти последовательность быстротечных событий. Случайно ли совпали атака торпедоносца и бомбежка? Или это так и замышлялось? Если последнее верно, то, конечно, главная роль отводилась торпедоносцу. А бомбы — чтобы кораблю, маневр которого в этом месте и без того стеснен, было еще труднее уклониться от удара.

В Севастополе стоим до наступления темноты, и весь день не

дают покоя бомбардировщики. Сигнальщики подсчитали, что за часы этой стоянки только в бухту упало сто сорок бомб. Большая часть экипажа неотлучно на боевых постах, я все время на мостике или в рубке. Наши башни ведут огонь по фашистским позициям, до которых — это видно по установке прицела — нет и десяти километров…

После этого похода командование решило изменить устоявшееся «расписание» наших рейсов. «Ташкент» будет выходить из Новороссийска не вечером, а в середине дня, с тем чтобы в 23–24 часа быть уже в Севастополе. Выход оттуда в 2–3 часа ночи. Таким образом, исключаются дневные стоянки в севастопольских бухтах. Зато больше светлых дневных часов придется проводить в море. В связи с этим «Ташкенту» выделяется небольшое авиационное прикрытие с кавказских аэродромов. «Ястребки» могут провожать нас миль на семьдесят от Новороссийска и на таком же расстоянии от него встречать на обратном пути. Это меньше половины всего перехода, но и то хорошо. «Юнкерсы» и «хейнкели» летают над морем без сопровождения «мессершмиттов», и потому даже звено наших истребителей кое-что значит.

«Ташкенту» все-таки дали очередной планово-предупредительный ремонт — без него не обойтись. Постоянное форсирование механизмов при уклонении от ударов с воздуха или артобстрела не проходит бесследно.

Мы возвращались из Севастополя, когда вахта внезапно обнаружила, что кирпичная кладка заднего фронта третьего котла выплавилась и прогорел железный кожух. Котел был выведен, и через два часа в еще пышущую жаром топку влез командир третьего котельного отделения старшина 2-й статьи Николай Кудрявцев. Задыхаясь в горячем воздухе, он заложил задний фронт котла асбестом. Котел ввели в строй, и если бы обстановка потребовала развить самый полный ход, он был бы обеспечен.

Но, конечно, асбест — средство сугубо временное. Выслушав доклад флагманского механика базы об этом случае, контр-адмирал И. Д. Елисеев принял решение безотлагательно отправить «Ташкент» в Батуми.

Там мы и услышали июньским утром в сводке Совинформбюро: «Под Севастополем наши войска отражали ожесточенные атаки перешедшего в наступление противника…» Значит, третий штурм. А у нас ремонт…

Он шел уже к концу, когда 17 июня меня вызвали семафором на крейсер, стоявший у противоположного причала батумской гавани. На крейсере находился начальник штаба эскадры.

— Лидер «Харьков» по пути из Севастополя атакован бомбардировщиками, сказал начштаба. — Лидер поврежден и остался без хода… Ни одного быстроходного корабля, кроме «Ташкента», в Батуми и Поти нет. «Ташкент» числится в суточной готовности. Это, понятно, не устраивает. Когда сможете выйти фактически?

— Доложить немедленно не могу, — честно признался я. — Надо поговорить с Суриным.

Возвращаюсь на катере на свой корабль. Коновалов и Орловский ждут на палубе. В двух словах объясняю им обстановку. Вызываем Сурина, Кутолина, Колягина. Тут же политрук Смирнов. Павел Петрович достает из кармана «колдунчик» и, не отрываясь от него, слушает своих помощников, вполголоса докладывающих о состоянии отдельных механизмов. Потом с минуту молчит, словно забыв о моем присутствии. Наконец решительно произносит:

— Через полтора часа дадим ход.

Суточная готовность есть суточная, и инженер-механик вправе располагать этим сроком в интересах ведущихся на корабле работ. Но многоопытный Сурин привык к вводным и назначает подчиненным свои сроки. Котлы у него всегда щелочатся так, чтобы ни одного отделения полностью не выводилось из строя. А с неудобствами такого ремонта Павел Петрович не позволяет считаться ни себе, ни другим.

«Ташкент» вышел из гавани не через полтора часа, а через час пятнадцать минут. Быстро развиваем самый полный ход. Лаг показывает сорок три узла, и это еще не предел. Кажется, будто лидер почти летит над морем. Полубак слегка приподымается, за кормой клокочет бурун.

И совсем нет дыма, из труб вырывается лишь прозрачный горячий газ. Котельные машинисты, от которых больше всего зависела сама возможность экстренного выхода, искусно держат нужное давление пара. И в том, и в другом сегодня еще раз проявилось мастерство мичмана Василия Матвеевича Матвеева, старшин Василия Удовенко, Николая Кудрявцева, Ивана Дурнеева и их подчиненных.

А у турбинистов, когда я вернулся с крейсера, были еще разобраны некоторые вспомогательные механизмы. И тоже справились, успели! Команда мичмана Алексея Никитича Сазонова славится своими старшинами. Ученики Сазонова — Георгий Семин, Константин Иванов, Семен Якимов — едва ли не лучшие на корабле командиры отделений: всегда подтянутые, требовательные, отлично знающие свое дело. И среди рядовых турбинистов есть настоящие мастера. Особенно Петр Ковалев,

Иван Петров, Алексей Алексеев… Сегодня все они вместе со своими командирами показали, на что способны.

— Считайте, что «Ташкент» проходит дополнительные ходовые испытания! говорю по телефону Сурину. — И проходит отлично!

Идем самым полным несколько часов. Командир «Харькова» капитан 3 ранга П. А. Мельников сообщил по радио, что корабль уже дал ход и идет нам навстречу. Пока мы вводили в действие котлы «Ташкента», «харьковчане» тоже, очевидно, делали все, что было в их силах.

Позже мы узнали: на лидере вышли из строя все котлы — полопались и потекли трубки от сотрясения корпуса при близких разрывах бомб. Котельные машинисты, самоотверженно работая в горячих котлах, заглушили поврежденные трубки и вернули своему кораблю ход.

Вновь отличились те же люди, которые спасли его год назад под Констанцей…

Когда мы встретились с «Харьковом», он практически уже не нуждался в помощи. Но дело могло обернуться всяко. И команда боевого собрата восторженно приветствует «Ташкент». На фалах «Харькова» трепещут флаги, передающие благодарность за выручку скупым, но выразительным языком флотских сигналов. Два лидера вместе идут к кавказскому берегу.

— Разрешите заканчивать планово-предупредительный ремонт? — официальным тоном спрашивает поднявшийся на мостик уже в базе Сурин.

Павел Петрович сдержан и хмур. Он сделал все мыслимое и немыслимое, чтобы обеспечить экстренный выход корабля. И сделал бы все это опять, поступи какая-нибудь новая вводная. Но теперь, когда вся горячка позади и «Харьков» благополучно дошел до базы, инженер-механик не считает нужным скрывать, как жалко ему потерянных для ремонта часов.

Спешно завершив последние работы, грузим в Поти боеприпасы и полным ходом идем в Новороссийск. Все понимают: оттуда сразу пошлют в Севастополь.

Камышевая бухта

В Новороссийске получаем предпоходный инструктаж вместе с капитан-лейтенантом Петром Максимовичем Буряком, командиром эскадренного миноносца «Безупречный». Нам объявлено, что теперь мы будем ходить в Севастополь вместе. Понимать это следует, впрочем, не буквально: скорость хода наших кораблей неодинакова. «Безупречный» будет выходить из Новороссийска на полтора-два часа раньше, а «Ташкент» — нагонять его в пути и первым приходить в Севастополь.

Петра Максимовича я знаю уже несколько лет — с тех пор, как перешел с тральщиков на сторожевики. Он служил тогда штурманом дивизиона сторожевых кораблей. А впоследствии стал штурманом бригады эсминцев. Вообще же Буряк из торгового флота, штурман дальнего плавания. И в дивизионе, и в бригаде он многому научил молодых командиров кораблей. Но самого его не очень удовлетворяла штабная работа — тянуло на командную. И ему вверили один из новых эсминцев, начавших поступать на флот.

У «Безупречного», как и у его командира, отличная боевая репутация. С начала войны корабль наплавал свыше 25 тысяч миль, с честью выполняя самые сложные задачи. Десятки раз он подвергался массированным воздушным атакам, но всегда успешно их отражал, сбив при этом несколько вражеских самолетов. Одним словом, «Безупречный» надежный товарищ в бою.

С Петром Максимовичем плавает его семнадцатилетний сын Володя. Парнишка рвался воевать, и отец с разрешения начальства взял его на корабль юнгой-зенитчиком. Держит он сына строго, отношения — как у командира с подчиненным.

На инструктаже знакомят с обстановкой в Севастополе. Положение там тяжелое. Враг третью неделю штурмует город. Наши части сражаются геройски, наносят контрудары. С ходу была введена в бой 138 — я стрелковая бригада, доставленная в Севастополь с Большой земли уже в дни июньского штурма. Но у противника огромный численный перевес. Немцам удалось прорваться к Северной бухте. Вход в нее, как и в Южную, даже ночью исключен. Поэтому ходить отныне будем в бухту Камышевую. Там предстоит нам высадить 142-ю стрелковую бригаду, переброска которой в Севастополь — основная задача «Ташкента» и «Безупречного» на ближайшие рейсы.

Признаться, я не сразу вспомнил, как выглядит эта Камышевая вблизи. Просто ни к чему было проявлять к ней

особый интерес, раз ты командуешь довольно крупным кораблем. В тесной Камышевой бухте, врезающейся в берег западнее Стрелецкой, всегда стояли лишь мелкие вспомогательные плавсредства. Сейчас, как нам сообщили, туда приведена в качестве временного причала железная баржа. Ошвартоваться у нее может лишь один корабль. Поэтому разгружаться и принимать раненых надо побыстрее. Развернуться в бухте «Ташкент» не сможет, выходить только задним ходом.

И еще об одном нас предупреждают: Камышевая бухта, как и все в Севастополе, под артиллерийским обстрелом.

Вернувшись из штаба базы, я вызвал в рубку Орловского, Новика, Еремеева, Балмасова. Пришел и комиссар. Мы обсудили практические вопросы обороны корабля на переходе. Учитывая опыт кораблей, уже встречавшихся под Севастополем с торпедными катерами, решаем предоставить больше самостоятельности командирам башен и орудий.

Перед выходом Новик инструктирует их так:

— Кто заметил катер — открывает огонь. Остальным немедленно присоединяться. В общем, принцип такой же, как у зенитчиков при появлении самолетов. Только не забывать, что нас будет встречать катер или тральщик севастопольского ОВРа…

Кроме боеприпасов, которыми загружены кубрики еще в Поти, мы приняли на борт муку, крупу, сахар — в Севастополе иссякают запасы продовольствия. После погрузки на верхней палубе размещаются армейцы.

До меридиана Керченского пролива нас сопровождают истребители. В сумерках обгоняем «Безупречный», вышедший из Новороссийска двумя часами раньше. Пока все спокойно. Но рассчитывать, что проскочим не замеченные противником, теперь не приходится. Гитлеровскому командованию известно: наши корабли на день в Севастополе больше не остаются, уходят обратно в ту же ночь. Значит, не так уж сложно высчитать, когда и где можно нас застать.

Хуже всего, если атакуют в зоне фарватеров. Но, кажется, к этому и идет. Когда были уже недалеко от Феолента, над нами покрутился разведчик. Теперь бомбардировщики не заставят себя ждать — они у фашистов близко.

Держим полный ход. Быстро приближается ожидающий нас у буя тральщик. Он передал опознавательные, а вслед за тем — семафор: «Имею указание проводить вас по фарватерам. Следуйте за мной. Мой ход 14 узлов».

Ну нет, четырнадцать узлов нас сейчас никак не устраивают! А с фарватерами мы уже достаточно знакомы. Диктую Балмасову ответный семафор: «Имею ход 38 узлов. Прошу отойти с

фарватера».

Тральщик подчиняется. «Ташкент» проносится мимо, качнув его на поднятой могучими винтами волне.

Кое-что мы тут выиграли: бомбардировщики застают «Ташкент» уже вблизи Херсонеса. Отбиваемся, не сбавляя хода. Бомбы падают довольно близко, хотя это и не пикировщики. Страшно за армейцев, расположившихся на палубе: когда там такая скученность, один осколок способен задеть десятерых.

— Иван Иванович, выясните, есть ли на палубе раненые, — прошу старпома, как только бомбежка кончилась.

Оказывается, все наши пассажиры невредимы. Не имеет повреждений и корабль. Прорвались еще раз.

С максимальной осторожностью ввожу «Ташкент» в Камышевую. Чтобы ориентироваться, приходится посветить прожектором на место швартовки. Действительно, стоит короткая железная баржа с деревянным привальным брусом. Что ж, подойти можно. На берегу еще издали вижу множество людей — очевидно, раненые. Их скопилось столько потому, что несколько дней в Севастополь не приходили крупные корабли. У баржи рядами стоят носилки. Уже приготовились, к посадке… А нам еще надо сперва разгрузиться.

На палубе распоряжаются Орловский и Фрозе. Я не схожу с мостика. Остаются на своих местах штурман, рулевой, котельные машинисты и турбинисты, вся ходовая вахта. На берег сходят лишь краснофлотцы, выгружающие снаряды и продовольствие, да и то не дальше нескольких метров от причальной баржи. Там ждут пришедшие за боеприпасами грузовики. За машинами строятся в темноте прибывшие на «Ташкенте» бойцы.

С нашего высокого мостика виден город. Не так, конечно, как при стоянке в Северной или Южной бухтах, которые и сами-то — часть города. От Камышевой Севастополь в стороне и, наверное, едва различался бы, будь эта ночь просто летней крымской ночью с темным небом и мерцающими звездами. Но город выхвачен из темноты зловещим заревом, в котором слились пламя пожаров, вспышки орудий, разрывы снарядов и бомб. Все небо над ним исчерчено фейерверком разноцветных огненных трасс.

Смотрю в бинокль на холм Владимирского собора-усыпальницы великих русских адмиралов — и с трудом узнаю знакомые дома вокруг: так изуродовали их бомбежки последних недель. Нетронутым кажется лишь зеленый массив Исторического бульвара, увенчанного круглым зданием панорамы.

С разгрузкой справились за два часа с небольшим. «Безупречный» уже в бухте, ждет места у причала. Спешим принять раненых. Сперва несут в кубрики тяжелых.

Те, кто способен держаться на ногах, помогают нашим краснофлотцам и бойцам медсанбата. Вижу с мостика, как четверо раненых — кто с одной рукой, кто на костыле — вносят на борт пятого, лежащего на носилках…

В ноябре, когда в первый раз привезли на «Ташкент» из Морского госпиталя четыреста раненых, вся команда была озабочена тем, как обеспечить каждому отдельную койку. Теперь раненые быстро заполняют всю верхнюю палубу. Принимаем на борт почти две тысячи человек.

Тех, что остались на берегу, возьмет «Безупречный». «Ташкент» отходит от баржи. Задним ходом надо идти примерно три кабельтова, причем и справа, и слева — гряды подводных камней. Еремеев стоит рядом со мной. Наш обстоятельный штурман мог бы быть тут и лоцманом: уже знает наизусть все детали навигационной обстановки в районе бухты.

Рассвет встречаем на фарватерах. Море такое спокойное, что кажется маслянистым. Разрезанная форштевнем вода тяжелыми пластами опадает у обводов полубака, лениво пенится вдоль бортов.

— А ведь сегодня двадцать второе июня, — задумчиво произносит Григорий Андреевич Коновалов. — Ровно год воюем. И все началось вот в такой же тихий рассветный час…

Действительно, этим утром исполняется первая годовщина войны. Как же не вспомнилось это ни вчера, пока шли к Севастополю, ни в те часы, что стояли в Камышевой? Даже мелькнувшая перед глазами запись в вахтенном журнале «22 июня, понедельник» показалась самой обычной. Вот до чего «заели» мысли и заботы о том, что надо делать сейчас, немедленно, сегодня… Да, пожалуй, и не такая это дата, чтобы хотелось ее вспоминать. Когда-нибудь потом, после войны другое дело, если будем живы…

На крыло мостика, где стоим мы с Коноваловым, выходит старпом. В полусвете утренних сумерек лицо его, как и лицо комиссара, выглядит осунувшимся и бледным. Орловский говорит, словно отвечая вслух на свои же мысли:

— В декабре тоже было очень тяжело, но Севастополь отстояли. Будет и теперь что-то сделано, чтобы оттянуть силы противника… Знаете, что я вчера слышал от краснофлотцев, когда начали грузить продукты? «Раз муку и сахар везем, значит, там держатся!..»

Конечно, держатся. Севастополь по-прежнему сковывает огромные вражеские силы — сотни тысяч солдат, которым по планам германского генштаба, вероятно, давно полагалось быть далеко отсюда. А гадать, выстоит или нет Севастополь в июне, я

не могу — об этом и думать-то тяжело, не то, что говорить. Но сравнивать июнь с декабрем нельзя: тогда городу было все-таки легче.

С сибиряками не пропадешь

Очередной выход в Севастополь в 16 часов 24 июня. Экипаж отдохнул, хотя особенно отсыпаться и не пришлось. Надо было принимать топливо и боезапас, грузить снаряды и продовольствие. Все это неоднократно прерывалось тревогами над Новороссийском то и дело появлялись фашистские бомбардировщики.

Принимаем новые подразделения сибиряков — так теперь все называют бойцов 142-й бригады. На палубу вкатывают с причала армейские зенитные орудия. Руководит этим рослый старший лейтенант в пилотке набекрень, которого я сразу узнал: еще перед прошлым нашим рейсом он пытался погрузить на «Ташкент» свою зенитную батарею сверх всяких норм и возможностей. Ничего не добившись тогда от Орловского и Фрозе, старший лейтенант прорвался ко мне на мостик. Стоило немало труда втолковать ему, что корабль загружен уже до отказа.

Сибиряков у нас набирается до тысячи человек. Около шестисот — на «Безупречном». Люди прямо рвутся в бой. Их стремление быстрее попасть в Севастополь — горячее, искреннее. А ведь, конечно же, понимают, что многие, очень многие оттуда не вернутся.

Уже в море армейские командиры под руководством нашего Новика расставляют на полубаке, на юте и по бортам станковые пулеметы и противотанковые ружья дополнительные огневые средства могут пригодиться, если нас атакуют торпедоносцы или катера. Вижу рядом с Новиком опять того же старшего лейтенанта, что-то доказывающего Николаю Спиридоновичу. Как потом я узнал, армейский зенитчик был недоволен тем, что его орудия «зажаты» в проходах. Осмотревшись на корабле, он предлагал передвинуть их на полубак, где батарея получала отличную «огневую позицию», но очень мешала бы нашим носовым башням.

— Какой народ! — восторгается Орловский. — Второй час на корабле, и уже как дома! А посмотрите на ту девушку. Откуда у нее такое спокойствие?

Девушка, которая привлекла внимание старпома, присела на кожух вентилятора и задумчиво смотрит на море. Она в гимнастерке и пилотке, в солдатских сапогах. Должно быть, медсестра. Вся поза девушки действительно полна какого-то глубокого покоя. О чем она думает? Представляет ли, какие испытания ждут ее в Севастополе? Наши краснофлотцы, проходя

мимо, глядят на нее с нескрываемым восхищением. И она заслужила его уже тем, что находится здесь.

— Ладно, Иван Иванович, — отвлекаю я старпома от наблюдений за верхней палубой, — Давайте-ка сигнал на ужин, пока еще вокруг тихо!..

В этот раз первый, самолет-разведчик показался вблизи корабля раньше обычного — еще в зоне действия нашей истребительной авиации. Разведчика отогнали шрапнелью. О том, что он нас обнаружил, сообщили на аэродром истребителей, с которым имеем прямую связь. Балмасов доложил: Буряк тоже доносит о воздушном разведчике и: просит прикрытия.

Вскоре группа «мигов», помахав нам крылышками, проносится дальше на запад. Там уже виднеются мачты «Безупречного», которого мы догоняем. А несколько минут спустя со стороны крымского берега появляются «хейнкели».

Играем боевую. Армейцы на палубе прилаживаются к своим пулеметам. Балмасов по радио предупреждает о противнике наших «ястребков». «Вижу, — отвечает командир звена. — Сейчас мы им дадим!».

«Хейнкели» разделяются на две группы. Ту, что устремилась к «Безупречному», с ходу атакуют «миги», и кажется, что воздушный бой завязался прямо над эсминцем. Другую группу, нацелившуюся на «Ташкент», встречает завесой шрапнели наша четвертая башня. Вслед за ней открывают огонь автоматы.

— Сбит фашист! Сбит! — доносятся сквозь треск пальбы чьи-то возгласы. Сбит там, над «Безупречным». В бинокль вижу, как падает в море дымящийся бомбардировщик. Сбили его, очевидно, истребители. Армейцы у нас на палубе кричат «ура».

— За своими следить! За своими! — строго напоминает Балмасов сигнальщикам. «Свои» — это те «хейнкели», которые атакуют «Ташкент».

Они проходят над лидером довольно высоко, окруженные разрывами наших снарядов, и сбрасывают бомбы неточно, далеко от корабля. Уже отбомбившись, два самолета почти одновременно выходят из общего строя, и за обоими начинают тянуться хвосты черного дыма. Это работа нашей «башни смеха». Однако подожженные «хейнкели» не хотят падать в море. Снижаясь и дымя, они тянут к берегу. Но к кораблю эти два сегодня уж не вернутся.

На сорокаузловом ходу догоняем и оставляем позади «Безупречный», для которого максимум — тридцать четыре узла. Пока корабли близко, обмениваемся с Буряком семафорами. «Все в порядке, готовы к отражению новых атак», — передают от Петра Максимовича. На палубе у него такая же картина, как и у нас:

сибиряки, расставив где только можно свои пулеметы и «пэтээры», держат круговую оборону.

«Ястребки», сделав над кораблями прощальный круг, поворачивают к Новороссийску — провожать нас дальше они не могут. А вражеские аэродромы будут все ближе и ближе.

— Перерыв окончен, идут опять… — объявляет полчаса спустя Орловский. Зоркий старпом, почти не отрывавшийся все это время от бинокля, первым заметил новую группу самолетов, опередив сигнальщиков.

Это снова «хейнкели», быть может, те же самые, успевшие заправиться и подвесить бомбы. Опять разделяются на две группы. А высота теперь другая, не больше тысячи метров. Знают, что мы уже без прикрытия, и ведут себя нахальнее…

Бомбы ложатся ближе, чем в первый раз. Делая резкие повороты, «Ташкент» срезает бортом не успевшие осесть водяные столбы. Они рушатся на палубу, надстройки, мостик.

Ослепленный хлынувшим и на меня «душем», я пропустил мгновение, когда в бомбардировщик попал зенитный снаряд. Отряхиваясь от воды, слышу крики восторга на палубе и лишь тогда замечаю падающий самолет. Молодец Макухин! Впрочем, вероятно, и автоматы Гиммельмана ему помогли.

Наступает передышка, но она короткая — впереди еще одна группа бомбардировщиков. Поворачиваю прямо на них, так выгоднее. Тем временем сигнальщики успевают связаться с «Безупречным». Там, как и у нас, ни потерь, ни повреждений нет.

Отбиваем новую атаку. Общий огонь корабельных и армейских зенитных средств сливается в оглушающий треск. Но огонь огнем, а не меньше значит и маневр. Стараюсь не пропустить момент, когда первые бомбардировщики подойдут к точке сбрасывания бомб, и круто поворачиваю корабль влево. Поворот выручает — бомбы ложатся в стороне. И еще один самолет задымил. Ну и день сегодня у наших зенитчиков! А до «Безупречного» эта группа бомбардировщиков не дошла разрядилась по «Ташкенту», ничего не достигнув.

Солнце наконец садится в море, окрасив полнеба багровым заревом заката. В густых сумерках проходим мимо далекой Ялты. Смутно белеют в окулярах бинокля корпуса бывших санаториев. Все еще трудно представить, что и в этих светлых дворцах хозяйничают фашисты.

Остаток пути до Феолента проходим спокойно. Но если было столько атак в открытом море, то тут уж нас обязательно кто-нибудь ждет. Новик еще раз напоминает командирам башен: по катерам, как и по торпедоносцам, огонь открывать самостоятельно!

Обрывистый мыс вырастает прямо по курсу черной стеной. Темнота скрадывает расстояние. Кажется, корабль вот-вот врежется в громадную скалу. Сейчас поворот… Еремеев прильнул к пеленгатору. И в этот момент — почти одновременные доклады дальномерщика и сигнальщиков:

— Катер справа без хода!

— Катер слева! Дал ход!..

Гремят выстрелы носовых башен. К ним присоединяются зенитки — батарея Гиммельмана в первый раз бьет не по самолетам, а по морской цели.

Вот и встретились с «масами». Два итальянских катера подкарауливали лидер, дрейфуя с выключенными моторами. Рассчитывали, очевидно, атаковать с предельно короткой дистанции именно там, где близость берега ограничивает наш маневр.

Но атакуем мы! «Ташкент» первым открыл огонь, не пропустив и момент поворота.

— На катере взрыв! — кричит сигнальщик. Вижу и сам: один из «масов» охвачен огнем. Затем его заслоняют всплески от наших снарядов. Другого катера не видно, однако ясно, что и у него, атака не получилась. «Ташкент» мчится дальше к Херсонесу. Внезапно наш курс пересекает на бреющем какой-то большой самолет, должно быть, взлетевший с воды торпедоносец. Он так близко вынырнул из темноты, что на мгновение показалось: вот-вот столкнется с кораблем или пройдет прямо над полубаком. Наши пушки и пулеметы сибиряков бьют по шарахнувшейся в сторону машине чуть не в упор. Не попасть в нее просто невозможно, и самолет плюхается в воду. Какой-то шальной торпедоносец! Торпед он не сбросил и сам подставил себя под удар.

На Инкерманском створе сбавляем ход. Теперь уж, считай, мы в Севастополе. Как-то там «Безупречный»? Он еще только подходит, к фарватерам…

Во второй раз уже увереннее входим в Камышевую, ориентируясь по темной башне Херсонесского маяка и едва мерцающим синим огонькам створных знаков. Причальная баржа полузатоплена — очевидно, за это, время в нее попал снаряд. Через осевшую баржу перекинут на берег деревянный мостик. На берегу та же картина: ряды носилок и толпа ходячих раненых. Кажется, их еще больше, чем в прошлый раз. Над Севастополем — такое же зарево. Как только остановили машины, стал тревожно громким непрестанный гул артиллерийской перестрелки вокруг города.

Сибиряки, выкатив на берег свои пушки, помогают

краснофлотцам выгружать боеприпасы. Удивительно ладные, сноровистые эти солдаты, нигде не теряются. На корабле чувствовали себя словно дома. И здесь, на отрезанном от Большой земли «пятачке», тоже сразу ведут себя по-хозяйски. Такие люди, вероятно, способны творить в бою чудеса.

С берега несут раненых. Часть их доставлена прямо с передовой. Мы готовы и к этому: в кают-компании развернута операционная.

Пока переносят на корабль тяжелых, остальные раненые, придвинувшись к цепочке краснофлотцев, стоят на берегу сплошной стеной. Стоят молча, терпеливо. Даже когда в маленькую бухту залетает шальной снаряд, в толпе за баржей ни движения, ни вскрика.

— Общая посадка! — командует Сергей Фрозе, и молчаливая стена людей приходит в движение. Живой поток растекается по палубе, заполняет кубрики, переходы…

Через некоторое время я подаю Фрозе знак, и из динамика, обращенного к берегу, раздается его голос:

— Посадка прекращается! Остальных возьмет второй корабль!..

«Безупречный» уже здесь, отдал якорь посередине бухты. Но не слишком ли много пассажиров мы ему оставляем?

— Сколько раненых принято?

Орловский и Фрозе не могут назвать точной цифры. Были поставлены на барже специальные счетчики, но они сбились.

Выяснив обстановку в низах, — оказывается, кое-где еще можно потесниться возобновляем на минуту-полторы общую посадку. Теперь уже больше некуда. Краснофлотцы боцманской команды, остававшиеся на барже, сами отдают швартовы.

Задним ходом «Ташкент» проходит в нескольких метрах от «Безупречного». Петр Максимович Буряк стоит, как и я, на крыле мостика. Лица в темноте не видно, но узнаю его по широкой плечистой фигуре и хрипловатому голосу.

— Несколько красноармейцев легко ранены, — сообщает Буряк. — В остальном порядок.

— Не задерживайся, Петр Максимович! — советую ему. — А то как бы не поднялся к утру ветер…

— Понял. Счастливого плавания!

И разошлись наши мостики. Не подсказало мне сердце, что вижу Буряка, говорю с ним в последний раз…

Пока спокойно, «ташкентцы» стараются получше устроить раненых. Коновалов рассказал на мостике, что Латышев перенес раненую женщину и двоих ее детей в свою каюту. В кубриках и на палубе за ранеными ухаживают наши боевые санитары. С ними и

Боря Кулешин. Шустрый мальчонка в матросской форме одним своим видом ободряет и радует измученных людей.

Много горячей работы навалилось на наших медиков. У них в лазарете обстановка, как в полевом госпитале. На мостик доложено, что Николай Федорович Куликов, второй наш врач, произвел несколько не терпящих отлагательства ампутаций… «Все будут жить!» — заверил он старпома по телефону. На борту «Ташкента» не умер еще ни один раненый, и наши врачи этим гордятся.

Избежав на обратном пути встреч с торпедными катерами и успешно отразив несколько атак бомбардировщиков, «Ташкент» утром 25 июня вернулся в Новороссийск. Вслед за нами благополучно пришел туда и «Безупречный».

Неожиданный пассажир

В ночь на двадцать шестое мне сообщили, что по решению Военного совета флота «Ташкент» и «Безупречный» должны снова выйти в Севастополь в этот же день. Выход обоих кораблей назначался на обычные для последних рейсов часы. Таким образом, «Безупречный» имел на стоянку в Новороссийске меньше суток, а более быстроходный «Ташкент» — около 29 часов.

Много лет спустя я прочел в журнале посвященный событиям тех дней очерк Адмирала флота Советского Союза И. С. Исакова, который в 1942 году был членом Военного совета Северо-Кавказского фронта. Позволю себе привести здесь несколько строк из этого очерка:

«…Прорыв 26 июня корабли начинали в третий раз в течение недели. Начинали не отдохнув, так как все время с утра 25-го до выхода на следующий день ушло на приемку топлива и зенитных патронов и лент, на размещение сибиряков и на погрузку ящиков с боезапасом и продовольствием для осажденных. Кроме того, немало усилий и часов потребовал ремонт корпусов и механизмов, пострадавших от осколков и близких разрывов крупных бомб и от форсирования главных машин и рулевых устройств при многократных уклонениях от фашистских атак…

В военно-морском оперативном лексиконе есть понятие — «напряжение использования сил», что в упрощенном толковании означает отношение числа боевых дней к числу дней стоянки в базах. Если приложить этот термин к «Ташкенту» и «Безупречному» применительно ко второй половине июня 1942 года, то можно утверждать, что примеров подобного боевого напряжения не знает история второй мировой войны на море «.

Когда стало известно, что через тринадцать-четырнадцать часов нам снова идти в Севастополь, на «Ташкенте» многие еще не ложились спать. На ногах был почти весь личный состав электромеханической боевой части, приводивший в порядок механизмы, работавшие в последние дни с чрезмерной нагрузкой. Возились в своих башнях артиллеристы.

Утром командиры боевых частей и начальники служб лидера доложили, что все неотложные работы закончены и их подразделения готовы к бою и походу. После этого мы с комиссаром собрали в пятом кубрике всех старшин. Решили еще раз напомнить, как велика ответственность каждого из них и какое значение имеет в нынешней напряженной обстановке безупречно точное выполнение всех приказаний, сигналов, команд.

Старшинам зенитной батареи я сказал, что хотя их расчеты и действовали в последних походах очень слаженно, но отгонять самолеты от корабля можно ещё успешнее. Не особенно заботясь о выборе выражений, я дал им такой совет:

— Старайтесь бить фашиста не в хвост, а в морду, подводите ему трассу к самому носу! Когда фриц видит нашу трассу у себя под носом, он не выдерживает, кидает бомбы куда попало и отворачивает…

Потом Новик рассказывал, как старшины передавали суть этого совета подчиненным, прибавляя от себя кое-какие словечки покрепче. После этого строевой Григорий Гончар, приписанный к зенитной батарее, предложил «воздействовать на нервы» фашистских летчиков увеличением количества трассирующих патронов. Обычно на пять патронов автоматной обоймы ставился один трассирующий. «А что если побольше трасс фрицу в морду сунуть?» — спрашивал комсомолец Гончар. Командир БЧ-II разрешил зенитчикам набивать в каждую обойму по три трассирующих патрона — сейчас это было в наших возможностях.

Короткие собрания, похожие на маленькие митинги, прошли во всех подразделениях. Командиры боевых частей и групп, политработники читали последние сообщения Совинформбюро о тяжелых боях в Севастополе и призывали моряков с честью выполнить свой долг в предстоящем походе. О том, как нужна осажденному городу наша помощь, говорить не требовалось. На этих собраниях никто не задавал вопросов. Не было слышно ни задорных реплик, ни обычных в матросской среде шуток. Краснофлотцы слушали выступавших молчаливо и сосредоточенно. И как клятвы звучали скупые, отрывистые слова, которыми они отвечали на призыв своих командиров: «Все понятно… Сделаем… Выполним!..»

«Люди точно знали, на что они идут», так сказал о «ташкентцах», об их настроении писатель Евгений Петрович Петров, который в этот день неожиданно для всех нас оказался на лидере.

Утром меня предупредили по телефону, что Евгений Петров имеет разрешение идти с нами в Севастополь. Увидеть на корабле известного писателя было приятно. Но сознает ли он, какой опасности себя подвергает?

Когда именно прибудет Петров на «Ташкент», мне не сказали. А в разгар погрузки боеприпасов я, выйдя из рубки на мостик, вдруг обнаружил там незнакомого командира-армейца с тремя «шпалами» в петлицах гимнастерки, с полевой сумкой на ремне. Будучи раздражен какими-то неполадками в погрузке, я не особенно любезно спросил, что ему здесь нужно: как известно, на

мостике посторонним быть не полагается.

Армеец мягко улыбнулся и, откозыряв, доложил по-уставному:

— Прибыл для следования с вами в Севастополь…

— Знакомься, Василий Николаевич, — сказал поднявшийся в эту минуту на мостик Коновалов. — Это наш гость, Евгений Петрович Петров…

Мы пожали друг другу руки.

— Не буду вам мешать, — сказал вслед за этим писатель. — Пойду пока познакомлюсь с командой.

Он ушел вместе с Коноваловым и все время, остававшееся до съемки со швартовов, провел с краснофлотцами в кубриках и на боевых постах.

Проводить «Ташкент» пришел находившийся в Новороссийске член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар И. И. Азаров. Пожелав экипажу счастливого плавания, он, прощаясь со мною и Коноваловым, попросил:

— Постарайтесь уговорить Евгения Петровича не оставаться в Севастополе. Обстановка там такая, что вряд ли он сможет сделать что-нибудь на берегу. Привозите его с собой обратно!

Я уже знал, что Евгений Петров прилетел из Москвы специально для того, чтобы побывать в Севастополе, приковавшем к себе в эти дни взволнованное внимание всей страны, да, пожалуй, и мира. В Севастополь давно уже не брали с Большой земли писателей или журналистов — в пору было вывозить тех, которые еще там оставались. (Правда, на «Ташкенте» и сейчас находились участники многих наших походов кинооператор Александр Смолка и фотокорреспондент Алексей Межуев, но они в счет не шли: люди свои, флотские.) Добившись для себя исключения из общего правила, Петров, по-видимому, считал, что не выполнит своего гражданского и писательского долга, если сразу вернется обратно, не пробудет какое-то время среди севастопольцев.

Но я решил не заниматься никаким уговариванием, пока не придем на место. Писатель все равно не поверил бы, что почти всю картину Севастопольской обороны можно увидеть с мостика лидера в Камышевой бухте…

«Ташкент» вышел из Новороссийска в 15 часов, имея на борту свыше тысячи бойцов все той же сибирской бригады, несколько полевых орудий, 120 тонн боеприпасов и продовольствия.

«Безупречный», вышедший, как всегда, раньше нас, к тому времени уже скрылся за горизонтом. Общего инструктажа в этот раз не было, и с Буряком мы перед выходом не встретились.

Прощай, «Безупречный»!

Как и в двух последних походах, погода отнюдь не способствует нашему прорыву: безоблачное небо над спокойным морем, идеальная видимость до самого горизонта… Скоро какой-нибудь вражеский самолет-разведчик передаст на свой аэродром донесение вроде тех, которые уже не раз перехватывались флотскими радистами: «Голубой крейсер идет в Севастополь…»

Обнаружить нас в море нетрудно — «Ташкент» идет в обычное время и обычным курсом. Это, конечно, дерзость, но дерзость вынужденная. Только следуя кратчайшим курсом и выходя примерно в этот час, мы можем совместить стоянку в Севастополе с самой темной порой короткой июньской ночи.

Все идет «по расписанию». Провожают, докуда могут, наши истребители. Затем появляется неприятельский разведчик. Еще немного погодя — бомбардировщики…

Бомбят сегодня со значительной высоты. Должно быть, после прошлого нашего рейса фашистские асы уразумели, что «голубой крейсер» умеет их сбивать. Отражаем налет как обычно: шквальный огонь всех зенитных средств и крутые повороты на полном ходу.

Евгений Петров с момента выхода все время на мостике. Держится спокойно. Внимательно приглядывается к происходящему вокруг, и особенно к людям, к их боевой работе. Справа от корабля разорвалась, взметнув к небу столб воды, крупная бомба, а он наблюдает за тем, как выполняет команды стоящий на руле Андрей Ковалев. И потом мы прочли известные теперь многим строки:

«С той минуты, когда началось сражение, рулевой, высокий, голубоглазый красавец, стал выполнять свои обязанности с особым проворством. Он быстро поворачивал рулевое колесо. Корабль, содрогаясь всем корпусом, отворачивал, проходила та самая секунда, которая кажется людям вечностью, и справа, или слева, или спереди по носу, или за кормой в нашей струе поднимался из моря грязновато-белый столб воды и осколков».

Бомбардировщики, атаковавшие нас примерно на меридиане Ялты, ушли, не сумев нанести «Ташкенту» никаких повреждений. Около 19 часов мы подходили к траверзу мыса Ай-Тодор (это на нем прилепилось знаменитое Ласточкино гнездо). Впереди вот-вот должен был показаться догоняемый нами «Безупречный»…

И вдруг там, где полагалось ему быть, взметнулся ввысь зловещий столб дыма или пара. Никакого звука не донеслось, очевидно, его поглотили шумы наших машин. В ту же секунду я

понял: с «Безупречным» случилось непоправимое.

Но верить этому не хотелось ни мне, ни другим. До того места, где поднялся и постепенно растаял черноватый дымный султан, было миль пятнадцать. «Ташкент» стремительно сокращал это расстояние, увеличив ход до самого полного. На наши запросы по радио «Безупречный» не отвечал. И все же мы еще надеялись увидеть впереди его мачты.

Вместо этого — дальномерщики первыми, а затем и все на мостике — увидели кружащиеся низко над морем самолеты, которые обстреливали что-то на воде. А море, освещенное косыми лучами вечернего солнца, отливало там характерным жирноватым блеском. Так блестит расплывшийся по поверхности мазут.

Когда подошли ближе, стали заметны плавающие в мазутном озере обломки. Возле них и дальше держится на воде много людей. Это их расстреливают с бреющего полета фашистские мерзавцы…

Артиллеристы «Ташкента» уже открыли по стервятникам огонь. Люди с «Безупречного» видят нас. Вот целая группа издали машет взлетающими над водой руками. И машут они так, будто не зовут на помощь, а хотят сказать: «Проходите мимо!»

— Малый ход!.. Мотористa на барказ, барказ к спуску!.. Готовить к спуску шлюпки!..

Эти команды вырываются у меня словно сами собой. Но спуск плавсредств приходится тотчас же отставить. На «Ташкент» ринулись одновременно две группы бомбардировщиков: одни заходят справа, другие — слева. Для уклонения от бомб нужен полный ход. А чтобы бомбы, предназначенные нам, не падали и туда, где плавают люди с «Безупречного», надо отвести, оттянуть самолеты в сторону.

С «Ташкента» сброшены все спасательные круги и оба аварийных плотика. Остаются в готовности к спуску барказ и шлюпки. Но лидер, ведя бой с бомбардировщиками, все удаляется от мазутного озера с плавающими в нем людьми и обломками. Наши зенитчики сбивают фашистский бомбардировщик, затем подбивают еще один… Неужели это все, что мы можем сделать для гибнущих товарищей?

Священен для советского моряка долг помощи собрату, терпящему на море бедствие. Кто из нас не рискнул бы во имя этого своей жизнью, кто не отдал бы ее за жизнь боевых друзей! Но война жестока, суровы ее законы. И устав не дает командиру права заниматься во время боя спасательными работами, если это ставит под удар вверенный ему корабль и угрожает срывом боевой задачи.

На борту «Ташкента» кроме своего экипажа тысяча бойцов, которых мы должны доставить в Севастополь. Застопорив ход и начав спасать людей с «Безупречного», мы успеем подобрать двадцать или тридцать человек, а затем лидер неминуемо будет потоплен вместе со спасенными. Ведь одним зенитным, огнем от такой своры бомбардировщиков нам не отбиться. Нужно все время маневрировать на полном ходу, иначе «Ташкент» обречен…

Улучив минуту, когда одни самолеты сбросили бомбы, а другие еще только разворачивались для нового захода, ко мне шагнул Евгений Петров.

— Товарищ командир, а как же те люди? Когда будем их спасать?

— Когда прекратится бомбежка. Когда стемнеет, — киваю я на клонящееся к закату солнце. Но как оно еще высоко!

На мостик вызван шифровальщик старшина 2-й статьи Алексеев. Диктую ему радиограмму: «Нахожусь на месте гибели «Безупречного». Веду бой с авиацией противника. Прошу разрешения задержаться здесь до наступления темноты для спасения людей…» Радиограмма идет в два адреса — в Севастополь и Новороссийск.

А бомбардировщики не унимаются. Атакуют группами через каждые пять — семь минут. Пока удается увертываться, но осколки попадают на верхнюю палубу, и там уже есть среди армейцев и раненые, и убитые.

В бомбежке наступает пауза чуть подольше прежних. Ко мне на крыло мостика подбегает Орловский.

У него тот же вопрос, который только что задавал Петров:

— Товарищ командир, когда же будем спасать? Барказ и шлюпки готовы к спуску. Сейчас, пожалуй, можно сбавить ход…

В глазах Ивана Ивановича стоят слезы. Но должен же он, бывалый военный моряк, старший помощник командира корабля, понимать, что мы с ним не можем, не имеем права безрассудно жертвовать «Ташкентом»!

— Займитесь своим делом! — резко отвечаю старпому, и он усилием воли берет себя в руки.

Старшина Алексеев прибегает с бланком только что принятой шифровки. Это ответ командования флота:

«Следовать по назначению, помощь экипажу «Безупречного» высылается». Протягиваю шифровку Орловскому и подзываю Еремеева:

— Штурман, курс?

Тот сразу называет направление на Севастополь от той точки, где мы оказались после бесчисленных поворотов.

Я понимаю, чего стоило моим старшим начальникам отдать

приказ, который мы сейчас выполняем. Они взяли на себя тяжесть этого решения — невредимому кораблю идти дальше ради того, чтобы Севастополь получил подкрепление. Решение правильное и разумное, оправданное всеми обстоятельствами. Только ничей приказ и никакие доводы рассудка не смогут заглушить голос собственного сердца. А оно знает сейчас одно: люди с «Безупречного» остались в море…

Густеют вечерние сумерки. Отвязались наконец самолеты. Мы уже далеко от места катастрофы и идем самым полным ходом, чтобы войти в жесткий график. А на мостик все поступают необычные на военном корабле вопросы: почему не возвращаемся назад? Особенно настойчивы в этом сибиряки. Их успокаивают и комиссар, и справившийся со своими нервами старпом. Но не до всех и не сразу доходит, что вернуться туда мы уже не можем.

Гибель «Безупречного» явилась одной из самых тяжелых трагедий, происшедших на Черном море с начала войны. Из четырехсот бойцов-сибиряков, находившихся на борту эсминца, не спасся никто. А из экипажа корабля лишь трое: мичман и два краснофлотца, которых подобрали подводные лодки.

Оба краснофлотца — строевой Иван Чередниченко и сигнальщик Гавриил Сушко были вскоре прикомандированы к команде «Ташкента». От них мы узнали подробности случившегося.

В «Безупречный» попали одна за другой две бомбы. Взорвался котел, эсминец обволокло паром, он потерял ход и начал быстро тонуть, приняв много воды через пробоины. Петр Максимович Буряк отдал последнее приказание: «Всему личному составу покинуть корабль». Сам он остался на мостике и на глазах у плававших вокруг людей скрылся вместе с кораблем под водой. Погиб и сын Буряка — Володя.

По словам спасшихся краснофлотцев, на воде держалось сперва не менее ста пятидесяти моряков и солдат. Фашистские изверги долго и методично расстреливали их с воздуха из пулеметов. Помимо бомбардировщиков, снизившихся до бреющего полета, гнусным убийством беззащитных людей занимались специально прилетевшие семь «мессершмиттов».

Наши боевые товарищи до конца сохраняли мужество, ободряли друг друга. Когда к ним стал приближаться «Ташкент», моряки «Безупречного», не думая о себе, тревожились за нас. Они отдавали себе отчет, что лидер тоже погибнет, если застопорит ход и начнет подбирать тонущих.

Сушко и Чередниченко подтвердили: целые группы моряков, державшихся за плавающие обломки, жестами показывали, чтобы мы не задерживались, шли дальше. Это была последняя воля

героев, их наказ оставшимся в строю…

Один за двоих

Все на «Ташкенте» настолько потрясены гибелью «Безупречного», что как-то уже не вызывают особого волнения ни атаки одиночных самолетов, преследующих лидер даже при луне, ни ожидание встречи с торпедными катерами.

А «масы» устроили нам засаду опять там же, у Феолента…

Евгений Петрович, не сходивший с мостика, признавался потом, что, оглушенный внезапными залпами носовых башен, он никаких катеров заметить не успел. Это и неудивительно. Я сам буквально секунды видел один катер, тотчас же скрывшийся за всплесками от падения наших снарядов, а немного позже — бурун другого, уже удиравшего от нас.

Зато отчетливо разглядел след двух торпед, прошедший прямо под кораблем. Никогда не забуду, как, стоя на левом крыле мостика, увидел две фосфоресцирующие дорожки, упершиеся в борт лидера в районе второго котельного отделения. Я сжал руками поручни, ожидая взрыва, казалось, неминуемого. И только минуту спустя понял: торпеды уже прошли перед носом корабля, который затем на полном ходу набежал на их след. Разумеется, я прекрасно знал, что след торпед на поверхности всегда отстает от них самих, но в те мгновения совершенно об этом забыл…

Итальянские катерники чуть-чуть поторопились. Должно быть, нервничали, не очень-то уверенно чувствуя себя в засаде. А будь залп более точным, мы не успели бы отвернуть.

Я показал удаляющийся след торпед Евгению Петровичу. Он смотрел на проходящую мимо смерть совершенно спокойно и как будто продолжал думать о чем-то другом, может быть, о судьбе «Безупречного».

Затем его вниманием завладело зарево над Севастополем. Когда переплетающиеся в небе трассы снарядов, пулеметных очередей и ракет стали ближе к нам, Евгений Петрович задумчиво сказал:

— А знаете, почему-то кажется, что все эти трассы нацелены прямо в меня…

— Мне тоже, — признался я. — Вернее, казалось, пока не привык.

Евгений Петров был наблюдательнейшим писателем. К тому же он свежим глазом окидывал картину, для нас уже привычную. И все детали ее воспринимались им необычайно остро и точно. Поэтому мне и хочется обратиться еще раз к его очерку «Прорыв блокады», который я уже цитировал. Вот свидетельство писателя о том, каким предстал перед ним Севастополь в ночь на 27 июня

1942 года с мостика «Ташкента», входившего в Камышевую бухту:

«И вот, наконец, мы увидели в лунном свете кусок скалистой земли, о которой с гордостью и состраданием думала сейчас вся наша советская земля. Я знал, как невелик севастопольский участок фронта, но у меня сжалось сердце, когда я увидел его с моря. Таким он казался маленьким. Он был четко обрисован непрерывными вспышками орудийных залпов. Огненная дуга! Ее можно охватить глазом, не поворачивая головы. По небу непрерывно двигались прожекторы, и вдоль них медленно текли огоньки трассирующих пуль. Когда мы пришвартовались к пристани и прекратился громкий шум машины, сразу стала слышна почти непрерывная канонада…»

Причальная баржа почти совсем ушла в воду — как выяснилось, перед нашим приходом в нее попал еще один снаряд. Евгений Петрович сошел на баржу вместе с первыми бойцами сибирской бригады, начавшими быстро высаживаться, и побывал на берегу, где ждали посадки раненые. Вернувшись вскоре на корабль, он отыскал меня и взволнованно сказал:

— Мне все-таки надо добраться в штаб к Октябрьскому и Кулакову. Как это сделать?

Я ответил, что никаким транспортом не располагаю, а идти отсюда на ФКП пешком при такой обстановке, какая сейчас в городе, считаю безрассудством. Подошел Коновалов, и мы стали вдвоем уговаривать Петрова никуда не уходить с корабля.

— Вы ничего не увидите там такого, чего нельзя увидеть отсюда, — убеждал его Григорий Андреевич. — И только затрудните людей, которым нельзя отвлекаться от управления боем…

Последний довод, кажется, подействовал на писателя. Он заявил, что остается на корабле, и как-то сразу успокоился. Отказавшись от ужина, которым я хотел его угостить, Евгений Петрович снова сошел на берег бухты, а потом стал вместе с краснофлотцами переносить на корабль раненых.

До начала посадки у меня побывал работник штаба, занимавшийся вопросами эвакуации, капитан 3 ранга Анатолий Дмитриевич Ильичев, давнишний мой знакомый по службе. Он еще не знал о гибели «Безупречного». Услышав об этом, Ильичев ахнул:

— Что же будем делать, Василий Николаевич? Ведь вывозить-то людей надо… Кроме раненых мы доставили сегодня в Камышевую много женщин с детьми. Не хочу пугать, но всего наберется близко к трем тысячам. Рассчитывали на два корабля…

Я сказал, что раненых и женщин с детьми возьмем всех, хотя еще не представлял, как мы их разместим.

Никогда мы не принимали столько пассажиров, как в этот раз. Забиты все кубрики, коридоры и внутренние трапы. Группу женщин с детьми пустили даже в румпельное отделение. На палубе и рострах люди сидят и лежат вплотную один к другому. В темноте белеют бинты перевязок, у многих — с запекшейся кровью. Орловскому, Фрозе и боцману Тараненко приходится приложить огромные усилия, чтобы людской поток не закупорил проходы, необходимые для передвижения команды.

Обходя корабль вместе с Сергеем Фрозе, я вдруг споткнулся о какие-то громоздкие рулоны, непонятно как очутившиеся у нас на борту.

— Это панорама, — поспешил объяснить помощник. — Простите, забыл вам про нее доложить…

— Какая панорама? — я еще ничего не понимал.

— Севастопольская панорама. Ее сегодня разбомбили и подожгли, а здесь то, что осталось. Сопровождающие из музея тоже тут…

Так на «Ташкенте» оказался груз поистине уникальный и бесценный — остатки знаменитой панорамы Севастопольской обороны 1854–1855 гг. Созданная в начале века академиком Рубо, она была гордостью города и по праву считалась жемчужиной мировой батальной живописи.

Панорама помещалась в специально построенном круглом здании на Историческом бульваре. Гитлеровское командование, разумеется, прекрасно знало, что это за здание: величественную широкую башню, поднимавшуюся над зеленью бульвара, нельзя было спутать ни с чем. 26 июня этот памятник искусства стал объектом атаки группы фашистских бомбардировщиков.

Находившиеся поблизости моряки бросились спасать севастопольскую реликвию. Из горящего здания были вынесены куски разрезанного полотна и часть переднего плана — различные предметы старинного воинского обихода, располагавшиеся перед холстом. Несколько часов спустя все это — в общей сложности около семидесяти рулонов и тюков — было доставлено в Камышевую бухту…

Я приказал помощнику изыскать для остатков панорамы наиболее безопасное место. Необычный груз был перенесен в кормовые кубрики.

Эту стоянку в Камышовой удалось свести к двум часам пятнадцати минутам. Поторапливали и вражеские снаряды, залетавшие в бухту, и тревожное усиление ветра. В море он не страшен. А тут, в узкости, запросто может нанести на камни. И любая заминка сейчас гибельна: не уйдем до рассвета — не уйдем вообще…

Еще во время посадки раненых я вызвал на мостик Сурина и попросил особо предупредить вахту у маневровых клапанов, что сигналы машинного телеграфа должны выполняться предельно быстро, какими бы неожиданными ни оказались перемены ходов. На маневровых клапанах стоит цвет машинной команды. В одной машине — Семен Якимов и Константин Иванов, в другой — Георгий Семин и Александр Башмаков. Все четверо комсомольцы, отличные старшины. А рядом бывалый сверхсрочник Алексей Никитич Сазонов, ставший уже во время войны коммунистом.

Ровно в два часа ночи лидер отдал швартовы. На берегу, еще недавно полном раненых, было пусто.

— Счастливого плавания! Приходите скорее еще! — крикнул с баржи Ильичев.

Все я допускал тогда: что «Ташкент» может не дойти до Кавказа, что может погибнуть при следующем прорыве. Но далек был от мысли, что из Севастополя уходит вообще последний крупный надводный корабль.

Главное же, о чем я думал, — как бы не посадить перегруженный и идущий задним ходом корабль на камни. Словно назло, ветер задул еще сильнее. «Сносит влево», — предупредил Еремеев. Это еще почти незаметно, однако штурман прав. А тут если начнет заносить корму, то дело плохо. Останавливаю одну машину, а другой задаю на полминуты «самый полный». Затем перевожу обе на «средний», а как только почувствовал, что корабль выровнялся, — обе на «полный».

Был все-таки момент, когда у Еремеева вырвалось:

«Кажется, не пройдем…» «Пройдем!» — прикрикнул я в сердцах на штурмана, подавляя этим и собственную тревогу. Нас не раз выручали в трудных узкостях повышенные скорости, прибегать к которым можно лишь при абсолютной уверенности и в рулевом, и в вахте у маневровых клапанов. Выручило это и теперь, хотя мимо одной каменной гряды мы прошли, что называется, впритирку. А малым ходом нам бы, пожалуй, при том ветре из Камышовой не выйти.

Когда корабль оказался на чистой воде, Еремеев спросил:

— Как пойдем после фарватеров? Через то место?

— Да, через то место.

Курс, проложенный штурманом на карте, пересекал кружок, заштрихованный волнообразными линиями. Это Александр Матвеевич обозначил, куда должно было отнести морскими течениями обломки «Безупречного».

Глава 8. Родной наш корабль

Когда надевают «первый срок»

Яснее, чем при любом из прежних прорывов, все на «Ташкенте» отдавали себе отчет, что враг, не сумевший потопить корабль на пути в Севастополь, будет еще яростнее добиваться нашей гибели во время обратного рейса.

И как будто все было на руку врагу: и безоблачный день с утихшим после рассвета ветром, и безусловная известность времени нашего выхода из Камышевой, и неизменность нашего генерального курса, вдоль которого расположено столько фашистских аэродромов… На руку и то, что в этот раз возвращается обратно лишь один корабль, и, следовательно, ударная сила, распределявшаяся вчера между двумя целями, может быть собрана в кулак и направлена на одну.

Но, сознавая, что «Ташкент» ждут новые грозные испытания, мы в это утро 27 июня еще сильнее, чем когда-либо прежде, верили в свой корабль, выдержавший уже столько вражеских ударов. И неотделимым от этой веры в него было чувство безмерной нашей ответственности за судьбу находившихся на борту севастопольцев — раненых бойцов и командиров, женщин, детей. Их надо было доставить на Большую землю во что бы то ни стало…

В 4 часа 15 минут на лидере в первый раз после выхода из Камышевой сыграли тревогу: показался неприятельский самолет-разведчик. Колокола громкого боя, призвавшие экипаж на боевые посты, не произвели на корабле обычного движения: уже давно все были на своих местах. И доклады о готовности к бою корабельных подразделений стали поступать на мостик с их командных пунктов сразу же после того, как истекли секунды, необходимые, чтобы там приняли доклады с боевых постов. Общая собранность и слитность, общая решимость выстоять и победить достигли, казалось, наивысшей степени.

Разведчик покружил несколько минут и скрылся. Максимум через час, а скорее всего раньше, следовало ждать бомбардировщиков. Но чтобы не держать людей в лишнем напряжении, я дал тревоге отбой. Заботливый вестовой Алексей Синяков воспользовался возможностью отлучиться из центрального артиллерийского поста, где он расписан по готовности номер один, и принес на мостик крепкого горячего

чаю.

Подчиняясь внезапному побуждению, навеянному, должно быть, общей обстановкой, я попросил Синякова принести из каюты мой новый китель с орденом, который обычно не носил на корабле.

Увидев, что я переоделся, Коновалов, ни слова не говоря, спустился к себе в каюту и тоже сменил рабочий хлопчатобумажный китель на выходной. Вслед за комиссаром сделали это Орловский, Балмасов, Новик… Затем вахтенные сигнальщики стали один за другим просить разрешения подмениться на пять минут. На мостик они возвращались в выходном обмундировании «первого срока».

Мостик на виду у всего корабля. А в боевой обстановке моряки наружных постов всегда особенно внимательно приглядываются к тому, что происходит на главном командном пункте, умея определять по этому степень опасности, угадывать предстоящие действия. Естественно, что синие фланелевки и черные брюки сигнальщиков, которые только что были в сером рабочем платье, сразу привлекли внимание остальной вахты, как и мой китель с орденом. И хотя я вовсе не имел этого в виду, нашему примеру быстро последовали на кормовом мостике, на площадке зенитной батареи.

Когда около пяти часов утра снова загремели колокола громкого боя, на наружных боевых постах уже все были в «первом сроке». Экипаж «Ташкента» отдавал дань вековой традиции русских моряков — идя в решительный бой, одеваться как на парад. А что бой предстоял решительный, никто не мог сомневаться.

Он начался в шестом часу недалеко от того места, где меньше чем полсуток назад погиб «Безупречный».

Сперва показалось — снова летят разведчики: со стороны берега появились на значительной высоте два самолета.

Но за первой парой «юнкерсов» шла с небольшим интервалом вторая. За ней третья, четвертая, пятая… Этой цепочке, растянувшейся по светлому утреннему небу, не видно было конца. Такого мы еще не встречали. Тут крылся какой-то новый тактический прием врага.

По пути в Севастополь «Ташкент» израсходовал примерно треть своего зенитного боезапаса. Еще в Камышевой я предупредил Новика, что на обратном переходе надо расходовать снаряды осмотрительнее, дабы не оказаться вдруг безоружными. При появлении цепочки «юнкерсов» командир БЧ-II повторил зенитчикам отданное раньше приказание:

— Стрелять только по самолетам, непосредственно

атакующим и ближайшим к кораблю!

Как всегда, первой открывает огонь четвертая башня. Потом — автоматы, последними — пулеметы. Не отворачивая от наших трасс, первая пара двухмоторных Ю-88 с ревом идет в пике. За ней пикируют вторая, третья, четвертая пары…

И вчера нас атаковали большие группы самолетов. Вокруг корабля падало много бомб почти одновременно. Однако после этого каждый раз наступала какая-то пауза. Пусть пять минут, пусть даже три, но за это время все-таки можно было осмотреться, продумать следующий маневр, перевести дух.

Сегодня пауз нет. Едва одна пара «юнкерсов» выходит из пике, как начинает пикировать другая. И каждая пара перед этим расходится, чтобы атаковать корабль с обоих бортов. Расчет тут на то, что мы не успеем ни переносить огонь на новые цели, ни уклоняться от непрерывного каскада бомб. Не давать нам ни секунды передышки — вот, очевидно, в чем суть этой дьявольской тактики.

На крыльях мостика стоят лейтенанты Балмасов и Фельдман. Один следит за самолетом, атакующим справа, другой — за тем, что заходит слева. Я — между ними и все время слышу:

— …Входит в пике!

— …Подходит к точке пикирования!

— …Правый ближе!..

Пока Новик и зенитчики переносят огонь на ближайшую цель, я командую на руль, чтобы резким поворотом увести корабль от нацеленного на него удара. А на циркуляции уже соображаю, куда повернуть в следующую минуту. При этом стараюсь как можно меньше уклоняться от генерального курса: если дать самолетам сбить нас с него, будет совсем плохо.

На палубе и на мостике все мокры с головы до ног. Выписывая сложные зигзаги, «Ташкент» часто проносится там, где только что упала крупная бомба. Оседающие всплески так плотны, что порой корабль будто врезается в водяную стену. Кажется, ты куда-то нырнул и вот-вот задохнешься. Но вода спадает, и ты торопливо ищешь в небе ближайший самолет, начинаешь новую крутую циркуляцию…

Долго ли может так продолжаться? Не спуская глаз с пикировщиков, высчитываю в уме, сколько осталось ходу до зоны, доступной нашим истребителям. Получается — еще целые часы, даже если не делать никаких поворотов… Значит, истребители надо пока выбросить из головы: под такой бомбежкой час все равно что бесконечность.

Цепочка атакующих «юнкерсов» не прерывается. Вполне возможно, что пикируют уже во второй и в третий раз одни и те

же самолеты, успевшие подвесить на аэродроме новые бомбы. Один бомбардировщик рухнул наконец в море, сбитый на выходе из пике зенитной башней Макухина. Перекрывая и рев моторов, и шумы корабельных машин, с палубы несутся восторженные крики сотен людей. Но некогда и порадоваться маленькой победе.

— Справа входит в пике! — раздается голос Фельдмана.

Новик указывает Макухину ближайшую цель, я командую на руль…

Минут через пятнадцать после первого врезается в воду еще один «юнкерс», только что сбросивший бомбы. Он сбит тоже на выходе из пике, этот — батареей Гиммельмана.

Но в воздухе десятки других самолетов. И бомбы у них крупные, по двести пятьдесят или пятьсот килограммов, с большим радиусом поражения.

И как мы ни увертываемся, одна разрывается в конце концов очень близко. Опять у кормы, как тогда под Одессой. Только теперь у левого борта. И не так сильно, как в тот раз, вздрогнул корпус — гидравлический удар слабее…

— Корабль не слушается руля! — доложил от штурвала Ковалев.

Штурман бросается ему на помощь. Они крутят штурвал вдвоем. Но «Ташкент», еще мгновение назад изумительно послушный рулевому, никак не реагирует на их усилия, словно это вовсе не его руль. Продолжая начатый до падения бомбы поворот, корабль катится и катится вправо…

Переключаем рулевое управление на кормовой мостик — никакого результата. Беспощадную ясность вносит в положение телефонный звонок:

— Руль заклинен, румпельное отделение затоплено… Докладывает краснофлотец Козлин…

Это связной кормовой аварийной партии. Он добежал до ближайшего телефона в надстройке — позвонить из румпельного было уже нельзя.

Вывожу корабль из циркуляции, задав левой машине «полный назад». Теперь только работой машин враздрай можно удерживать лидер на нужном курсе. А это означает потерю скорости, облегчает самолетам прицеливание.

— Пикирует слева тридцать! — предупреждает Балмасов.

— Справа подходит к точке пикирования! — вторит ему Фельдман с другого крыла мостика.

С кормы прибежал Латышев, посланный туда Суриным из энергопоста в первые же секунды после аварии. Он уточняет обстановку: руль заклинен в. положении «право 21°», то есть почти «право на борт». В затопленном румпельном отделении

работает кормовая аварийная партия во главе с Колягиным. Есть жертвы среди пассажиров.

Приказываю сделать все, чтобы ввести руль в действие. Если это окажется невозможным — постараться хотя бы поставить перо руля на ноль, в нейтральное положение. Латышев бежит обратно.

Значит, под удар попали не только механизмы. В тесном румпельном отделении находилось несколько женщин с детьми. Некоторые из них убиты, другие ранены, Град осколков разорвавшейся бомбы обрушился вместе с фонтаном воды на ют. Там тяжело ранены краснофлотцы Кисельков и Алексеев.

Всех пострадавших в румпельном отделении «аварийщики» вынесли оттуда и передали подоспевшим боевым санитарам. А сами по грудь в воде возятся с рулевым приводом и клапанной коробкой. Вместе с Колягиным там наш стажер Высота, опытные старшины Сазонов, Якимов… Но ни заставить руль работать, ни хотя бы сдвинуть перо с места им не удается — заклинило крепко.

Враг видит, что корабль движется уже не так, как прежде, и пикировщики атакуют все более остервенело. От одной серии бомб мы не успеваем отвернуть, и две крупные падают близко слева и справа по носу. Высоко взметнувшиеся всплески накрывают полубак, мостик, ростры. Слышно, как ударяются о корабельную сталь падающие вместе с водой осколки. Масса людей на полубаке приходит в движение. Нос корабля начинает медленно оседать…

Еще не зная, что там произошло, приказываю:

— Всем с полубака перейти на корму! Это первоочередная мера. Но обеспечить выполнение такого приказания совсем не просто, когда палуба забита непривычными к корабельным условиям людьми. Потрясенные всем происходящим, многие пассажиры никак не реагируют на команду. Некоторые начинают беспорядочно метаться от борта к борту.

Положение спасает Коновалов. С того момента как корабль получил первое повреждение, комиссар все время на палубе, и он сразу поспешил к очагу новой опасности. С мостика не слышно, что Коновалов говорит пассажирам, однако видно действие его слов: прекращаются шарахания от борта к борту, полубак быстро пустеет.

Но и после того как сотни людей переместились к корме, осевший нос приподнялся лишь чуть-чуть. Уже выяснилось, что «Ташкент» получил целую серию пробоин. Затоплены таранный отсек и провизионные кладовые. Носовая аварийная партия пытается не пустить воду в примыкающий к ним первый кубрик, однако затапливается и он.

С затопленными отсеками, с заклиненным рулем «Ташкент» продолжает бой. Это бой очень неравный. Ведь сила нашего корабля — в сочетании огня с маневром. А теперь для лидера уже невозможны резкие, стремительные повороты. Уклоняясь от бомб, корабль успевает отвернуть вправо или влево лишь градусов на двадцать тридцать. Раз ограничен маневр, надо усиливать, как только можно, зенитный огонь. Но стволы автоматов раскалились уже так, что приходится поливать их водой.

На подачу воды зенитчикам встала группа севастопольских женщин, вооружившихся кто боцманским брезентовым ведром, кто суповым бачком. Всей их бригадой командует худенькая коротко остриженная брюнетка в светлой кофточке. Мне некогда сейчас присматриваться к тому, что происходит на палубе, но эту быструю, проворную женщину нельзя не заметить.

Вижу также, что прямо у стреляющих автоматов перевязывают раненых осколки бомб залетели и туда. Потом на мостик доложили, что у зенитчиков ранены краснофлотцы Леонид Баруткин, Дмитрий Рудаков и Сергей Самсонов. Последние двое — из расчета Гутника. Рядом с ними был Боря Кулешин, но его не задело. Ранен также политрук БЧ-II Беркаль, находившийся на площадке зенитчиков с начала боя. Он и после перевязки остался с ними.

Мы уже прошли место, обозначенное на карте у Еремеева заштрихованным кружком. Думаю, что штурман учел течения точно, однако никаких следов «Безупречного» обнаружить не удалось. Конечно, условия боя, который вел «Ташкент», исключали настоящий, широкий поиск…

На мостике снова появляется Латышев, через которого держит связь со мною Сурин. Сейчас он прибыл доложить, что аварийная партия исчерпала все возможности изменить положение руля обычными средствами;

Но у Латышева есть предложение, уже одобренное Суриным, — подорвать рулевой привод. Даю ему «добро» Лучше совсем без руля, чем с заклиненным в таком положении. Подрыв привода поручаю командиру БЧ-III лейтенанту Фельдману. Отсылаю его в корму вместе с Латышевым.

О состоянии корабля доношу в Новороссийск. Прошу, чтобы истребители встретили и прикрыли нас на пределе своей дальности. Насколько быстрее мы могли бы с ними встретиться, если бы хоть действовал руль!

А на «Ташкент» обрушивается новый удар. Опять две бомбы падают очень близко, обе с правого борта. Опять палубу и надстройки захлестывает пена, смешавшаяся с осколками. И по тому, как встряхнуло корабль, по тому, как стал он крениться на

правый борт, сразу почувствовалось, что нанесенная сейчас «Ташкенту» рана серьезнее и тяжелее всех прежних.

Смертельна ли она — этого я еще не знал.

Подвиг котельных машинистов

Если бомба, разорвавшаяся у кормы, лишила лидер лишь руля, а взрывы тех двух, что упали справа и слева по носу, привели к затоплению нескольких отсеков, не затронув, однако, жизненно важных механизмов, то новый удар пришелся в область корабельного сердца — главной энергетической установки. Через большую пробоину в правом борту вода ворвалась в первое котельное отделение.

Там находились на своем посту старшина 2-й статьи Василий Удовенко, краснофлотцы Федор Крайнюков, Михаил Ананьев и Александр Милов. От них четверых в эти мгновения зависела судьба корабля. Ведь прорыв воды к действующему котлу всегда чреват катастрофой.

Но катастрофы не произошло. Ее предотвратила вахта первого котельного отделения.

В распоряжении котельных машинистов были считанные секунды. Их хватило бы, чтобы добежать до шахты трапа, по которой затем сама вода, заливавшая отсек, вынесла бы их наверх. Но моряки не бросились к трапу. Своими секундами они распорядились иначе — так, как повелевал им воинский долг: прекратили в котле горение, стравили пар, перекрыли соответствующие клапаны…

Стрелки приборов в энергопосту безмолвно доложили командиру БЧ-V, что угроза взрыва котла номер один ликвидирована. Спасая корабль, Удовенко, Ананьев и Крайнюков пожертвовали своей жизнью. Только Милов, также сделавший все, что от него требовалось, успел добраться до трапа. Обожженный паром из перебитой магистрали, он лишился сознания. Но хлынувшая в котельное отделение вода подняла краснофлотца к люку, и он был спасен товарищами.

На корабле, ведущем бой, нет безопасных мест. И никто не предскажет, какой отсек, какой участок палубы может оказаться под ударом в следующую минуту. Но с верхней палубы или с мостика видишь происходящее вокруг, видишь море и небо, и уже поэтому тебе легче. А с тех постов, что расположены в корабельных недрах, не видно ничего. Там все страшнее, тем более что и выбраться оттуда не так-то просто, если даже будет дан такой приказ. «Привязанный» в походах к мостику, я часто старался поставить себя на место тех членов экипажа, которые по долгу службы встречают любую обрушившуюся на корабль беду в далеких внутренних отсеках. Какого мужества, какой самоотверженности требует подчас их вахта! Ведь пока

устраняется мало-мальски серьезное боевое повреждение, морякам на нижних постах не раз подумается, что наверх им уже не выйти. Но они продолжают четко, точно, сноровисто делать все, что им положено. В этой их выдержке уже заключена готовность к подвигу. Всегда ли мы замечаем, как она приходит к людям, как они становятся такими?

Но наступила минута, когда на одном из многих боевых постов, скрытых под сталью палуб, решалась судьба «Ташкента». И все мы поняли, что на вахте в первом котельном стояли герои.

Четыре комсомольца, четыре рядовых моряка, ничем не выделявшихся среди других. Такие же молодые и здоровые, такие же веселые и неунывающие, как их товарищи. Только, может быть, еще сильнее любили море и солнце, потому что реже их видели, проводя изо дня в день много часов в глубине корабля. По каждому сигналу тревоги — не надышавшись всласть свежим морским воздухом, не докурив на юте папиросу, стремглав неслись они вниз, на свой пост.

И вот совершили там подвиг. Просто, естественно, не раздумывая…

Я делюсь с читателем мыслями, которые пришли, конечно, уже после. А 27 июня 1942 года обстановка на борту «Ташкента» не позволяла долго размышлять над тем, что уже произошло и чего нельзя было изменить.

Трагедия в первом котельном отделении явилась лишь одним из последствий «взрыва номер три», как стали мы потом называть удар, нанесенный кораблю двумя бомбами, упавшими с правого борта. Третий взрыв, от которого не удалось уклониться… А по общему счету эти бомбы были уже из второй сотни сброшенных на «Ташкент» в то утро.

Пришлось погасить форсунки и во втором котле, соседнем с первым: переборка между ними не выдерживала напора воды. По моему приказанию вахта второго котельного отделения покинула свой пост. В строю осталось два котла. В нормальных условиях они способны обеспечить лидеру приличный ход — до двадцати четырех узлов. Однако сейчас можно было, рассчитывать максимум на четырнадцать.

От аварийных партий и из энергопоста, откуда Сурин руководил борьбой с водой, прорвавшейся внутрь корабля, поступали тревожные доклады. Затоплен центральный артиллерийский пост, где сосредоточены приборы управления огнем главного калибра… Залило третий кубрик, и в нем погибли несколько раненых севастопольцев… Вода начала проникать в первое машинное отделение… Нос корабля осел так, что каждая встречная волна окатывает полубак через якорные клюзы.

Мелькнула мысль: не пора ли переходить на задний ход — двигаться вперед кормой? Не слишком ли велико при переднем ходе давление на те переборки, которые еще держатся?

Вызываю на мостик Сурика.

— Павел Петрович, сколько воды мы уже приняли?

— Около тысячи тонн.

— Как переборки?

— Если не увеличивать хода, должны выдержать.

Старший инженер-механик почти спокоен. Человек, которого могло взволновать не особенно существенное нарушение его подчиненными каких-нибудь технических правил, изумительно владеет собой, когда объем затопленных отсеков составляет почти треть общего водоизмещения корабля.

Под рев пикировщиков и треск зениток обсуждаем с ним, как хоть немного выровнять корабль, теряющий последние свои маневренные возможности из-за сильного дифферента на нос. Решаем, что без крайнего риска можно заполнить водой свободные топливные отсеки и некоторые другие помещения. На случай если дифферент станет катастрофическим, приказываю готовить к затоплению пятый кубрик. Тут же прикидываем, какие тяжести могут быть быстро удалены за борт.

Минеры закончили наконец подготовку к подрыву тяги рулевого привода. Однако взрывать привод не пришлось. За кораблем разорвалась серия бомб, основательно встряхнувших корму. От этой встряски заклиненный руль вдруг сам собою встал в нейтральное, «нулевое», положение, привести в которое его никак не удавалось. Вот уж поистине нечаянная помощь!

И в эту же минуту зенитная башня Макухина сбила еще один «юнкерс». Чуть ли не тот самый, что «починил» нам руль.

Управляемым руль не стал. Однако уже не нужно тратить силу одной машины на то, чтобы гасить стремление корабля непрерывно циркулировать вправо. С «Ташкента» будто сняли колодку! А затопление мазутных отсеков несколько уменьшило дифферент.

Опять вызываю Сурина — выяснить, каковы теперь наши возможности.

— Павел Петрович, можно ли увеличить ход?

— Считаю, что теперь можно.

Я привык полагаться на суринское слово, всегда твердое и обдуманное. Но, кажется, еще никогда оно не значило для меня так много, как в эту минуту. Каждый лишний узел повышает наши шансы дойти, дотянуть, уберечь корабль от дальнейших ударов.

И «Ташкент» снова набирает ход. Мы снова уклоняемся от

непрекращающихся атак пикировщиков более резкими и крутыми поворотами. Знаю, что сейчас каждый такой поворот сам по себе представляет риск. Но ценою этого риска уменьшается вероятность получить еще одну пробоину. А даже небольшая пробоина сверх имеющихся, вероятно, означала бы конец.

«Турбинам работать до последней возможности!»

Чтобы уменьшить осадку, сбрасываем за борт колосники и запасной котельный кирпич, бухты стального троса. «Списаны» параваны и тентовые стойки. Боцману приказано быть готовым выбросить якоря и якорные цепи, а торпедистам выпустить торпеды… Взято на учет все, за счет чего можно облегчить корабль.

На мостик пробирается какой-то возбужденный старичок. Оказывается, это он сопровождает спасенные куски панорамы и, видя, что происходит вокруг, встревожился, как бы матросы не выкинули за борт и его груз. Орловский отсылает старичка назад — панораму никто не тронет. Если дойдем до берега сами, то доставим и ее.

Море по-прежнему совершенно спокойно, и только благодаря этому можно держать относительно большой ход. Но нос зарывается все сильнее. И, несмотря на все меры, принимаемые аварийными партиями, медленно, но неуклонно затапливается первое машинное отделение.

— Вода дошла до осей циркуляционных насосов, — докладывает по телефону командир машинной группы Александр Иванович Кутолин.

Он все время у первой турбины вместе со своими подчиненными. Там и политрук Смирнов. Вахту несут старшины 2-й статьи Георгий Семин и Константин Иванов, краснофлотец Петр Ковалев. И если кто-нибудь на «Ташкенте» уже начал ощущать, как он постепенно погружается, то это прежде всего они. Уже под водой клапана, которыми они регулируют подачу на турбину смазки. Скрывается и турбонасос, откачивающий воду из отсека… Вспомогательные механизмы, заключенные в герметичные коробки, действуют и в таком положении — это предусмотрено конструкторами, хотя раньше казалось, что практически никогда не понадобится.

— Циркуляционные насосы покрыты водой полностью, — передает Кутолин некоторое время спустя.

Если остановить одну турбину, убавив наполовину ход, фильтрация воды через переборку уменьшится. Но на малом ходу самолеты нас быстро добьют. Нет, будем бороться до конца. Надо выигрывать время, приближать встречу с истребителями прикрытия. Теперь помощь уж не так далеко… И в ответ на доклады из первого машинного я повторяю:

— Турбинам работать до последней возможности!

Почти одновременно и в носовом, и в кормовом артпогребах кончается боезапас для зенитных автоматов. Этого следовало ожидать. Но в горячке боя трудно вести непрерывный учет расхода снарядов, и верилось, что на какое-то время их еще хватит.

Значит, зенитчики выстрелили почти по тысяче патронов на ствол. Не мудрено: непрерывные атаки отбиваем вот уже скоро три часа, и часто им приходилось выпускать по тридцать — сорок патронов одной очередью. Только так и можно было помешать пикировщикам бомбить более точно.

Но что же делать дальше? Если нет зенитных патронов в погребах, то сколько-то их еще есть на площадке вокруг орудий и внизу на палубе. Тут и те, что дали осечку или были в спешке отброшены вместе с обоймами из-за заеданий, перекосов. Теперь они снова, пускаются в дело.

Патроны, упавшие на палубу, закатившиеся к надстройкам, затерявшиеся среди пустых гильз, собирают и подают к автоматам севастопольские женщины. Все та же «бригада», что организовалась, чтобы подносить воду для охлаждения раскаленных стволов! А проворная брюнетка в светлой кофточке по-прежнему руководит своими подругами и, должно быть, с полуслова поняла новую задачу.

Автоматы продолжают огонь короткими расчетливыми очередями. И еще один пикировщик врезается в море. Гиммельман доложил Новику: этот самолет сбит расчетом Гутника. Женщины под площадкой зенитной батареи кричат «ура». Это и их победа!

Дифферент на нос становится критическим. Приходится затопить пятый кубрик — последний наш резерв в корме. Краснофлотцы и женщины-пассажирки выносят оттуда раненых.

Женщин с детьми тем временем сажаем в опущенные на палубу шлюпки. Наготове и оба моторных катера. Положение корабля таково, что нельзя знать, сколькими минутами мы будем располагать, если не выдержит напора воды какая-нибудь переборка.

И еще от одной бомбы не удалось отвернуть. Она свалилась чуть не на нос корабля. Скользя вдоль борта, задела левый якорь. Задела — и не взорвалась, скрылась под водой… Те, кто этого не видел, ощутили лишь толчок от скользящего удара по корпусу. А ведь, по существу, — прямое попадание. Вот уж, как говорится, «пронесло»…

— После такого было бы просто обидно утонуть! — пошутил Алексей Павлович Латышев, который в этот момент был на

мостике.

Все время здесь Евгений Петров. Бледный, но внешне спокойный, он стоит в стороне, чтобы никому не мешать. Все видит и ни о чем не спрашивает.

Кончаются и те зенитные патроны, что оставались на площадке около автоматов и собраны женщинами на палубе. Вот-вот батарея Гиммельмана умолкнет.

Но, кажется, выдыхается и атакующий нас враг. Или просто мы ушли далеко от аэродромов, где могли вновь и вновь заправляться пикировщики. Так или иначе, но дьявольская карусель «юнкерсов» перестает крутиться с прежней силой. Их цепочка вдруг становится прерывистой, редкой. Впервые за три с лишним часа появляются паузы по нескольку минут.

Я все жду какого-то подвоха. Неужели фашистские летчики не замечают, в каком состоянии корабль? Он осел в воду сверх всяких норм, почти безоружен… Или враги видят лишь, что он, несмотря ни на что, идет своим курсом, как-то отворачивает при их атаках, все еще стреляет и способен их сбивать? Может быть, они отчаялись нас одолеть и готовы отвязаться, признав тем самым, что победа за нами?..

Вот в небе уже не десятки, а только семь или восемь «юнкерсов». Эх, не сплоховать бы напоследок!.. Я обернулся к корме — за ней должна упасть очередная бомба. И в этот момент слышу резкий выкрик сигнальщика:

— Самолеты прямо по носу!

Вскидываю бинокль, почти не сомневаясь, что это атака с нового направления. Нашим «ястребкам» появляться еще рановато. Однако дальномерщики уже разглядели раньше меня:

— Самолеты наши!

Еще мгновение, и я тоже вижу — наши! Только не истребители… Это «петляковы», пикирующие бомбардировщики Пе-2. Их легко узнать по вертикальным боковинкам хвостового оперения…

«Петляковых» всего пара, и они не предназначены для воздушного боя. Но самолеты несутся прямо на «юнкерсов», строчат по ним из своих пушек. И семь или восемь фашистских бомбардировщиков, более крупных, но не таких поворотливых, шарахаются в сторону от этой стремительной пары, торопятся сбросить бомбы кое-как.

У нас на палубе творится нечто неописуемое. Люди кричат, рукоплещут, целуются. И вновь принимаются аплодировать, поднимая руки высоко над головой, когда «петляковы» проносятся вдоль борта. Над нами уже нет никаких других самолетов, кроме этих двух с родными красными звездами на

крыльях. Какая смелая и счастливая мысль пришла кому-то в голову — послать впереди истребителей скоростные бомбардировщики, которые смогли встретить нас раньше, дальше от берега! И этой пары оказалось достаточно, чтобы отогнать последние фашистские самолеты.

— Триста тридцать шесть, товарищ командир! — произносит, подойдя ко мне, старшина сигнальщиков Михаил Смородин. — Пожалуй, больше не будет.

Чего триста тридцать шесть? Чего больше не будет? Не сразу вспоминаю, что поручил Смородину считать сброшенные на корабль бомбы. Еще тогда, в шестом часу утра, когда все началось. Кажется, это было невероятно давно. Сейчас почти девять.

Значит, прошло без малого четыре часа. Двести с чем-то минут. Бомб, нацеленных в корабль и разорвавшихся вокруг нас, было в полтора раза больше. Но «Ташкент» на плаву, и почти все наши пассажиры невредимы…

И все-таки дошли

Скоро прилетели и истребители. Им тоже машут с палубы тысячи рук, но таким овациям, какие достались на долю пары «петляковых», повториться просто невозможно.

Сбавляю ход до малого. Теперь-то нас в случае чего прикроют!

Из Новороссийска идут на помощь эсминцы. Об этом уже объявлено по трансляции, и все на палубе смотрят туда, откуда они должны показаться. Сигнальщики и дальномерщики первыми обнаруживают поднимающиеся из-за горизонта мачты. И сейчас же из всех корабельных динамиков разносится:

— Товарищи! Приближаются наши корабли. Они уже видны с мостика!..

На палубе снова гремит «ура». Севастопольцы, не раз за это утро прощавшиеся с жизнью, поверили, что они спасены.

Наши пассажиры не знают, как опасно положение корабля. Пересчитывая, сколько «Ташкент» принял воды, механики едва верят себе: итог получается такой, что просто непонятно, как корабль еще держится. Но, в сущности, он уже тонет, правда, пока еще медленно, и потому это не очень заметно. А котлы засолены так (питательная магистраль перебита), что могут отказать в любой момент. И не подоспей сейчас помощь, нам бы до Новороссийска не дойти.

Два эсминца видны уже невооруженным глазом. Но еще ближе обогнавшие их торпедные катера. На первом вижу в бинокль командующего эскадрой контр-адмирала Л. А. Владимирского и бригадного комиссара В. И. Семина.

Катер подходит к «Ташкенту», и они поднимаются к нам на борт. Я приготовился рапортовать, но Лев Анатольевич, едва ступив на палубу, обнял меня за плечи:

— Здравствуй, Василий Николаевич! Здравствуй, капитан второго ранга!

Такого звания я еще не имел, но по тону командующего почувствовал — он не оговорился. А потом узнал, что звание капитана 2 ранга нарком присвоил мне в те часы, когда «Ташкент» уже вел бой с фашистскими самолетами, и в Новороссийск немедленно сообщили об этом по радио.

Первый вопрос контр-адмирала о том, сколько принял «Ташкент» воды. Докладываю, что, по нашим подсчетам, через пробоины поступило около тысячи семисот тонн и еще двести пришлось принять для выравнивания дифферента.

Командующий только качает головой: эти цифры означают,

что наш запас плавучести исчерпан. О том же свидетельствует общий вид корабля — на полубаке вода подошла ко второму ряду иллюминаторов.

— Из Анапы вышли спасатели, — говорит Лев Анатольевич. — Пока они подойдут, пересаживайте на другие корабли севастопольцев. Все-таки легче станет «Ташкенту»…

Лагом к застопорившему машины лидеру становится эсминец «Сообразительный». На борт его подаются сходни, и начинается перемещение с корабля на корабль раненых, женщин, детей. Происходит это в открытом море, примерно в сорока пяти милях от Новороссийска. Над кораблями кружатся наши «ястребки». Зенитчики стоят наготове у орудий.

На палубе «Сообразительного» бросаются в глаза огромные, очевидно, двенадцатидюймовые артиллерийские снаряды.

— Погрузили вчера в Поти для севастопольской тридцать пятой батареи, объясняет командир эсминца Сергей Степанович Ворков, стоящий напротив меня на крыле своего мостика. — Ни в один кубрик эти чушки не пронесешь… А в Новороссийск только что пришли. Начали принимать топливо и сразу прервали послали вас выручать…

Палуба «Ташкента», на которой только что негде было присесть, — после того как пришлось очистить полубак, а половину кубриков затопило и почти все пассажиры стояли — быстро пустеет. Эсминец отходит переполненный. Люди, перешедшие с «Ташкента», стоят и на надстройках, и даже на мостике. А к «Ташкенту» уже приближаются, чтобы принять пассажиров, не поместившихся на «Сообразительный», катера-охотники.

— Сам-то дойдешь? — спрашивает на прощание Ворков.

— Как-нибудь дойду!..

После того как сошла масса людей, корпус лидера немножко приподнялся. Но Владимирский решает, что идти дальше своим ходом — риск, ничем не оправданный. Да и Сурин зато, чтобы не пытаться вновь запускать турбины, раз уж они остановлены.

Командир второго эсминца — «Бдительного» — Аркадий Николаевич Горшенин осторожно подводит свой корабль задним ходом к корме «Ташкента»: решено буксировать лидер кормой вперед — так безопаснее. А к борту пристраивается подоспевший из Анапы спасатель «Юпитер». Его помпы сразу начинают откачивать воду из затопленных отсеков. Заработали и несколько переносных мотопомп, доставленных катерами-охотниками и поднятых стрелами лидера на палубу.

В таком виде — на буксире, кормой вперед и со спасательным судном у борта — медленно-медленно движемся к

Новороссийску. Сигнальщики и добавочные наблюдатели настороженно всматриваются в небо. Но в нем, безоблачном и прозрачном, только наши «ястребки». Они неотступно кружатся над неповоротливым караваном. Когда мы приблизились к берегу, стало видно, как на смену самолетам, израсходовавшим бензин, взлетают с Мысхако новые.

Но зенитчики (их товарищи с эсминцев поделились с ними патронами) не отходят от своих орудий. Батарея Гиммельмана и башня Макухина показали себя сегодня надежным огневым щитом «Ташкента». О выдержке зенитчиков, об их боевой зрелости говорят и те факты, которые в разгар схватки с врагом не доходили до мостика и становятся известными мне только теперь.

Командир автомата старшина 2-й статьи Гутник заметил, например, следя за своими трассами, что они не достигают самолетов, летящих выше. Старшина понял: от перегрева ствола стерлась нарезка. Гиммельман разрешил расчету заменить ствол запасным. И это было сделано с изумившей командира батареи быстротой намного быстрее, чем когда-нибудь делалось в спокойной обстановке. А на мостике, тоже во время боя, Василий Мамонтов сменил ствол своего пулемета.

На мачте «Ташкента» развевается флаг командующего эскадрой: Лев Анатольевич Владимирский остался у нас. Он обошел корабль, навестил в лазарете раненых, расспросил о потерях. И теперь молча следит с мостика за буксировкой, переживая, вероятно, все то, что для нас уже позади. «Ташкент» не первым из кораблей эскадры попадает в беду, с другими бывало и хуже. И удел командующего — переживать за каждый корабль.

Евгений Петров тоже с нами — он отказался от возможности перейти на торпедный катер, умчавшийся в Новороссийск. Писатель рассеянно смотрит на раскинувшуюся впереди Цемесскую бухту, на поднимающиеся за нею горы. Быть может, он все еще видит картины боя, свидетелем и участником которого довелось ему стать. Потом Евгений Петрович сказал мне:

— То, что было в этом рейсе, не забудешь никогда. Хорошо, что в Севастополе вы уговорили меня остаться на «Ташкенте»…

По командирской привычке я мысленно поверяю свои действия за минувшие трудные часы. Эта поверка убеждает: самым главным и самым правильным было ни на минуту не стопорить ход. И тогда, когда заклинило руль. И тогда, когда стало затапливать машинное отделение. Положение корабля порой казалось безнадежным, новые повреждения — неизбежными. Но все равно мы шли вперед. Маневрировали без

руля. Выравнивали дифферент затоплением новых отсеков. Вели огонь буквально до последнего зенитного патрона. Весь экипаж держался на своих постах геройски. И «Ташкент» остался непобежденным. А севастопольцы, пересаженные на «Сообразительный» и катера, сейчас уже на кавказском берегу, на Большой земле.

Но увидят эту землю не все, кого принял «Ташкент» на борт в Камышевой бухте. Почти тридцать человек потеряли мы сегодня убитыми. Среди них несколько героических севастопольских женщин. Их убийцы, фашистские летчики, конечно же, видели, кто находится на переполненной пассажирами палубе…

И тяжело раненных теперь больше, чем при выходе из Севастополя. Наши врачи Довгий и Куликов с помощью военфельдшера Спивака и боевых санитаров сделали в море свыше сорока неотложных хирургических операций. В обстановке, когда каждая минута могла стать для корабля последней, медики «Ташкента» выполняли свой долг, спасали человеческие жизни.

Мы идем на буксире долго. Солнце уже начинает клониться к закату. На палубе непривычно тихо — молчат корабельные машины. И тишина эта какая-то настораживающая. Словно подчиняясь ей, все разговаривают вполголоса.

Уже в сумерках «Бдительный» подвел «Ташкент» к новороссийской Элеваторной пристани. Из внутренних помещений корабля вышло на причал около двухсот пассажиров. Я даже не знал, что еще так много оставалось их на борту. Поднялось теплое чувство к этим людям: могли ведь перейти, если не на «Сообразительный», так на катера, а вот захотели, несмотря на все, что тут испытали, дойти до берега на «Ташкенте»…

После швартовки командный состав собрался в кают-компании. Мы не садились вместе за стол всего лишь сутки, но все смотрят друг на друга, будто не виделись очень давно. И почти все говорят какими-то незнакомыми хриплыми голосами.

Ужин приготовлен на скорую руку из консервов, за которыми нашим кокам Борщакову и Глухову пришлось в буквальном смысле слова нырять в затопленную провизионку. А сухой хлеб нашелся лишь в шлюпках, куда он был положен как аварийный запас.

Командиры подразделений поздравляют друг друга с новыми воинскими званиями, о присвоении которых только что узнали от контр-адмирала Владимирского. Орловский и Новик стали капитан-лейтенантами, Сурин инженер-капитаном 3 ранга, Балмасов, Фельдман, Борисенко — старшими лейтенантами (Еремеев получил это звание раньше).

Разговор за столом почти не касается событий дня. У всех огромная потребность отдохнуть душой после пережитого. Кто-то попросил Евгения Петрова рассказать о поездке по Соединенным Штатам — той, когда они с Ильей Ильфом задумали «Одноэтажную Америку». Слушать Евгения Петровича интересно, и никому не хочется расставаться с удобными креслами кают-компании. Дает себя знать и навалившаяся тяжелым грузом физическая усталость: все мы провели эти сутки на ногах.

Но на корабле невпроворот неотложнейших дел. Павел Петрович Сурин первым поднимается из-за стола, И это знак Колягину, Кутолину, Латышеву, Высоте. У механиков забот всегда больше, чем у кого-либо, а сегодня тем более.

Машинисты сразу же после ужина приступают к осмотру механизмов, побывавших под водой. Электрикам предстоит с утра переборка многих моторов, и уже сейчас они прикидывают, с чего начинать. А у артиллеристов не терпит отлагательства получение со склада боезапаса для зениток. Боцман Тараненко со своей командой пытается навести хоть какой-то порядок на верхней палубе…

Утром на корабль прибыли рабочие бригады техотдела базы. Им поручено временно заделать основные пробоины, помочь нам ввести в действие руль и подготовить корабль к переходу в Поти, где намечено ставить его в ремонт.

«Достоин гвардейского звания»

28 июня мы простились с Евгением Петровым, улетевшим в Краснодар. А 29-го писатель снова был на лидере: узнав в Краснодаре, что посетить «Ташкент» собирается командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный, Евгений Петрович вернулся в Новороссийск вместе с ним.

Об ожидаемом прибытии командующего фронтом меня предупредили, как только об этом стало известно в базе. Незадолго до назначенного часа экипаж «Ташкента» прервал работы. Затем, не переодеваясь, построился на юте по большому сбору.

Маршала сопровождали дивизионный комиссар И. И. Азаров и контр-адмирал Л. А. Владимирский. Состояние лидера, естественно, не располагало к той торжественности, с какой умеют на военных кораблях встречать старших начальников. Личный состав стоял в строю в рабочем платье. И, как это сразу почувствовалось, Буденный меньше всего рассчитывал на парадные церемонии.

Поздоровавшись у трапа со мною и Коноваловым, Семен Михайлович осмотрелся и, сделав широкий жест рукою, сказал:

— Станьте-ка покучнее, товарищи моряки. Строй нам сейчас не нужен. А мне бы куда-нибудь повыше забраться… Сюда можно, командир? — и маршал легко и ловко поднялся на плоский купол нашей зенитной башни.

С этой трибуны Буденный и говорил с «ташкентцами» просто, сердечно, будто беседуя с друзьями. Рассказал о положении на фронте, о том, что на юге оно сейчас тяжелое — враг продолжает наступать. Но наша армия сражается геройски, отпор врагу нарастает, и скоро это должно сказаться.

Потом Семен Михайлович повел речь о «Ташкенте»:

— Я приехал, чтобы поздравить всех вас с благополучным завершением последнего героического похода. Мы все делаем, чтобы поддержать Севастополь, и ваш корабль — один из тех, которые помогли Севастополю особенно значительно. За это вам, морякам, великое спасибо. Я давно слышал о вашем корабле, слышал и о том, что командир у вас кубанский казак…

Тут Буденный задорно мне подмигнул, а я подумал, что в казаки меня, должно быть, произвел Евгений Петров, который мог по дороге из Краснодара рассказать Семену Михайловичу, что я родом с Кубани.

— Рад, что довелось, — продолжал Буденный, — самому с

вами встретиться, увидеть вас здоровыми и веселыми. Такими бойцами, как вы, может гордиться вся наша армия. Считаю, что весь экипаж «Ташкента» заслужил правительственные награды. А перед наркомом буду ходатайствовать о присвоении кораблю гвардейского звания. «Ташкент» его достоин!

Грянуло «ура!». Такой оценки наших походов мы и не ожидали. Все понимали: раз командующий фронтом так сказал о наградах экипажу, то это вопрос решенный. А на Черноморском флоте летом сорок второго года еще не было такого корабля, где имел бы правительственные награды весь личный состав.

Семен Михайлович пошел осматривать корабль. Поглядев на пробоины, спросил:

— Воевать-то на нем еще сможешь, командир?

— Конечно, товарищ Маршал Советского Союза! После ремонта корабль сможет выполнять любые боевые задачи.

Я доложил, что руль уже введен в строй, пробоина в корме заварена и румпельное отделение осушено, а носовые отсеки будем осушать в Поти — при хорошей погоде дойдем и так…

Посещение корабля Буденным было для экипажа большим событием. Проводив маршала, все вернулись к работам будто с новыми силами.

В этот же день «ташкентцев» порадовала флотская газета «Красный черноморец». Проходя после ужина по палубе, я увидел большую группу краснофлотцев, окруживших политрука Смирнова. Оказалось, Василий Иванович читает вслух стихотворение о нашем корабле из только что полученного номера газеты.

Написал стихотворение поэт Сергей Алымов, которого на «Ташкенте» знали все. Находясь с самого начала войны на Черноморском флоте, он не раз бывал у нас на корабле. Человек не особенно разговорчивый, Алымов любил молча наблюдать за работой моряков, прислушиваться к их беседам. А потом в его стихах, появлявшихся во флотской газете, обнаруживалось много верно подмеченных деталей корабельной жизни, матросского труда.

В стихотворении, которое читал Смирнов, описывался наш севастопольский рейс 27 июня, и это было вообще первым, что появилось о нем в печати. Не мудрено, что стихотворение сразу же приобрело в экипаже исключительную популярность. Наверное, каждый, кому не достался номер газеты, переписал его.

Мне хочется привести стихотворение, за которое «ташкентцы» были так благодарны поэту. Вот оно:

ЧУДЕСНЫЙ КОРАБЛЬ

Его называют экспрессом морей,
Отменно хорош он собой.
Он всех кораблей черноморских быстрей
Красавец корабль голубой.
Он долго в порту никогда не стоит,
Пришел, отгрузился — в поход!
Стремительно мчится, несется, летит
Чудесный корабль-скороход.
Да где там стоять, когда время не ждет,
Минута — и та на счету.
Корабль-скороход в Севастополь идет,
Со старта набрав быстроту.
Охотились «юнкерсы» часто за ним
И ночью, и днем стерегли.
Красавец их залпом встречал огневым,
Стервятники взять не могли.
Кубанский казак — командир корабля,
Ему ль попадаться впросак?
Летит по волне, как казак в ковылях,
Бывалый и смелый моряк.
Пошел в Севастополь корабль голубой,
Дошел — и назад во весь дух.
Сто «юнкерсов» встретил, и начался бой,
Вода закипела вокруг…
Корабль танцевал небывалый балет,
Кружился, вертелся, скользил.
Казалось, вот-вот корабля уже нет
Так сильно противник бомбил.
Но нет! Черноморцы народ не такой,
Чтоб, смерть повстречав, умирать.
Характер у них краснофлотский, морской
В бою головы не терять.
Ложилися бомбы у самых бортов
Впритирку, казалось — взорвет…
За бомбою бомба — полсотни!.. Сто!..
Всех бомб — не меньше трехсот.
Без умолку пушечный гром грохотал,
Стволы охлаждали водой.
Один пикировщик немецкий упал,
За ним загорелся другой.
Ходили под смертью четыре часа,
Победой закончился бой.

Матросы, смотревшие смерти в глаза,
Спасли свой корабль голубой.
Герой после боя, бывает, помят,
Болят и бока, и рука.
Об этом товарищи не говорят,
Когда уже смерть далека.
И слава по Черному морю идет
О быстром, красивом собой,
О том, кого все Черноморье зовет:
Корабль-скороход голубой.

Перечитывая сейчас стихотворение, я отдаю себе отчет, что это — не лучшее из созданного ныне уже покойным Сергеем Алымовым, автором известнейшей песни «По долинам и по взгорьям» и многих других. «Чудесный корабль» — просто стихотворный репортаж, написанный по горячим следам событий. Прошли лишь какие-то часы с момента, когда поэт мог узнать подробности нашего рейса, и до того, как номер флотской газеты (она выходила в Сочи, куда редакцию эвакуировали из Севастополя) поступил на корабли.

В стихотворении нет названия корабля, не упомянуто ни одной фамилии моряков. Алымов писал для очередного номера газеты, писал для того дня и должен был считаться с требованиями военного времени. Но на флоте знали, кто такой «голубой красавец», и всё поняли. Стихотворение «Чудесный корабль» рассказало черноморцам и о том, какой тяжелый бой вел «Ташкент», и о том, что враг не смог нас победить. А для «ташкентцев» оно навсегда осталось дорогой памятью о пережитых боевых днях.

30 июня я доложил базовому командованию, что «Ташкент» к переходу в Поти готов. Выход назначили на 1 июля, но через несколько часов отставили. Где-то на пути к южным базам разыгрывался шторм, и инженеры из техотдела заявили, что выпускать в море лидер с заделанными на скорую руку пробоинами опасно.

Отсрочка выхода была мне не по душе: близкий к фронту Новороссийск совсем не подходил для длительной стоянки поврежденного корабля. Над городом по нескольку раз в день появлялись вражеские самолеты, и фашисты уже наверняка знали, что «голубой крейсер», за которым они так упорно охотились, стоит у Элеваторной пристани.

В Новороссийске было ясно, солнечно, а южнее погода портилась, и до конца дня 1 июля, выход не назначили и на

завтра.

Под вечер дежурный неожиданно доложил:

— Товарищ командир, звонят из проходной — говорят, там ваш отец…

Я вскочил и поспешил к проходной будке порта. Почему отец в Новороссийске? И откуда ему знать, что я сейчас тут? Правда, до Краснодара отсюда всего сто двадцать — сто тридцать километров. Но выезжать за пределы своего города без особой надобности было не в привычках моих родителей, которые давно уже смирились с тем, что редко видят сыновей. Встречаться с ними и отец, и мать любили дома, в Краснодаре. В последний раз я был там во время отпуска больше года назад, еще до войны…

У проходной действительно стоял мой отец Николай Кириллович в своей неизменной форменной фуражке железнодорожника. Оказывается, знакомый машинист, побывавший вчера в Новороссийске, рассказал ему, что «Ташкент» стоит здесь «сильно побитый». Встревожившийся отец, как только сменился с дежурства по станции, не заходя домой, отправился сюда с первым попутным эшелоном.

Я повел отца на корабль. Пока дошли до трапа, успел узнать последние новости о своих братьях. Как-то так повелось, что друг другу мы, четыре брата, почти никогда не писали. Зато все переписывались с матерью, Верой Михайловной, державшей в своих руках семейные связи, и от нее каждый узнавал об остальных. Но с тех пор как «Ташкент» не имел постоянной базы, материнские письма доходили до меня с большим опозданием, долго блуждая по черноморским портам.

В нашей семье все было благополучно. Мой старший брат Николай, инженер-путеец, оставленный при своем деле и во время войны, продолжал работать на транспорте. У младших, Михаила и Игоря, которые оба в авиации, тоже все нормально — летают, воюют, регулярно пишут матери.

Но отец был сумрачен, это бросилось мне в глаза еще в первую минуту встречи. Удостоверившись, что я жив-здоров, он повеселел и оживился, однако ненадолго.

— Ты скажи, что же дальше будет? — строго спросил отец, как только вошел в мою каюту. — Ведь к Кавказу немцы подошли! Наши все отступают… Когда ж этому конец? И что нам с матерью делать, если и в Краснодар придут? Не на немцев же на старости лет работать!..

Не легко было отвечать на все это. Да отец и не ждал от меня каких-то определенных ответов. Ему просто требовалось поделиться своими невеселыми думами.

И, слушая его, я вдруг почувствовал, что те события

последних дней, которые непосредственно касались меня самого или происходили у меня на глазах — трудные рейсы «Ташкента», трагедия Севастополя — как-то заслонили общую грозную картину войны. Вспомнились сдержанные, осторожные слова Буденного о тяжелом положении на юге, слова, над которыми я не задумался сразу. А фронт-то приближался уже и к моему родному городу, к отчему дому. Перед отцом и матерью, старыми и мирными людьми, суровая военная действительность ставила вопросы, пожалуй, потрудней тех, которые приходилось решать нам, военным…

Отец вновь оживился, когда я провел его по кораблю, показал рубку, орудийные башни, машины. Пробоины и вода в носовых отсеках его не смутили, как не смущали теперь уже никого в экипаже, — всем было ясно, что раны корабля излечимы и это лишь вопрос времени.

— Слушай, Василий, может, надо помочь? — встрепенулся вдруг отец, заглянув в румпельное отделение. — У нас же хорошие мастерские, сам знаешь. Молодежь на фронте, да старики-то остались. И приварить, и приклепать сумеют все, что потребуется. Только скажи — такую бригаду пришлем! Может, правда, надо помочь?

Я успокоил его, объяснил, что ремонт кораблю обеспечен. А сам радовался, что отец немного отвлекся от мрачных мыслей.

Николай Кириллович переночевал у меня, а утром заторопился домой и решительно отказался остаться до обеда: «Что ты, что ты! Мне на дежурство заступать в ночь, а я еще не знаю, на чем буду добираться. Лучше уж в другой раз наведаюсь…»

Проводив отца, я вернулся на корабль. Там продолжались работы в поврежденных отсеках. На пирсе расположились моряки, занятые переборкой мелких механизмов, протиркой деталей. Экипаж не терял времени даром. Но неясность с выходом в Поти, срок которого так еще и не был назначен, томила меня, как томит всякая неопределенность.

В полдень 2 июля…

Потом установили, что это произошло почти ровно в двенадцать часов.

Ни в порту, ни в городе не раздалось сигналов тревоги. Но внезапно ударили наши зенитки, и сразу же загремели по кораблю колокола громкого боя.

Как был, без кителя, я выскочил из каюты на мостик. Увидел — на корабль пикируют самолеты. И в то же мгновение понял, что бомбы уже сброшены — их свист, нарастающий и зловеще близкий, слился с треском автоматов и пулеметов.

Прежде чем я успел что-либо сделать, где-то в корме раздался сотрясший весь корабль взрыв. Мостик стал опрокидываться, уходя из-под ног, и упругая воздушная волна смахнула меня в воду.

Вынырнув, я очутился между причалом и наваливающимся на него кораблем. Какая-то струя несла меня вдоль пирса, не давая уцепиться за щербатый привальный брус. Рядом вынырнул краснофлотец и сразу потянулся меня поддерживать. Помню, как крикнул ему: «Не надо, справлюсь сам!» В этот момент мы оба ухватились за железные ступеньки, которые оказались наружным скоб-трапом корабельной трубы.

Спрыгнув с трубы на пирс, — только туда и можно было с нее попасть — я инстинктивно рванулся обратно к кораблю, соображая, как попасть на мостик. Кто-то остановил меня, удержав за плечо.

С того мгновения, когда я услышал из каюты первые выстрелы зениток, прошло, вероятно, немногим больше минуты. Но «Ташкент» уже лежал на грунте левым бортом к причалу. И только потому, что гавань неглубока, над водой оставались орудийные башни, мостик и рубка, площадка зенитной батареи. На гафеле гротмачты трепетал, как живой, флаг…

Из воды выбирались вымазанные в мазуте люди. На пирсе слышались голоса Орловского и Новика, отдававших какие-то распоряжения. Мне протянули китель, и я машинально его надел (он был с мичманскими нашивками, но это я заметил лишь потом).

Ревели сирены, возвещая запоздавшую воздушную тревогу. Прогремел еще один взрыв — в стороне нефтяного причала. Оглянувшись, я увидел столб дыма. Как оказалось, это взорвались торпеды на стоявшем там «Бдительном».

Вражеских самолетов над портом уже не было. Где-то дальше шел воздушный бой — наши истребители отгоняли фашистов…

Так враг, не справившийся с «Ташкентом» в открытом море, нанес ему смертельный удар у новороссийского причала.

Позже выяснилось, как смогли фашистские бомбардировщики столь внезапно появиться над портом. Двадцать пять — тридцать «юнкерсов» прорвались к Новороссийску со стороны суши, застав врасплох дальние посты противовоздушной обороны. Бомбардировщики прошли на небольшой высоте над долиной, через которую обычно летали к фронту и обратно наши самолеты, и были приняты сперва за своих…

Зенитчики «Ташкента» первыми в Новороссийске открыли огонь. Но отогнать врага от корабля они не могли. А «голубой крейсер» был одной из главных целей всей группы «юнкерсов». Это подтвердили на допросе немецкие летчики, которые выбросились на парашютах с бомбардировщика, сбитого нашими истребителями.

Все можно понять, когда после события, происшедшего мгновенно, проходит какое-то время. Но в первые минуты гибель «Ташкента», хотя он и лежал передо мною, не укладывалась в сознании. Лидер отбил столько вражеских ударов, и такой конец казался чудовищной нелепостью. И все-таки это было фактом: два прямых попадания бомб в неподвижный корабль решили его судьбу.

Кроме Орловского и Новика на пирсе появились Коновалов, Фрозе, Сурин, Еремеев, Балмасов, Фельдман, много старшин и краснофлотцев. По параван-балке выбрался на стенку Латышев, которого катастрофа застала в посту энергетики. Еще в течение нескольких минут из воды и с корабельных надстроек поднимались на причал с помощью товарищей оставшиеся в живых члены экипажа.

В поисках тех, кого недоставало, «ташкентцы» начали нырять в затопленные кубрики. Потом туда спустились быстро прибывшие портовые водолазы. Но они извлекали лишь мертвые тела.

Командиры подразделений пересчитали своих подчиненных. Затем Орловский доложил, что из трехсот сорока четырех человек, числившихся на лидере на 2 июля (из них более сорока находилось в момент налета на пирсе и вообще вне корабля), по предварительным данным, семьдесят семь ранены, а семьдесят шесть погибли или пропали без вести.

Этот предварительный итог стал и окончательным. С тем лишь уточнением, что все «пропавшие без вести» оказались погибшими.

С площадки зенитных автоматов перенесли на пирс тело командира батареи Романа Гиммельмана. Лейтенант лежал на

своем посту лицом вверх, не выпуская из рук бинокля, словно и мертвый следил за вражескими самолетами. Доблестные зенитчики вели огонь и после того как в лидер попали бомбы. Те, кого не сбросило с перекосившейся площадки, продолжали стрелять с корабля, уже севшего на грунт, пока самолеты не скрылись из виду…

На своих постах в глубине корабля встретили смерть инженер-механики Александр Иванович Кутолин и Иван Васильевич Колягин.

Латышев слышал последние слова Колягина, произнесенные в телефонную трубку: «Сейчас выясню…» Это был ответ на запрос из энергопоста о том, куда попала бомба. Краснофлотцы, успевшие выбраться наверх, рассказали, что у командира трюмно-котельной группы, когда он говорил по телефону, был рассечен лоб и по лицу текла кровь. Рядом со своим командиром погиб старшина команды трюмных веселый и смелый мичман Федор Андреевич Сапьянов.

Как всегда, поспешил в минуту опасности к машинной вахте политрук БЧ-V, наш скромный и мужественный парторг Василий Иванович Смирнов. И он тоже остался в корабельных «низах».

Там же под палубой погиб главный боцман Сергей Филиппович Тараненко, бросившийся вниз по долгу командира аварийной партии. Успел добежать до своего поста, с которого уже не смог уйти, старшина команды электриков Петр Попко…

Было установлено, что «Ташкент» затонул примерно через сорок секунд после попадания в него первой бомбы. Но многих турбинистов, котельных машинистов, трюмных, которых за минуту до налета видели на верхней палубе и даже на пирсе, гибель корабля застала уже во внутренних отсеках — на местах, определенных им боевым расписанием. По сигналу тревоги они явились на свои посты. И последние их мгновения стали еще одним примером дисциплины и самоотверженности, верности долгу. Моряки задраивали переборки, разбирали аварийный инвентарь, исполненные решимости бороться за жизнь корабля.

Память сохранила мало подробностей следующих трех-четырех дней — они прошли для меня словно в тумане. Моряки поймут состояние командира, которому суждено было остаться в живых, потеряв и свой корабль, и четвертую часть экипажа, не считая раненых.

На кладбище Новороссийска появилась братская могила с надписью на временном памятнике: «Морякам-героям с лидера «Ташкент». Мы провожали до этой могилы наших товарищей не один раз. 3 июля хоронили только двенадцать человек. Остальных позже: водолазы не могли сразу добраться до дальних

отсеков. На пирсе вновь и вновь выстраивались шеренги гробов, проводились короткие траурные митинги…

А к соседним причалам подходили переполненные людьми подводные лодки и катера-охотники, которым еще удалось после нас прорваться в Севастополь и вернуться обратно. Гибель «Ташкента» совпала с последними днями восьмимесячной обороны города-героя, сковавшего, оттянувшего на себя огромные силы врага. И, наверное, не только у меня утрата родного корабля и оставление города, с которым долго были связаны все наши дела и походы, слились воедино.

В те же дни дошла до нас печальная весть о том, что Евгений Петров, наш товарищ по последнему, самому трудному, рейсу в Севастополь, сделался жертвой случайной авиационной катастрофы на пути из Краснодара в Москву. «Красная звезда» опубликовала найденный в его полевой сумке неоконченный очерк «Прорыв блокады», строки из которого я приводил выше. Последнее произведение писателя было посвящено «Ташкенту»…

В моей жизни не было ничего тяжелее тех июльских дней сорок второго года. Но я говорил себе, что «Ташкент» погиб непобежденным. И еще никогда я не испытывал такой потребности бить врага. Мне кажется, это было общим чувством, общим стремлением всех членов экипажа.

Оставляя частицу души

Да, мы продолжали считать себя корабельным экипажем, хотя жили теперь на берегу, на территории приморского совхоза Шесхарис, недалеко от Новороссийска. Официально же я возглавлял временную команду, куда кроме всех здоровых «ташкентцев» вошли и моряки с «Бдительного». Командир его А. Н. Горшенин, тяжело контуженный при гибели эсминца, был отправлен в тыловой госпиталь.

Мы находились в распоряжении командира Новороссийской военно-морской базы капитана 1 ранга Г. Н. Холостякова. Нам поставили задачу — разоружить оба лежащих на грунте корабля, снять, с них все, что могло быть немедленно использовано на других кораблях или на суше. В то же время мы готовились принять, если потребуется, участие в обороне Новороссийска, к которому быстро приближался фронт.

Для вручения «ташкентцам» правительственных наград в Шесхарис приехал член Военного совета Северо-Кавказского фронта адмирал И. С. Исаков. Как и обещал командующий фронтом С. М. Буденный, награждены были все члены экипажа. Но многие уже посмертно.

Не довелось получить свой орден Красного Знамени инженер-капитану 3 ранга Кутолину, старшему инженер-лейтенанту Колягину, лейтенанту Гиммельману, мичману Тараненко, старшине команды торпедистов Григорию Сулименко, командиру отделения турбинистов Георгию Семину… Посмертно стали краснознаменцами герои первого котельного отделения Удовенко, Крайнюков и Ананьев, а также краснофлотцы Пирогов и Лысенко, погибшие под Одессой.

Адмирал вручил орден Красного Знамени Новику, Сурину, командиру четвертой башни Макухину, политруку Беркалю, рулевым Ковалеву и Романову, командиру зенитного автомата Гутнику, котельному машинисту Кудрявцеву. Орден Красной Звезды получили Орловский, Фрозе, Еремеев, Фельдман, Балмасов, Борисенко, врач Довгий, радист Фишич, сигнальщик Смородин, строевой Цепик, котельный машинист Милов и еще десятки членов экипажа. Остальные были награждены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». А комиссар Коновалов и я — орденом Ленина.

Раненым морякам, находившимся в то время в госпиталях, предстояло получить награды позже. Среди них был и наш воспитанник Боря Кулешин, удостоенный ордена Красной Звезды.

Как участники боевых походов «Ташкента», были награждены

военный кинооператор Александр Смолка и фотокорреспондент Алексей Межуев. Я не мог себе простить, что остались неизвестными имена тех наших пассажиров, которые в последнем рейсе фактически встали в строй экипажа и заслуживали боевых наград. И в первую очередь та худенькая женщина, что возглавила «бригаду», помогавшую зенитчикам. Мы спохватились, когда надо было заполнять наградные листы, но никто не знал ее имени…

Сразу после вручения наград Коновалова вызвали в политотдел базы. Комиссар вернулся задумчивый, подсел ко мне и негромко сказал:

— Расстаемся, Василий Николаевич… Возвращают на торпедные катера. Начальником политотдела бригады на Балтику. Выезжать приказано немедленно…

Расставаться с Григорием Андреевичем было жаль, особенно теперь, но я порадовался за него.

— Это же хорошо. Идешь воевать! И на катерах тебе все знакомо…

Коновалов все так же тихо сказал:

— Сейчас соберусь, а потом хочу еще раз взглянуть на «Ташкент». Сходим вместе?

У нас сохранились корабельные катера, стоявшие, во время налета за кормой на бакштове. На одном из них Мы с Григорием Андреевичем пошли от совхозного причала в порт.

На Элеваторной пристани застали лейтенанта Макухина — начальника караула, ежедневно выставлявшегося для охраны корабля. С ним подошли к «Ташкенту». Надстройки, трубы и мачты, сперва почти навалившиеся на причал, теперь поднимались из воды с едва заметным креном: лидер сам выровнялся, когда вода заполнила все внутренние помещения. Если отойти от края пирса, можно было даже представить, что он просто слишком глубоко осел, приняв непомерный груз. И от этого было еще тяжелее смотреть на наш корабль.

— Больше мы с тобой, старик, уж не увидимся, — промолвил Коновалов, обращаясь к «Ташкенту», как к живому существу.

— Дай срок, мы его еще восстановим? — вступился я за наш корабль. Коновалов грустно улыбнулся — в это он не верил.

Я проводил Григория Андреевича до шоссе. У контрольно-пропускного пункта он сел в первую шедшую в Туапсе машину. Возвращаясь к катеру, подумал о том, сколько мы с Коноваловым вместе прослужили. Выходило — всего полгода. А казалось расстался с человеком, который разделил со мною самое значительное в жизни. Впрочем, так оно и было.

Вслед за Коноваловым получил новое назначение Гриша

Беркаль, политрук артиллерийской боевой части. Раненный на последнем переходе из Севастополя, он сумел избежать отправки в госпиталь. Так и пошел продолжать службу с перевязанной рукой.

Все это время мне часто приходилось встречаться с командиром базы Г. Н. Холостяковым, ставшим моим непосредственным начальником. Я и раньше знал много хорошего об этом бывалом моряке, пришедшем на флот еще по первому комсомольскому набору в начале двадцатых годов. В напряженной обстановке прифронтовой базы, которая вот-вот могла стать осажденным городом, Георгий Никитич оставался не только спокойным, но и сердечным человеком, исключительно внимательным к окружающим.

Никогда не забуду, как при первой встрече после гибели «Ташкента» он протянул мне свои часы:

— Берите, берите, вам без часов нельзя. А у меня есть другие.

А когда фронт вплотную приблизился к Краснодару, Холостяков, не забывший, что там находятся мои родители, после очередного служебного разговора вдруг сказал:

— Я бы советовал немедля перевезти ваших стариков сюда. Берите-ка трехтонку, двух автоматчиков и езжайте сегодня вечером… К утру вернетесь.

Послушавшись доброго совета, я успел проскочить на машине в Краснодар и обратно по уже подготовленному к взрыву мосту через Кубань. Но привез в Новороссийск только мать да родственников военного кинооператора Смолки, тоже краснодарца. Отец ехать со мной категорически отказался, заявив, что находится на службе и оставит свой пост лишь по приказу железнодорожного начальства.

К концу июля, после оставления нашими войсками Ростова и глубокого прорыва немцев к Ставрополю, обстановка на северном участке кавказского побережья стала особенно тревожной. И однажды Г. Н. Холостяков, вызвав меня, сказал:

— Раз ваши люди еще тут, делайте из команды батальон и занимайте оборону…

Так я превратился в комбата. Батальон сформировали в составе двух рот. Первую, «ташкентскую», возглавил Фрозе, а командиры боевых частей лидера стали взводными. Вторая рота образовалась из экипажа «Бдительного». Позицию нам отвели на запасном рубеже у станции Гайдук, в семи километрах от города.

Однако воевать на суше нам все-таки не пришлось. В одну из ночей в начале августа меня вызвали из-под Гайдука в штаб базы. Оказалось, пришла шифровка о немедленной отправке нашей команды в Поти. Доставить нас туда должен был тральщик «Груз»

— тот самый, который когда-то мы с комиссаром Сергеевым вводили в строй флота.

В тот же день тральщик подошел к причалу водной станции и началась погрузка имущества, которое нам надлежало взять с собой. Краснофлотцы группами отпрашивались на Элеваторную — попрощаться с «Ташкентом».

Сходили туда на катере и мы с Орловским и Фрозе. Караул был уже снят: охранять на лидере стало нечего. Демонтировали даже нашу зенитную башню, которой суждено было вернуться на эсминец «Огневой» — его решили достраивать.

Мы спустились с причала на ют «Ташкента» (с корабля сняли много тяжестей, и часть палубы выступала теперь из воды) и присели на кнехты. Пока корабль был кораблем, сидеть на кнехтах не полагалось, но тут это неписаное правило морской культуры уже не действовало. Мы сидели молча — как перед дальней дорогой. И, наверное, каждый из нас чувствовал: куда бы ни привела его военная судьба, какая-то частица души навсегда останется здесь, на «Ташкенте», как остается частица души человека в самом дорогом для него на земле доме.

Под вечер я поехал в город за матерью: мне было разрешено эвакуировать ее в Поти на тральщике. Обратно ехали по набережной почти на ощупь: немцы пробомбили цементный завод, и над мостовой висели тучи мельчайшей серой пыли. В стороне вдруг мелькнула до боли знакомая фигурка человека в картузе с котомкой за плечами. Отец?! Я знал, что гитлеровцы уже ворвались в Краснодар, а от отца за все это время не было никаких известий. Остановив машину, я бросился искать скрывшегося в клубах пыли человека, мысленно говоря себе, что он просто показался мне похожим на отца. И все же это был отец.

— Вот я и добрался! — объявил он, узнав меня. Но напускной бодрости хватило лишь на эту фразу. Губы Николая Кирилловича задрожали, он как-то сразу обмяк и, обнимая меня, зашептал: — Всё, Василий, всё…

— Все только начинается, батя, — утешал я его. — Вся война у нас впереди! А сюда ты поспел очень вовремя. Поедем прямо на тральщик…

Ночью «Груз» покинул Новороссийск. Корабль вел старший лейтенант Якубовский, служивший при мне помощником командира.

Катер и барказ с «Ташкента», которых некуда было пристроить на тральщике, двинулись в Поти своим ходом вдоль берега под командованием Фрозе.

В Новороссийске была оставлена группа наших артиллеристов во главе с командиром башни лейтенантом К. В.

Алексеевым. Они находились при баржах, куда погрузили снятые с лидера орудия. Предполагалось, что баржи в самое ближайшее время будут отбуксированы в Поти. Однако война распорядилась и пушками, и людьми иначе. Орудия с «Ташкента», кроме зенитной башни, отправленной на юг раньше, пошли на сушу, на рубежи Новороссийского оборонительного района. Туда же направили наших артиллеристов. В числе других там были известные уже читателю командир зенитного автомата Григорий Гутник и артэлектрик Михаил Филатов из экипажа «Москвы».

В Поти я высказал командующему эскадрой Л. А. Владимирскому общую просьбу прибывших со мною «ташкентцев» — сохранить, если представится такая возможность, наш боевой коллектив, назначить всех нас куда-нибудь вместе, на один корабль.

В той обстановке такая просьба была почти безнадежной, и я это понимал. Но не высказать ее — не мог.

Вместо заключительной главы

Передо мною архивная справка: краткие цифровые итоги боевой деятельности лидера «Ташкент» за первый год Великой Отечественной войны, в течение которого он находился в строю.

Корабль прошел 27 тысяч миль. Отконвоировал без потерь 17 транспортов с войсками и грузами для фронта… На самом лидере перевезено 19300 человек (воинские подкрепления осажденным приморским городам и вывезенные оттуда раненые, женщины, дети) и 2538 тонн боеприпасов, продовольствия, медикаментов и других грузов… Проведено ровно сто боевых стрельб главным калибром (зенитные не в счет)… Уничтожено и подавлено шесть неприятельских батарей, выведен из строя один аэродром, потоплен торпедный катер, сбито и повреждено тринадцать самолетов…

Скупые цифры. И конечно, неполные. Результаты многих стрельб, выполнявшихся по заявкам армейского командования, сюда вообще не вошли. Да и кто мог подсчитать урон, нанесенный врагу нашими залпами, например, с огневых позиций в Феодосийском заливе?

Но не в этом в конце концов главное. Перечитывая архивную справку, я думаю о тех читателях, для которых минувшая война — далекая история. Удалось ли мне в какой-то мере показать им воинский труд корабельного экипажа, тяжелый и самоотверженный труд, стоящий за каждой цифрой такого «боевого счета»? Если удалось, я считал бы это выполнением долга перед боевыми товарищами. Долга перед теми, кто окончил свой путь вместе с нашим славным кораблем. И перед теми, кто, пережив «Ташкент», продолжал сражаться с врагом на других кораблях флота или на берегу.

Воевать всем вместе нам больше не пришлось. У командования эскадры было сперва намерение сделать «ташкентцев» костяком экипажа нового эсминца «Огневой», а меня назначить его командиром. Но достройка «Огневого» затягивалась. А война шла, и то одному, то другому кораблю требовалось пополнить экипаж бывалыми моряками. И постепенно «ташкентцы», прибывшие из Новороссийска на тральщике «Груз», разошлись по черноморской эскадре, а некоторые были назначены в другие соединения и даже на другие моря.

Командиром артиллерийской боевой части гвардейского крейсера «Красный Крым» стал вскоре Николай Спиридонович Новик. В его подчинении остался назначенный на тот же корабль

командир зенитной башни «Ташкента» В. Г. Макухин. На разные корабли ушли И. И. Орловский, П. П. Сурин, С. К. Фрозе, Н. Я. Балмасов и остальные офицеры (это слово, впрочем, тогда еще не было у нас в употреблении), старшины и краснофлотцы лидера.

Меня осенью 1942 года назначили командиром гвардейского крейсера «Красный Кавказ». На нем служили вместе со мною до конца войны штурман А. М. Еремеев, минер Л. С. Фельдман. На «Красном Кавказе» я снова встретился с выздоровевшим после ранения Борей Кулешиным. Юный орденоносец, считая себя уже человеком вполне флотским, добился, что из госпиталя его направили к нам в Поти. Поплавав на крейсере, Боря поступил затем в Нахимовское училище, а окончив его, — в Высшее военно-морское училище в Севастополе и стал офицером.

Большинство «ташкентцев», оставшихся в Новороссийске, было зачислено в формировавшуюся там 83-ю морскую бригаду, которая прославилась в дни героической обороны Кавказа и в последующих наступательных боях. В них отличились многие бывшие моряки нашего корабля.

При высадке десанта на Мысхако краснофлотец из боцманской команды «Ташкента» Иван Воронин одним из первых ступил на занятый врагом берег. «Черноморцы, вперед! На нас смотрит родное море!» — крикнул он, увлекая группу бойцов к фашистской полевой батарее, которая била по десантникам прямой наводкой. Забросанная их гранатами, батарея умолкла. После этого Воронин, ориентируясь по тянувшемуся от батареи проводу, нашел командный блиндаж немецкого артдивизиона у подножия горы Колдун. Ворвавшись туда, краснофлотец уничтожил гранатой целую группу гитлеровцев. Отважный моряк погиб в этом бою. На его груди вместе с партийным билетом товарищи нашли фотографию «Ташкента».

В другом десанте, у Озерейки, пал смертью храбрых лейтенант Константин Алексеев, командир первой башни нашего лидера. Тогда же был смертельно ранен старшина 2-й статьи Михаил Филатов…

До полной победы над врагом сражались в морской пехоте зенитчик Григорий Гутник, дальномерщики Григорий Подгорный и Василий Боцман, кок Михаил Глухов. Все они участвовали в знаменитом Новороссийском десанте.

Наш рулевой Андрей Мирошниченко лежал в госпитале в Кисловодске, когда в этот город ворвались гитлеровцы. Так он очутился в плену, правда, ненадолго. Эшелон с пленными был отбит наступающими советскими войсками, и освобожденный матрос-рулевой продолжал службу солдатом-шофером. И лишь в 1944 году, когда его часть успела дойти до Румынии, Андрея

Мирошниченко нашла медаль, которой он был награжден вместе с другими «ташкентцами» в июле 1942 года.

Я не пытаюсь рассказать — для этого потребовалась бы новая книга — обо всем, что выпало до конца войны на долю каждого из моряков, начинавших ее в экипаже «Ташкента». Скажу лишь, что и из тех, кто был оставлен служить на эскадре, не всем довелось увидеть светлый День Победы. На эсминце «Беспощадный» погиб замечательный рулевой Андрей Ковалев, о котором писал Евгений Петров, на «Харькове» — пулеметчик Владимир Богданов… Некоторых «ташкентцев» я еще во время войны потерял из виду, и их военная судьба известна мне не до конца. Откликнитесь, боевые товарищи, если в ваши руки попадет эта книга!

Я гордился моряками «Ташкента», командуя ими. Гордился их боевыми делами на других кораблях и на суше. А после войны было радостно узнавать, что некоторые матросы и старшины нашего корабля продолжают флотскую службу. Машинист второй турбины Иван Петров стал корабельным инженер-механиком. Крепко связал с флотом свою судьбу и бывший зенитчик Григорий Гутник. Теперь он капитан 1 ранга, политработник Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. Многие «ташкентцы» долгие годы сверхсрочно служили на кораблях мичманами, главными старшинами.

Естественно, что продолжали и после войны службу почти все члены нашей корабельной офицерской семьи. Н. С. Новик был впоследствии флагманским артиллеристом Тихоокеанского флота, Л. С. Фельдман — начальником арсенала, С. И. Матлахов — командиром эсминца. П. П. Сурин, ушедший в запас раньше большинства своих сослуживцев, не порвал, однако, и после этого с корабельным делом: он преподаватель мореходного училища.

До последнего дня своей жизни оставались в рядах Военно-Морского Флота бывший комиссар «Ташкента» капитан 1 ранга Г. А. Коновалов (он умер начальником политотдела военно-морского училища) и бывший старпом лидера капитан 1 ранга И. И. Орловский, служивший в штабе черноморской эскадры. Недавно скончался в Севастополе наш славный штурман А. М. Еремеев, капитан 2 ранга запаса… Незадолго до смерти он писал мне, что очень хотел бы увидеть книгу о «Ташкенте», и высказал пожелания о том, что следует в нее включить. Эти пожелания по мере сил я старался выполнить.

За добрые советы, за помощь в сборе материала я глубоко признателен также адмиралу Л. А. Владимирскому, контр-адмиралу запаса Н. Б. Павловичу, капитану 1 ранга запаса Н. С. Новику, инженер-капитану 1 ранга А. П. Латышеву, капитану 1

ранга Г. Ф. Гутнику.

Из бывших офицеров «Ташкента» кроме А. П. Латышева поныне в кадрах флота Н. Я. Балмасов и М. В. Татаринов. Время берет свое, и многие уже вышли в запас или отставку. В отставке теперь и автор этой книги.

Но закончить ее хочется не этим. Ряды ветеранов будут редеть — таков закон жизни, и с ним ничего не поделаешь. Однако у нашей советской жизни есть и другой закон: люди нового поколения не забывают хороших дел своих предшественников, их боевые подвиги. Верится, что на Краснознаменном Черноморском флоте, в городе-герое Севастополе сохранится память и о лидере «Ташкент».

В дни, когда наша Родина отмечала 20-летие победы над фашистской Германией, мне довелось быть гостем черноморцев и севастопольцев, встретиться на замечательных современных кораблях со многими молодыми моряками. Эти встречи, как и все прежние, убеждали вновь и вновь: молодежь гордится боевыми традициями флота, понимает их значение, умеет их беречь и умножать.

В Севастополе живут многие из бывших «ташкентцев». И не замечательно ли, что сюда же тянет и тех, для кого «Ташкент» — корабль героев-отцов.

Помните краснофлота-артиллериста Владимира Педая, который добровольцем ушел с лидера в морскую пехоту, а потом навестил корабль, будучи уже комендором бронепоезда «Железняков»? Педай погиб, защищая Севастополь. И вот сюда приехал его сын, тоже Владимир — молодой рабочий-строитель. Бригада, где он комсоргом, строит в Камышевой бухте — той самой, куда мы прорывались под вражеским огнем, — новый севастопольский рыбный порт. Отсюда будут ходить на промысел в дальние моря советские траулеры, и Володя мечтает стать на одном из них матросом…

Хорошая мечта, и пусть она исполнится! «Ташкентцы» сражались и за это.

Приложение

ЛИДЕР ЭСКАДРЕННЫХ МИНОНОСЦЕВ «ТАШКЕНТ»

Заложен 11 января 1935 года по заказу Советского правительства на стапелях итальянской фирмы «Одеро-Терни-Орландо» в Ливорно, спущен на воду 28 ноября 1937 года, 6 мая 1939 года передан СССР. После достройки и вооружения лидер вступил в строй 22 октября 1939 года.

Водоизмещение полное 3200 т, стандартное — 2893 т; длина 139,8 м, ширина 13,7 м, осадка средняя 4,2 м; мощность энергетической установки 110 000 л.с.; скорость хода максимальная 44 уз., экономическая — 20 уз; дальность плавания экономическим ходом до 4000 миль. Вооружение: 6 130 — мм, 2 76,2 — мм (с сентября 1941 года), 6 45 — мм и 8 20 — мм орудий, 6 12,7 — мм пулеметов, 3 трехтрубных 533 — мм торпедных аппарата, 2 бомбосбрасывателя. Принимал на борт 110 якорных мин заграждения. Экипаж 250 человек.

Николай Семашко

Использована информация с http://members.tripod.com/navyhistory (История развития ВМФ СССР. Советский флот во Второй Мировой войне)